

Главный редактор –
Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Шеф-редактор –
Светлана ЗАМЛЕЛОВА

Зав. редакцией –
Галина МАМОНТОВА
galina-mamontova@mail.ru

Ответственный секретарь –
Николай ГОЛОВКИН
nikgolovkin@yandex.ru

Художник-верстальщик –
Рита ВОДЕНИНА

Редактор-корректор –
Николай АЛЕКСЕЕВ

Адрес:
141730, Московская область,
г. Лобня, ул. Крупской,
д. 16, кв. 111

Телефон:
8 (916) 717-38-09

Рукописи и отзывы
принимаются по e-mail:
nikgolovkin@yandex.ru

Электронная версия:
www.velykoross.ru

В номере:

Слово главного редактора 3

ЛИТЕРАТУРОВОЗНАНИЕ

Валерий МИХАЙЛОВ
Союз любимцев вечных муз
(Дельвиг – Пушкин – Боратынский) 4

ПОЭЗИЯ

Светлана СОЛОЖЕНКИНА
«Я думаю о Златоусте...» 66

Вячеслав КУПРИЯНОВ
«Надо в небеса закинуть сеть...» 80

Юрий КОЛОДНИЙ
Молюсь за Русь!.....99

Ирина ЩЕРБИНА
Симфония весны.....119

Лариса НАЗАРЕНКО
«Война любая не забыта...» 137

Надежда ОХРИМЕНКО
«За веру нашу и за наш народ!..» 151

Татьяна ШУВАЛОВА
«Пока молитва горяча...» 189

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Юрий ЯХОНТОВ
Три территории россов.....73

70 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Николай ГОЛОВКИН
Мы победили ... .88

Светлана ГОРОШИЛОВА
«Не дай забыть, Россия...» 96

Василий КУЗНЕЦОВ
Сердце матери.....103

Некоммерческое издание
Литературно-исторический
журнал **ВЕЛИКОРОССЪ**
№1(15) 2015

Выходит четыре раза в год

16+

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
06.07.10.

Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС77-40753.

Учредитель:
Макеева С.Г.

Издатель:
ООО «Издательский дом
ВЕЛИКОРОССЪ»

Подписано в печать 18.03.15.
Формат 70x108/16.
Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 1000 экз.
Заказ 1788.

Отпечатано
в цифровой типографии
«Буки Веди» на оборудовании
KonicaMinolta
ООО «Ваш полиграфический
партнер», 127238, г. Москва,
Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6.
Тел.: (495) 926-63-96,
www.bukivedi.com,
info@bukivedi.com

Пётр ГУЛДЕДАВА «Я хотел бы забыть о войне...»	106
Тамара ЛИСИЦКАЯ «Трудно пришлось поколению нашему...»	109
Марина НОВИКОВА «Их подвиги не канут в Лету...»	112
Валентин СУХОВСКИЙ В чём загадка Руси?	114
Светлана КОМРАКОВА «Всё опалила война...»	116
Юлия АЛЕКСАНДРОВА «Время войн нам нельзя поворачивать вспять...»	130
Валерий КОРАБЛИН «Кто же песни без вас допоёт?»	134
Александр ГАНИН «А мы не забудем их синий платочек...»	139
Инна МУХИНА «К бессмертию ведёт святая цель...»	142
Екатерина НОВИКОВА-СТАНКЕВИЧ «Почему Русский Мир не оставлен?»	145
Анатолий УВАРОВ «Поклонимся Великой той войне...»	156
Анатолий ПЯТОВ Метроном памяти	162
Надежда ТЕРЕНИНА «Всё возвращается только во сне...»	166
Рубен САРКИСОВ «В огне кровавой жёсткой брани ...»	169
Василий ПОЛЯКОВ Хрупкое счастье	174
Татьяна ЧЕГЛОВА Название цикла	177
Виктор ШЕСТОВ «Поклонимся низко мы славе твоей ...»	180
Марина ЧИЧЕРИНА «Как память болит о проклятой войне...»	186
 ПРОЗА Антон ЛУКИН Дождливым вечером	125

Слово главного редактора

**Уважаемый читатель,
дорогой соотечественник!**

Текущий год Указом Президента России В.В. Путина объявлен Годом Литературы. Перед современными писателями сегодня стоит много задач, и главная из них – переосмыслить своё предназначение. Увидеть свою нынешнюю роль в судьбе Отечества и вернуть себе исторически присущую русскому писателю высокую миссию – миссию служения народу России. Некоторой части писателей жизненно необходимо избавиться от ложной системы ценностей и критериев, навязанной либеральным агитпропом; понять, что творчество и решение материальных проблем как принцип – несовместимы; избавиться, наконец, от комплекса неполноценности, заставляющего быть статистами в премиальных играх и раболепно поддакивать новоявленным литературным «лидерам»... Строго говоря, для писателя каждый год является Годом Литературы. Но в нынешнем случае, помимо прочего, речь идёт о возможности некоего конструктивного и плодотворного взаимодействия писателей и государства. Каким оно будет? И кто будет его осуществлять? Об этом можно судить уже сейчас, и, соответственно, строить прогнозы.

В то же время, текущий год – год 70-летия Великой Победы многонационального советского народа над немецко-фашистскими захватчиками, Великой Победы, за которую была заплачена великая цена. Красная Армия освободила советские народы и весь так называемый «цивилизованный мир» от «коричневой чумы». Сегодня мы всё чаще видим, как определённые силы, у нас и за рубежом, цинично и подло пытаются подвергнуть ревизии наш общенародный подвиг и отнять у нас гордость за Великую Победу. Противостоять этому – долг каждого русского писателя.

Журнал «ВЕЛИКОРОССЪ» продолжает публиковать произведения, отвечающие интересам великой многонациональной России. Залогом нашего единства является духовное братство, понимание наших общенациональных задач и нашей общей исторической судьбы.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ
Кандидат филологических наук
Заслуженный работник культуры Российской Федерации
Заслуженный работник культуры Чеченской Республики
Заслуженный работник культуры Республики Дагестан

Мнение редакции не обязательно совпадает с мнением автора. Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты. Редакция в переписку не вступает. Рукописи не рецензируются. Принятые рукописи могут быть отредактированы. Любое воспроизведение материалов или их фрагментов на любом языке возможно только с письменного разрешения правообладателя.

© Литературно-исторический журнал «Великороссъ», 2015
© Авторы, 2015

К 215-летию Е.А. Боратынского

Союз любимцев вечных муз

(Дельвиг – Пушкин – Боратынский)

Знакомство с Дельвигом

Кто свёл его с Дельвигом – вопрос. То ли друг юности Александр Креницын, то ли прапорщик Андрей Шляхтинский, сосед по квартире и земляк по Смоленщине, то ли кузен Александр Рачинский, подпрапорщик Семёновского полка, – точно не установлено. Ясно одно: они с Дельвигом не могли не встретиться, не сойтись. Это тяготение духовного родства, близких душ, – таких людей словно притягивает друг к другу. «Вряд ли будет преувеличением сказать, что Дельвиг стал его самым лучшим другом: недаром Н. Коншин называет его “любимцем души его, привязанность к которому питал как страсть”», – писал Гейр Хетсо. А где влюблённый в поэзию барон Дельвиг, там и лицейские его братья – Пушкин и Кюхельбекер, и все их друзья и приятели: А. Бестужев, В. Эртель, П. Чернышёв, П. Яковлев, М. Глинка, И. Болтин, С. Соболевский, П. Нацокин, младший Пушкин – Лёвушка. Там и шампанские бокалы, и «пунша пламень голубой», кипение молодости, задора, свободной мысли, смеха, рифм. (В письмах к маменьке об этом почему-то ни слова – правда, и писем того года в Петербурге всего несколько.)

В феврале 1819 года Боратынского наконец определили рядовым в лейб-гвардейский Егерский полк. Попасть в гвардию было нелегко, но, как видно, помогли старые связи дядюшек. Служба не обременительная, без отупляющей муштры, а самое главное – гвардейцам дозволялось жить в столице. Наверное, именно Антон Дельвиг привёл своего нового друга на заседания Вольного общества словесности, наук и художеств и Вольного общества любителей российской словесности, где познакомил с известными литераторами и издателями: Н. Гречем, Ф. Глинкой, А. Измайловым.

В конце лета соседа по квартире Шляхтинского перевели в один из пехотных полков в провинции,

Валерий Фёдорович Михайлов – поэт, прозаик, публицист, автор шестнадцати книг стихов, изданных в Казахстане и России, документальной повести «Великий джугт» («Хроника Великого джугта»), книги «Лермонтов» (2014), «Боратынский» (2015) (серия ЖЗЛ). Главный редактор литературно-художественного журнала «Простор».

Живёт в Алматы (Казахстан).

и Боратынский переселился на квартиру Дельвига в Семёновском полку. В то время по соседству с ними, в нескольких минутах ходьбы от Семёновских рот жил Пушкин: его дом стоял у Калинкина моста на реке Фонтанке; на другом берегу реки была квартира Кюхельбекера... По воспоминаниям очевидца, Боратынский с Дельвигом «жили самым оригинальным, самым беззаботным и потому беспорядочным образом, почти не имея мебели в своей квартире и, не нуждаясь в подобной роскоши, почти постоянно без денег, но зато с неистощимым запасом самой добродушной, самой беззаботной весёлости. <...> Порядок, чистота и опрятность были качествами, неизвестными в домашнем быту обоих поэтов».

*Там, где Семёновский полк, в пятой роте, в домике низком,
Жил поэт Боратынский с Дельвигом, тоже поэтом.
Тихо жили они, за квартиру платили не много,
В лавочку были должны, дома обедали редко.
Часто, когда покрывалось небо осенью тучей,
Шли они в дождик пешком, в панталонах трикотовых тонких,
Руки спрятав в карман (перчаток они не имели!),
Шли и твердили шутя: «Какое в россиянах чувство!»*

Пышные гексаметры, сочинённые в 1819 году Боратынским с Дельвигом в минуту веселья, тем комичней, чем важнее. По воспоминаниям К.А. Полевого, Пушкин однажды на вечере у его брата вспомнил эту стихотворную шутку и заставил Боратынского прочесть. И хохотал, скаля свои ослепительно-белые зубы..

Князь Пётр Вяземский с видимым удовольствием поместил в свою записную книжку забавную историю про двух неунывающих пиитов:

«Молодости было много, а денег мало. Они везде задолжали, в гостиницах, лавочках, в булочной: нигде ничего в долг им более не отпускали. Один только лавочник, торговавший вареньями, доверчиво отпускал им свой товар; да где-то промыслили они три-четыре бутылки малаги. На этом сладком пропитании продовольствовались они себя несколько дней».

Это, разумеется, не значит, что поэты бедствовали: знатная родня того бы никак не допустила. Дельвиг был из баронов; Боратынскому присылала значительные суммы маменька, тамбовская помещица. Просто друзья никак не хотели обременять себя бытом, отчего порой и жили по-спартански. Молодецких пирушек от этого нисколько не убывало..

В поэме «Пиры», написанной годом позже, воспета бесшабашная разгульная молодость, которой каждый из них заплатил добрую дань.

Узы сердца и песенного дара скрепили союз поэтов – так назвал Вильгельм Кюхельбекер поэтическое братство, куда вошли, кроме него, Пушкин, Дельвиг и Боратынский.

Всем четверым – по двадцать лет или около того: духом вольны, блестяще даровиты, умны, образованны – и каждый на взлёте своей судьбы. И все при этом – разные, каждый самобытен по стихам, образу мыслей, характеру...

*Так! Не умрёт и наш союз,
Свободный, радостный и гордый,
И в счастье и в ненастье твёрдый,
Союз любимцев вечных Муз! –*

писал восторженный Кюхля в 1820 году в стихотворении «Поэты».

А Боратынский обратил свою поэму «Пиры» к Пушкину и Дельвигу...

Поначалу он пробовал свою лиру лишь в стихах на случай. Альбомные мадригалы, зазорные эпиграммы, пока ещё неумелые:

*Здесь погребён армейский капитан.
Он честно жил и грешен не во многом:
Родился пьян и умер пьян,
Вот весь ответ его пред Богом.*

Потом он открывает для себя послания – свободный, искромётный, прихотливый жанр, где всё непосредственно, живо, где лирика мешается с островами, древний миф соседствует с современностью, пафос – с бытовым разговором.

*Так, любезный мой Гораций,
Так, хоть рад, хотя не рад,
Но теперь я муз и граций
Променял на вахтпарад;
Сыну милому Венеры,
Роцам Пафоса, Цитеры,
Приуныв, прости сказал;
Гордый лавр и мирт весёлый
Кивер воина тяжёлый
На главе моей измял.
Строю нет в забытой лире,
Хладно день за днём идёт,
И теперь меня в мундире
Гений мой не узнаёт! <...>
(«Дельвигу», 1819, <1826>)*

Далее он рисует образ друга, «любимца души» – бегло, но с удивительной верностью и свободным изяществом:

*Вольный баловень забавы,
Ты, которому дают
Говорливые дубравы
Поэтический приют,
Для кого в долине злачной,
Извиваясь, ключ прозрачный
Вдохновительно журчит,
Ты, кого зовут к свирели
Соловья живые трели,
Пой, любимец аонид!
В тихой, сладостной кручине
Слушать буду голос твой,
Как внимают на чужбине
Языку страны родной.*

Антон Дельвиг не заставил себя ждать с ответом и откликнулся посланием – «Евгению»:

*За то ль, Евгений, я Гораций,
Что пьяный, в миртовом венке,*

*Пою вино, любовь и граций,
Как он, от шума вдалеке,
И что друзей люблю – старинных,
А жриц Венеры – молодых. <...>*

*Благоуханной головою
Поникнув, Лидии молодой
Приятно нежить слух игрою,
Воспеть беспечность и покой,
И сладострастия томленье,
И пламенный восторг любви,*

*Покинуть гордые желанья,
В венок свой лавров не вплетать
И в час весёлого мечтанья
Тихонько Флакку подражать
В науке дивной, в наслажденьи,
И с ним забавы петь свои.*

Дельвиг душой – словно бы в древней Греции, и в своей воображаемой эпикурейской неге не желает знать никаких забот. На каменных мостовых северной российской столицы, ещё веющей промозглым духом погранных Петром болот, ему чудится Парнас, светлое вино, храм Цитереи, лавровые венки. Ему дела нет до караулов, разводов, вахтпарадов. – *Вольный баловень забавы, любимец аонид!*

Но этот потомок прибалтийских баронов вслед за счастливым детством человечества – древней Грецией – потянулся душой к русской старине, к народной песне, к её прямоте и простодушию. Никакого противоречия! – Миф тоже был песней, сказочной, эпической – а русская песня это народная поэзия, родом из древнего мифа, растворившая его в своём естестве.

Никто иной, как баловень и ленивец Дельвиг оказался на редкость способным к действию: он сразу же почуял в Боратынском дарование и отнёс его первые, далеко не совершенные стихи в журнал. По семейному преданию, Дельвиг сделал это, не спросив разрешения у Боратынского. Это семейное предание, – замечает Г. Хетсо, – «подкрепляется ещё и Я.К. Гротом, утверждавшим, что Баратынский осмелился явиться в печати “только по приговору своего лицейского судьи”. Любопытно в этом отношении, что барон Дельвиг, по-видимому, “устраивал в печать” и первые стихи Пушкина». В конце февраля 1819 года в «Благонамеренном» А.Е. Измайлова был напечатан мадригал «Пожилой женщине и всё ещё прекрасной», подписанный инициалами «Е.Б.». Там же, в «Благонамеренном», в марте появились: «К Алине», «Любовь и дружба», «Портрет В...» – уже с подписью: *Е. Боратынский*.

«Боратынский часто вспоминал о том тягостном впечатлении, которое произвело в нём это неожиданное появление его стихов, и говорил, что никакой впоследствии успех не мог выкупить этой мучительной минуты», – вспоминал Николай Путьята.

«Роль Дельвига в качестве ментора и поэтического руководителя, может быть, несколько преувеличена, но влияние его на Баратынского отрицать не приходится, – писала филолог Ирина Медведева в работе «Ранний Баратынский» (1936). – Это было влияние человека с гораздо большей культурой, с

огромным пониманием стиха и тонким литературным вкусом. Вероятно, именно он учуял в Баратынском элегика и направил его по пути, где он мог, и подражая, оставаться оригинальным. Он помог ему, явившемуся в литературу с традиционными стихами “на случай”, найти свой путь. Отсюда: “Ты ввёл меня в семейство добрых Муз” и “Певца пиров я с Музой подружил”.

В частности, влияние Дельвига сказалось в метрическом разнообразии поэзии Баратынского. Разнообразие размеров (у Баратынского гораздо больше, чем у Пушкина) характерно было именно для Дельвига. Делал попытку Баратынский пойти по пути Дельвига и в жанре песни. Русская песня, однако, не удержалась в поэзии Баратынского, и единственный опыт в этой области как бы выпадает из его творчества. Можно наблюдать влияние Дельвига также в культуре горацанских посланий Баратынского, хотя здесь возможен только толчок уже усвоенному у Батюшкова и Парни».

Не случись этого самовольства Дельвига, Боратынский вряд ли скоро решился бы печатать стихи: он был ещё не уверен в себе как в поэте. Кроме того, выходить к публике с чем-то, не доведённым до возможного совершенства, было не в его характере, недаром он никогда не торопился с публикациями и постоянно переделывал и шлифовал написанное.

Гейр Хетсо замечает, что первое появление стихов в печати принесло молодому поэту «не только страдания»: Боратынский «никогда не мог забыть громадного значения Дельвига» в своей поэтической судьбе:

«Было бы бессмысленно утверждать, что поэтом Баратынского сделал Дельвиг. Он только побуждал Баратынского к деятельности, давно ставшей для него потребностью. Очень скоро поэзия стала для Баратынского чем-то святым, что заключало в себе ту гармонию, в которой отказывала ему жизнь. Более того, в поэзии он вновь обрёл веру в себя: его вступление в литературу явилось как бы моральным возвращением в жизнь».

В гостях у Пушкина

Один из новых петербургских товарищей Боратынского Василий Андреевич Эртель был уроженцем Пруссии и выпускником Лейпцигского университета. Приехав в Петербург в 1817 году, он преподавал немецкий в пансионе при Царскосельском лицее, через два года вышел в отставку и давал частные уроки; впоследствии обучал своему родному языку даже наследника престола, будущего царя Александра II... Позже, в 1832 году Василий Эртель вместе с Александром Глебовым издал «Русский альманах на 1832 и 1833 годы», где было напечатано «сочинение более беллетристическое, нежели мемуарное» под названием «Выписка из бумаг моего дяди Александра». Алексей Песков считал, что доверяться этому сочинению можно разве что с оглядкой, «ибо, кажется, и сам дядя Александр и его племянник – лица вымышленные, а всю выписку сочинил, может быть, лукавый Эртель». Но, несмотря на некоторую путаницу в именах, фактах и датах (возможно, задуманную; так, Боратынский, к примеру, никак не был двоюродным братом Эртеля), в *выписке* говорится о действительных людях: они легко угадываются по инициалам: б. Д. или б. А. А. Д. – барон Дельвиг, Е. Б. и Евгений – Боратынский, полковник Л. – Лутковский, А. С. П. – Пушкин и т.д. «А некоторые факты, сообщённые об этих действительных лицах, уж слишком точны, чтобы заподозрить сочинителя выписки в абсолютном вымысле». Словом, благодаря Эртелю становятся известны интересные подробности жизни Боратынского, Дельвига,

Пушкина – как раз-таки того времени, когда Боратынский вернулся в Петербург.

«Тогда между молодыми людьми господствовал весьма приятный, непринуждённый тон и истинное товарищество, которое ныне едва знают по названию. В наших почти ежедневных сборищах много шутили и смеялись. Мы рассказывали свои похождения, причём немало прильгали, а поимка во лжи подавала повод к новому смеху. Иногда мы даже играли на дворе в бабки. Бутылки шампанского с золотистой смолой, как почётные члены, принимали участие в наших собраниях и немало способствовали к оживлению нашей беседы. Они имели ещё особенное свойство развивать музыкальные таланты наши, так что у нас весьма часто раздавались весёлые хоровые песни, которые, хотя не отличались гармонией, но увеличивали нашу весёлость. В это время сборища наши получили новую прелесть от принятого в них участия милым двоюродным братом моим Е. Б., приехавшим из Финляндии навестить нас. <...> Я не видел Евгения с нашего детства, и признаюсь, что его наружность чрезвычайно меня удивила. Его бледное, задумчивое лицо, оттенённое чёрными волосами, как бы сквозь туман горящий пламенем взор придавали ему нечто привлекательное и мечтательное; но лёгкая черта насмешливости приятно украшала уста его. Он имел отличный дар к поэзии, но, несмотря на наружность, муза его была вечно-игривое дитя, которое, убравшись розами и лилеями, шутя связывало друзей цветочными цепями и резвилось в кругу радостей. Неизъяснимая прелесть, которую проникнуто было всё существо его, отражалось и в его произведениях. <...>

В одно воскресенье Евгений рано утром вышел из дома. Я уже намерен был один пойти на гулянье, как он вошёл с другим молодым человеком, по видимому, одинаковых с ним лет, довольно плотным, в коричневом сюртуке. Большие, густыми тёмными бровями осенённые глаза блистали из-за черепачковых очков; на полном, но бледном лице его была написана мрачная важность и необыкновенное в его летах равнодушие. Как удивился я, когда Евгений назвал пришедшего б. А. А. Д. Имя его было мне известно и драгоценно по его стихотворениям. Зная также, что он был задушевым приятелем двоюродного брата моего, я с ним никогда до тех пор не встречался. Я не знал, как согласить глубокое чувство, игривый характер и истинно-русскую оригинальность, которые отражаются в его стихотворениях, с этою холодною наружностью и немецким именем. Ах! когда я короче познакомился с ним, какое неистощимое сокровище благородных чувствований, добродушия, чистой любви к людям и неизменной весёлости открыл я в сем превосходном человеке.

Едва мы пробыли вместе с четверть часа, как всякая принуждённость исчезла из нашей беседы, и мне казалось, что мы уже давным-давно знакомы.

В одно утро сей последний зашёл ко мне, чтобы по условию идти вместе к П. Евгений, который ещё прежде был знаком с П., пошёл с нами... Было довольно далеко до квартиры П., ибо он жил тогда на Фонтанке, близ Калинкина моста... Мы взойшли на лестницу, слуга отворил двери, и мы вступили в комнату П.

У дверей стояла кровать, на которой лежал молодой человек в полосатом бархатном халате, с ермолкою на голове. Возле постели на столе лежали бумаги и книги. В комнате соединялись признаки жилища молодого светского человека с поэтическим беспорядком учёного. При входе нашем П. продолжал писать несколько минут, потом, обратясь к нам, как будто уже знал, кто пришёл, подал обе руки моим товарищам со словами: “Здравствуйте, братцы!”

Вслед за сим он сказал мне с ласковою улыбкою: “Я давно желал знакомства с вами: ибо мне сказывали, что вы большой знаток в вине и всегда знаете, где достать лучшие устрицы”. <...> Мы говорили о древней и новой литературе и остановились на новейших произведениях. Суждения П. были вообще кратки, но метки; и даже когда они казались несправедливыми, способ изложения их был так остроумен и блистателен, что трудно было доказать их неправильность. В разговоре его заметна была большая склонность к насмешке, которая часто становилась язвительною. Она отражалась во всех чертах лица его, и думаю, что он способен возвыситься до той истинно поэтической иронии, которая подымается над ограниченной жизнью смертных и которой мы столько удивляемся в Шекспире.

Хозяин наш оканчивал тогда романтическую свою поэму (речь о «Руслане и Людмиле – В. М.). Я знал уже из неё некоторые отрывки, которые совершенно пленили меня и исполнили нетерпением узнать целое. Я высказал желание; товарищи мои присоединились ко мне, и П. принуждён был уступить нашим усиленным просьбам и прочесть своё сочинение. Оно было истинно превосходно. И теперь ещё с восхищением вспоминаю я о высоком наслаждении, которое оно мне доставило. Какая оригинальность в изобретении! Какое поэтическое богатство! Какие блистательные картины! Какая гибкость и сладкозвучие в языке!

Откровенно признаюсь, что из позднейших произведений сего поэта ни одно не удовлетворило меня в такой степени, как сие прелестное создание юношеской его фантазии. Хотя в них нельзя не признать силы гения, хотя в них красота и блеск языка доведены, может быть, до высшего совершенства, но в них также заметно подражание иностранным образцам, недостойное их автора. П. кажется мне человеком, более назначенным к тому, чтобы самому проложить новый путь и служить образцом, нежели чтобы подражать образцам чужим, коих слава часто основывается на временно господствующем вкусе. Но довольно. Я не поэт и не должен судить о произведениях искусства. Моё дело владеть шпагой, а не пером <...>».

Первая поэма

Первая поэма Боратынского «Пиры» была написана в 1820 году в Финляндии. Начинаясь она легко и шутливо:

*Друзья мои! я видел свет,
На всё взглянул я верным оком.
Душа полна была сует,
И долго плыл я общим током <...>.*

Но это поздняя редакция, относящаяся к 1832 году, и сделана она уже давно женатым человеком, чутко оберегающим семейное счастье. Не ради этого ли поэт порой подправлял свои былые строки, изменял даты? А может, с возрастом и мастерством ему уже претила былая прямолинейность и откровенность? Как бы то ни было, в ранней редакции было другое начало:

*Друзья мои! я видел свет,
На всё взглянул я верным глазом,
Любовник, воин и поэт,
Трём божествам служил я разом.*

В каждой шутке доля правды, иногда немалая. Любовь – божество, и поставлена на первое место среди других. Вполне естественно для молодого человека, не слишком увлечённого «божеством» воинской службы и ещё не совсем уверенного в своём поэтическом даровании. Однако поэма вовсе не о любви: буквально следующей же строкой: «Безумству долг мой заплачён...» на этой теме ставится крест. Дружество – вот основной мотив поэмы, святое братство таких же, как он, певцов, разделённых судьбиной, но верных своему единству.

«Пиры» вышли в свет в марте 1821 года в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения». Эпиграф более чем прозрачно намекал на финляндскую «ссылку»: «Воображение раскрасило тусклые окна тюрьмы Серванта. Стерн». Издатели сопроводили публикацию словно бы шутливо извиняющемся предисловием: «Сия небольшая поэма писана в Финляндии. Это своеобразная шутка, которая, подобно музыкальным фантазиям, не подлежит строгому критическому разбору. Сочинитель писал её в весёлом расположении духа; мы надеемся, что не будут судить его сердито».

Всё это было: и пронизанный иронией непринуждённый слог, и весёлое настроение духа (хотя к концу поэмы стихи немного погрустнели). Всё свидетельствовало о том, что недавний душевный кризис преодолён, и сердце молодого поэта раскрыто для новых впечатлений и жаждет жизни. Пусть уныние не исчезло вовсе – но оно отодвинулось в сторону и не так страшно...

В «Пирах» дышит свобода – и от былой подавленности духа, и от финляндского «изгнанничества». Не это ли раскрепостило Боратынского и вынесло его за пределы жанра: он пренебрёг традиционной литературной формой, «отпустил вожжи» повествования – и описательная поэма, повинувшись своей свободе, перешла вдруг в дружеское послание, а потом и в элегию.

Жизнелюбивый рассказ о роскошных, но незамысловатых пиршествах дворянских хлебосолов в Белокаменной сменяется воспоминанием о дружеских пирушках, куда как более дорогих сердцу:

*В углу безвестном Петрограда,
В тени древес, во мраке сада,
Тот домик помните ль, друзья,
Где наша верная семья,
Оставляя скуку за порогом,
Соединялась в шумный круг
И без чинов с румяным богом
Делила радостный досуг?
Вино лилось, вино сверкало;
Сверкали блёстки острых слов,
И веки сердце проживало
В немного пламенных часов.*

Тут, на простой скатерти не хрустали, не «фарфоры Китая», а «стекло простое» – зато через край «любимое Аи»:

*Его звездающаяся влага
Недаром взоры веселит:
В ней укрывается отвага,
Она свободною кипит,
Как пылкий ум, не терпит плена,*

*Рвёт пробку резвою волной,
И брызжет радостная пена,
Подобье жизни молодой.
Мы в ней заботы потопляли
И средь восторженных затей
«Певцы пируют! – восклицали. –
Слепая чернь, благоговей!»*

Боратынский вспоминает и себя в этих вольных поэтических застольях: как пил «с улыбкой равнодушной» и как потом «светлела мрачная мечта». Воспоминание дорого... но оно вызывает в памяти родину, и оттого ещё острее ощущается разлука с ней.

*О, если б тёплого мольбой
Обезоружив гнев судьбины,
Перенестись от скал чужбины
Мне можно было б в край родной!*

Вместе с искристой влагой шампанского послание словно бы перетекает в элегию: поэт мечтает о новом пире, о том, как он собрал бы у себя в родном доме разбросанных по свету друзей:

*Мы, те же сердцем в век иной,
Сберёмтесь дружеской толпой
Под мирный кров домашней сени:
Ты, верный мне, ты, Д<ельви>г мой,
Мой брат по музе и по лени,
Ты П<ушки>н наш, кому дано
Петъ и героев, и вино,
И страсти молодости пылкой,
Дано с проказливым умом
Быть сердца верным знатоком
И лучшим гостем за бутылкой.
Вы все, делившие со мной
И наслажденья и мечтанья,
О, поспешите в домик мой
На сладкий пир, на пир свиданья! <...>*

В ранней редакции поэмы о Пушкине другие стихи – может, не такие обдуманные, но не менее искренние и живые:

*Ты, поневоле милый льстец,
Очаровательный певец
Любви, свободы и забавы,
Ты, П<ушкин>, ветреный мудрец,
Наперсник шалости и славы, –
Молиству радости запой,
Запой: соседственные боги,
Сатиры, фавны козлоноги
Сбегутся слушать голос твой,
Певца внимательно обстанут
И, гимн весёлый затвердив,
Им оглашать наперерыв
Мои леса не перестанут.*

Именно эти строки прочитал тогда же, в 1821 году, Пушкин, сосланный по службе на юг. Сочиняя третью главу «Евгения Онегина», он вспомнил дружеское обращение к себе Боратынского и ответил ему: ни много ни мало *попросил* перевести письмо Татьяны к Онегину:

*Певец Пиров и грусти томной,
Когда б ещё ты был со мной,
Я стал бы просьбою нескромной
Тебя тревожить, милый мой:
Чтоб на волшебные напевы
Переложил ты страстной девы
Иноплеменные слова,
Где ты? приди: свои права
Передаю тебе с поклоном...
Но посреди печальных скал,
Отвыкнув сердцем от похвал,
Один, под финским небосклоном,
Он бродит, и душа его
Не слышит горя моего.*

Стало быть, «Пир» пришлись Пушкину весьма по душе. Пушкин всегда был щедр на похвалу и ободрение своих сотоварищей, но здесь видно и другое: по духу, по слогу поэма Боратынского была близка первым главам «Онегина». Заметим, однако, насколько мягче, яснее, добрее и серьёзнее обращение Пушкина, чем Боратынского: тут ни «льстеца», ни эпитетов «проказливый» и «ветреный», ни мифологической буколки...

Магия разуверения

В альбом Павла Яковлева летом 1821 года рукой Боратынского вписано двестише:

*Полуразрушенный, я сам себе не нужен
И с девой в сладкий бой вступаю безоружен.*

С кем этот «сладкий бой»?.. не с Софьей ли Пономарёвой, салон которой они вновь усердно посещают вместе с Антоном Дельвигом, также сильно увлечённым ею?..

В том же альбоме Яковлева по соседству с двестишем другие записи, сделанные Боратынским, и они напрямую связаны с блестящей кокеткой:

«Яковлев, – сказала Софья Дмитриевна, – расположился жить в свете, как будто у себя дома, и позабыл, что жизнь пустое».

Ещё одна его запись на французском: «Г-н Баратынский как-то за столом сказал, что он станет ухаживать за Мадам, когда волосы его побелеют, – записывает он свой разговор с Пономарёвой; – она отвечала: – Вы прежде будете пьяны, нежели белы». Беседа шла по-французски, и Софья Дмитриевна изящно играла словом, сказав это: «Monsieur, Vous serez plutot gris que blanc», ибо прилагательное *gris* переводится как *серый, седой* – и *пьяный*.

И записывает уже своё *bonmot* – остроу, рождённую в свободной застольной беседе: «Некто говорил о деспотизме русского правительства. Баратынский заметил, что оно “парит превыше всех законов”» (*перевод с французского*).

Недолгая радость возвращения в Петербург вновь уступает место в его душе довлеющей печали:

*Нет, не бывает тому, что было прежде!
Что в счастье мне? Мертва душа моя! <...>
Лишь вслед ему с унылым сладострастьем
Гляжу я вдоль моих минувших дней.
Так нежный друг в бесчувственном забвеньи
Ещё глядит на зыби синих волн,
На влажный путь, где в тёмном отдаленьи
Давно исчез отбывший дружный чёлн.*

Эта, в духе Парни, элегия в общем-то весьма банальна, но всё же дарит самобытным боратынским эпитетом:

...с унылым сладострастьем...

Зато вскоре за ней следует шедевр – «Разуверение»:

*Не искушай меня без нужды
Возвратом нежности твоей:
Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней!
Уж я не верю увереньям,
Уж я не верю в любовь
И не могу предаться вновь
Раз изменившим сновиденьям!
Слепой тоски моей не множь,
Не заводи о прежнем слова
И, друг заботливый, больнова
В его дремоте не тревожь!
Я сплю, мне сладко усыпленье;
Забудь бывалые мечты:
В душе моей одно волненье,
А не любовь пробудишь ты.*

Это похоже на заклинание: магия простых слов, магия искреннего чувства, – и так необычно задеты старые элегические струны...

Тут открыто нечто новое в любовной лирике – глубиной психологического анализа угасшего влечения. Утрата любви переживается не менее сильно, чем первоначальное чувство. Любовный пламень перегорел в сновидение, но на смену любви пришла дремота разуверенья, не менее живая и полная.

А.С. Пушкин с шутливым изумлением писал П.А. Вяземскому 2 января 1822 года: «Но каков Боратынский? Признайся, что он превзойдёт и Парни и Батюшкова – если впредь зашагает, как шаггал до сих пор, – ведь 23 года счастливцу! Оставим все ему эротическое поприще и кинемся каждый в свою сторону, а то спасенья нет». (Боратынскому в ту пору было не 23, а неполных 22 года.)

Тогда же впервые имя молодого счастливца в ряду первых русских поэтов упомянул в печати А. Бестужев – в отрывке из своей книги «Поездка в Ревель»: «<...> Жуковскому и Крылову едва ли прибавит достоинства и прекрасная критика – Пушкина и Боратынского не убьёт и дурная».

Несколькими годами позже П.А. Плетнёв, разбирая творчество русских поэтов, очень высоко оценил элегии Боратынского и, в первую очередь, «Разуверение»:

«Между тем, как мы воображали, что язык чувств уже не может у нас сделать новых опытов в своём искусстве, явился такой поэт, который разрушил нашу уверенность. Я говорю о Боратынском. В элегическом роде он идёт новою, своею дорогою. Соединяя в стихах своих истину чувств с удивительною точностию мыслей, он показал опыты прямо классической поэзии. Состав его стихотворений, правильность и прелесть языка, ход мыслей и сила движений сердца выше всякой критики. Он ясен, жив и глубок <...>. Игривое и важное, глубокое и лёгкое, истинное и воображаемое: всё он постигнул и выразил. Рассмотрите его элегию: *Разуверение*».

Тогда же, в 1825 году, Плетнёв писал Пушкину (письмо от 7 февраля):

«Мне хотелось бы сказать, что до Боратынского Батюшков и Жуковский, особенно ты, показали едва ли не лучшие элегические формы, так, что каждый новый поэт должен бы непременно в этом роде сделаться чьим-нибудь подражателем, а Боратынский выплыл из этой опасной реки – и вот, что особенно меня удивляет в нём».

В конце 1821 года «Разуверение» вышло в журнале «Соревнователь Просвещения и Благотворения», а ещё через четыре года молодой композитор Михаил Глинка написал на слова элегии свой знаменитый и бессмертный романс...

Узы дружества

Блестящий Петербург начала 1820-х годов кипел молодостью и жизнью, а на юге страны, в тесном городке Кишинёве Пушкин томился от скуки, ждал писем, жадно разрезал листы свежих столичных журналов. Про свою музу шутил с небрежной мрачностью: дескать, та «от воздержанья чахнет / И редко, редко с ней грешу».

Это – из послания к «парнасскому брату» Дельвигу.

*<...> К неверной славе я хладаю;
И по привычке лишь одной
Лениво волочусь за нею,
Как муж за гордою женой.
Я позабыл её обеды,
Одна свобода мой кумир,
Но всё люблю, мои поэты,
Счастливым голос ваших лир <...>.*

Едва ли не пристальней всех следил Пушкин за счастливцем Боратынским: тот был близок вдвойне – и как собрат по Парнасу, и как собрат по неволе. В начале 1822 года именно ему посвящены два стихотворения:

*БАРАТЫНСКОМУ
Из Бессарабии*

*Сия пустынная страна
Священна для души поэта:
Она Державинным воспета
И славою русскою полна.*

*Ещё донныне тень Назона
Дунайских ищет берегов;
Она летит на сладкий зов
Питомцев муз и Аполлона,
И с нею часто при луне
Брожу вдоль берега крутого;
Но, друг, обнять милее мне
В тебе Овидия живого.*

И, видимо, следом:

ЕМУ ЖЕ

*Я жду обещанной тетради:
Что ж медлишь, милый трубадур!
Пришли её мне, Феба ради,
И награди тебя Амур.*

«Живой Овидий» тем временем бродит на набережных Невы: в Петербурге Боратынский вместе со своим полком провёл добрую половину всего 1822 года.

Братья по «Союзу поэтов» тоже сильно скучали по Пушкину. В начале марта Боратынский со своим приятелем Лёвушкой Пушкиным и его отцом Сергеем Львовичем посетили в гостинице Демута приехавшего из Кишинёва И.П. Липранди, чтобы в подробностях расспросить его о жизни сосланного поэта. А чуть позже семья Пушкиных дала обед для гостя с юга; за столом собрались Дельвиг, Боратынский, Розен и несколько близких товарищей: читали стихи Пушкина и пили его здоровье.

В «Послании к цензору» Пушкин вновь вспоминает Боратынского:

*<...> Ни чувства пылкие, ни блеск, ни вкус,
Ни слог певца Пиров, столь чистый, благородной, –
Ничто не трогает души моей холодной <...>.*

Не трогает – но не забывает же о нём, думает...

В сентябре 1822 года Пушкин пишет из Кишинёва Вяземскому: «<...> Мне жаль, что ты не вполне ценишь прелестный талант Баратынского. Он более, чем подражатель подражателей, он полон истинной элегической поэзии <...>».

А затем – младшему брату Льву: «<...> Читал стихи и прозу Кюхельбекера – что за чудак! Только в его голову может войти жидовская мысль воспевать Грецию <...> славяно-русскими стихами, целиком взятыми из Иеремиа. Что бы сказал Гомер и Пиндар? – но что говорят Дельвиг и Баратынский? <...>».

Собратья-поэты были разлучены разве что судьбой, но не душой и сердцем. Как писал тогда же Боратынский:

*<...> Развеселясь, в забвеньи сердце пели,
И, дружества твердя обет святой,
Бестрепетно в глаза судьбе глядели <...>.*
(1822)

В этих строках из ранней редакции послания к Дельвигу незримо присутствуют и Пушкин, и Кюхельбекер...

Не один только Пушкин следил за тем, как стремительно взлетал к вершинам поэзии Евгений Боратынский. Прославленный переводчик Гомера

Н.И. Гнедич прислал молодому поэту свежую книжку «Сына отечества» со своей идиллией «Рыбаки». Боратынский хворал – и ответил сердечной запиской: «Почтеннейший Николай Иванович, большой Боратынский довольно ещё здоров душою, чтоб ему глубоко быть тронутым вашей дружбою. Он благодарит вас за одну из приятнейших минут его жизни, за одну из тех минут, которые действуют на сердце, как кометы на землю, каким-то электрическим воскресением, обновляя его от времени до времени <...>».

В апрельском номере «Сына отечества» вышло «Письмо к издателю» Павла Катенина: известный поэт и драматург обращался к Н.И. Гречу, оценивая его труд об истории русской литературы, и замечал: «Из молодых писателей упомянули вы об одном Пушкине; он, конечно, первый между ими, но не огорчительно ли прочим оставаться в неизвестности? <...> Признаюсь вам, мне особенно жаль, что вы не упомянули о Баратынском. Хотя, к сожалению, большая часть его стихов написана в модном и несколько однообразном тоне мечтаний, воспоминаний, надежд, сетований и наслаждений; но в них приметен талант истинный, необыкновенная лёгкость и чистота». Греч ответил Катенину со страниц журнала, что собирается писать о Боратынском и других поэтах во втором издании своего труда.

***

Но тут подошло время для вещей куда более серьёзных – посланий Гнедичу, который «советовал сочинителю писать сатиры».

Осталось неизвестным, насколько коротким было знакомство Боратынского с Гнедичем, как часто встречались они за важными беседами. Несомненно, такие встречи были: молодой поэт искренне уважал старшего собрата, а тот следил за его творчеством и видел истинный талант. Николай Иванович Гнедич был знаменит, прежде всего, великолепным переложением на русский язык «Илиады» Гомера. Современники ясно понимали: эта работа подвижничество и подвиг. Гнедич не скрывал своих взглядов: поэзии надобно служить, как отчизне, без высокой цели нет истинного поэта. Летом 1821 года он произнёс в Вольном обществе любителей российской словесности пламенную речь и призвал сочинителей к выполнению гражданского долга: «владеть пером с честью», бороться «с невежеством наглым, с пороком могущим». Вполне возможно, что Гнедич прочитал в списках куплеты о певцах 15-го класса: это могло его только огорчить: разве допустимо разменивать талант на пустяки! И, вероятно, при встрече или же в беседе он посоветовал Боратынскому всерьёз отнестись к сатире. Боратынский ответил Гнедичу двумя пространными посланиями, честными и глубокими. Сам размер, выбранный для них, – чеканный шестистопный ямб – свидетельствует, как ответственно он отнёсся к этому заочному разговору.

*Враг суетных утех и враг утех позорных,
Не уважаешь ты безделок стихотворных;
Не угодит тебе сладчайший из певцов
Развратной прелестью изнеженных стихов:
Возвышенную цель поэт избрать обязан.*

*К блестящим шалостям, как прежде, не привязан,
Я правилам твоим последовать бы мог,
Но ты ли мне велишь оставить мирный слог
И, едкой желчию напитывая строки,
Сатирую восстать на глупость и пороки?
Миролюбивый нрав дала судьбина мне,
И счастья моего искал я в тишине;
Зачем я удалюсь от столь разумной цели?
И, звуки лёгкие затейливой свирели
В неугомонный лай неловко превратя,
Зачем себе врагов наделаю шутя?
Страшусь их множества и злобы их опасной. <...>*

Боратынский не отрицает «полезности» сатиры для общества, но ему самому не по душе «язвительных стихов какой-то злобный жар», да и сомневается он в том, что слово способно ужаснуть порочных людей:

*Но если полную свободу мне дадут,
Того ль я утрашу, кому не страшен суд,
Кто в сердце должного укора не находит,
Кого и божий гнев в заботу не приводит,
Кого не оскорбит язвительный язык!
Он совесть усыпил, к позору он привык. <...>*

Не верит он обществу: слишком велико «людское развращенье», и даже самого благородного гражданина оно судит по себе и видит в нём не его искренний подвиг, а «дурное побужденье».

*Нет, нет! разумный муж идёт путём иным
И, снисходительный к дурачествам людским,
Не выставляет их, но сносит благонравно;
Он не пытается, уверенный забавно
Во всемогуществе болтанья своего,
Им в людях изменить людское естество.
Из нас, я думаю, не скажет ни единый
Осине: дубом будь, иль дубу – будь осиною;
Меж тем как странны мы! Меж тем любой из нас
Переиначить свет задумывал не раз.*

(«Г<неди>чу», 1822-1823; 1826; 1833)

В более ранней редакции этого послания Боратынский впервые оценивает себя, свой дар: *я беден дарованьем*. А в первой редакции – самооценка ещё суровей: *талантом я убог*. Что это: самоумаление? скрытая гордыня?.. А если скромность, то какая – истинная или же ложная?..

Разумеется, к тому времени он знал себе цену и чувствовал в себе нарастающую силу. Да и прозорливые современники понимали это. «Боратынский по гармонии стихов и меткому употреблению языка может стать наряду с Пушкиным», – писал А. Бестужев в конце 1822 года в своей статье о русской словесности. (Правда, В. Одоевский в отзыве на эту статью сомневается в том, что Боратынского можно упоминать в одном ряду с Пушкиным – «новым Прометеем и триумвиром Поэзии».) Самооценка Боратынского больше всего похожа на смирение и вызвана, пожалуй, пониманием того, что всё на свете относительно, а перед величием Творца

и бесконечного Времени – и ничтожно. Даже вдохновенное поэтическое слово.

Так зарождалась его знаменитая поэтическая формула:

Мой дар убог, и голос мой не громок... –

та отшлифованная, как бриллиант, мысль о своей осуществлённой самобытности, которую он выразил уже позже, в 1828 году...

В этой же ранней редакции послания Гнедичу есть строки, напрямую связанные с травлей «Союза поэтов» и теми, кто её затеял:

*<...> Признаться, в день сто раз бываю я готов
Немного пострадать парнасских чудачков,
Сказать, хоть на ухо, фанатикам журнальным:
Срамите вы себя ругательством нахальным,
Не стыдно ль ум и вкус коверкать на подряд,
И травлей авторской смешить гостинный ряд;
Россия в тишине, а с шумом непристойным
Воюет Инвалид с Архивом беспокойным;
Сказать Панаеву: не музами тебе
Позволено свирель напачкать на гербе;
Сказать Измайлову: болтун еженедельной,
Ты сделал свой журнал Парнасской богадельной,
И в нём ты каждого убогого умом
С любовью жалуешь услужливым листком.
И Цертелев блажной и Яковлев трахтирный
И пошлый Фёдоров и Сомов безмундирный,
С тобою заключив торжественный союз,
Несут тебе плоды своих лакейских муз <...>.
Меж тем иной из них, хотя прозаик вялой,
Хоть плоский рифмоплёт – душой предоброй малой!
Измайлов, например, знакомец давний мой,
В журнале плоский враль, ругатель площадной,
Совсем печатному домашний не подобен,
Он милой хлебосол, он к дружеству способен:
В день Пасхи, Рождества, вином разгорячён,
Целует с нежностью глупца другова он;
Панаев – в обществе любезен без усилий
И верно во сто раз милей своих идиллий.
Их много таковых – на что же голос мой
Нарушит их сердце, веселье и покой?
Зачем я сделаю нескромными стихами
Их, из простых глупцов, сердитыми глупцами? <...>*

Впоследствии Боратынский выбросил эти строки, да и вообще сильно сократил своё послание, местами рыхлое и торопливое. Может, потому оно сразу и не пришлось по сердцу Пушкину, написавшему 16 ноября 1823 года, по прочтении, Дельвигу: «Сатира к Гнед.<ичу> мне не нравится, даром что стихи прекрасные; в них мало перца; “Сомов безмундирный” непростительно. Просвещённому ли человеку, русскому ли сатирику пристало смеяться над независимостью писателя?»

По возвращении из Мары в Роченсальм, Боратынский написал второе послание Гнедичу: теперь отставлена в сторону вся злоба дня и суета мирская – и разговор только о судьбе и поэзии.

*Нет! в одиночестве душой изнемогая
Средь каменных пустынь противного мне края,
Для лучших чувств души ещё я не погиб,
Я не забыл тебя, почтенный Аристипп,
И дружбу нежную, и русские Афины! <...>
Нет, нет! мне тягостно отсутствие друзей,
Лишение тягостно беседы мне твоей,
То наставительной, то сладостно отрадной:
В ней, сердцем жадный чувств, умом познаний жадный,
И сердцу и уму я пищу находил. <...>*

Новое послание ясно, мужественно, бодро по духу: никакого уныния, ни малейших жалоб на изгнание:

*Судьбу младенчески за строгость не виня,
И взяв тебя в пример, поэзию, ученье
Призвал я украшать моё уединенье.
Леса угрюмые, громады мшистых гор,
Пришельца нового пугающие взор,
Свинцовых моря вод безбрежная равнина,
Напев томительный протяжных песен финна –
Не долго, помню я, в печальной стороне
Печаль холодную вливали в душу мне.
Я победил её и не убит неволей. <...>*

И дальше о животворной радости вдохновения, о благодарной любви к искусству, о спасительной силе поэзии...

*И, не страшась толпы взыскательных судей,
Я умереть хочу с любовью моей. <...>*

(Заметим, последняя строка поэта, одолевшего первую половину жизни, оказалась пророческой: Боратынский умер на новом взлёте любви к поэзии...)

Однако ни любомудрие, ни стихи всё же не могут заменить друзей «для сердца милых». Все думы его – о пышном Петрограде, о полноте истинной жизни, которую он ощущал только там:

*За то не в первый раз взываю я к богам:
Свободу дайте мне – найду я счастье сам!*

(«Н. И. Гнедичу», 1823)

Так, на высокой ноте, завершился его заочный разговор с тем, кто был «дарованиями, душою превосходный, / В стихах возвышенный и в сердце благородный!»

Нежданные дорогие гости

В конце лета 1823 года, приехав ненадолго в столицу, Боратынский договорился с А. Бестужевым и К. Рылеевым, владельцами журнала «Полярная звезда», об издании своих стихов отдельной книгой и получил от них за это 1 000 рублей.

В начале сентября в Роченсальм неожиданно приехали гости из Петербурга: Антон Дельвиг уговорил друзей проведать Боратынского в затянувшемся изгнании. Николай Коншин вспоминал, как тот был обрадован приездом сюда «добротного Дельвига с Павлищевым и учёным Эртелем»: «<...> несколько дней прожито было поэтически в кругу полкового общества, постоянно равнодушного к удовольствию своего поэта». (Позже, в апреле 1825 года Дельвиг, уже в одиночку, навестил Пушкина в Михайловском Псковской губернии: он скучал по своим друзьям и понимал, как они ещё сильнее в своей глуши тоскуют по дружескому общению.) В Роченсальме, на радость встречи, Дельвиг сочинил застольную песню, посвятив её Боратынскому и Коншину:

*Ничто не бессмертно, не прочно
Под вечно изменной луной,
И всё расцветает и вянет,
Рождённое бедной землёй.*

*И прежде нас много весёлых
Любило и пить и любить:
Нехудо гулякам усопшим
Веселья бокал посвятить.*

*И после нас много весёлых
Полюбят любовь и вино,
И в честь нам напелят бокалы,
Любившим и пившим давно.*

*Теперь мы доверчиво, дружно
И тесно за чашей сидим.
О дружба, да вечно пылаем
Огнём мы бессмертным твоим!*

Переслав в Петербург рукопись со стихами, Боратынский следом отправил своим друзьям-издателям письмо:

«Милые собратья Бестужев и Рылеев! Извините, что не писал к вам вместе с присылкою остальной моей дряни, как бы следовало честному человеку. Я уверен, что у вас столько же добродушия, сколько во мне лени и бестолочи. Позвольте приступить к делу. Возьмите на себя, любезные братья, классифицировать мои пьесы. В первой тетради они у меня переписаны без всякого порядка, особенно вторая книга элегий имеет нужду в пересмотре; я желал бы, чтобы мои пьесы по своему расположению представляли некоторую связь между собою, к чему они до известной степени способны. Второе: какие именно стихи не будет пропускать честная цензура: я, может быть, успею их переделать. <...> Четвёртое: о други и братья! постарайтесь в чистеньком наряде представить деток моих свету, – книги, как и людей, принимают по платью. – Прощайте, мои милые, желаю всего того, чем сам не пользуюсь: наслаждений, отдохновений, счастья, – жирных обедов, доброго вина, ласковых любовниц. Остаюсь со всею скукою финляндского житья душевно вам преданный – Боратынский».

В конце ноября верный спутник и друг Боратынского Николай Коншин вышел в отставку и вернулся на родину: решил создать семью.

Поэт остался один...

«Что за прелесть эта Эда!»

Чухонку свою – Эду – он угадал верно: «отца простого дочь простая» блистала в счастливой глуши «красой лица, красой души». Она – дитя естества, дитя природы: недаром очи её «<...> бледно-голубые, подобно финским небесам».

Русский гусар, немудрёный обольститель, скучающий службой, без труда влюбил в себя эту невинную доверчивую деву. А потом, конечно, бросил – как только позвала его прочь бродячая военная судьба. И девушка умерла от горя и тоски...

Сюжет поэмы столь прост, что толкователи литературы были в досаде.

Каждый из них судил по своему разумению и вкусу.

Александр Бестужеву не достало от «Эды» гражданских обличений. Зимой 1825 года он писал Пушкину в Михайловское: «<...> Что же касается Баратынского – я перестал веровать в его талант. Он исфранцузился вовсе. Его “Эда” есть отпечаток ничтожности, и по предмету и по исполнению <...>».

Ему, по сути, вторил – но уже публично – Фаддей Булгарин, пеняя Боратынскому на «скудость сюжета», которая «имела действие и на образ изложения: стихи, язык в этой поэме не отличные».

Виссариона Белинского привёл в полное недоумение этакий незамысловатый рассказ. Критик ожидал трагедии и пафоса, приличного трагедии, а нашёл необычайную простоту. Что же это, как не «Бедная Лиза» в стихах? – решил он. И сделал вывод: *плохая поэма*.

Другое дело – Пушкин.

Пушкин был читателем совсем иного качества: то не критик, а *поэт* оценивал поэта. К Боратынскому, своему ровеснику и другу, он присматривался, быть может, как ни к кому другому. Мало того что Пушкин тосковал по общению (так, в мае 1825 года он писал из Кишинёва Н. Гнедичу: «<...> От брата давно не получал известий, о Дельвиге и Баратынском также – но я люблю их и ленивых <...>»), – Боратынский притягивал его своей поэтической новизной. Это было не банальное соперничество – но освоение тех возможностей, что таила в себе ещё далеко не возделанная нива русской поэзии. Всей глубиной своей творческой интуиции Пушкин угадывал в Боратынском первооткрывателя, нового поэта, каких ещё не бывало. Вот почему Боратынский не покидал его дум: то на полях рукописи «Евгения Онегина» Пушкин набрасывал своим летящим точным пером его профиль, то требовал от Дельвига или самого поэта – свежих стихов, то использовал ту или иную тему Боратынско-го, разрабатывая её по-своему.

Узнав, что Боратынский пишет новую поэму, Пушкин буквально забрасывал младшего брата и друзей просьбами: немедленно прислать ему список «Эды». «<...> Торопи Дельвига, присылай мне чухонку Баратынского, не то проклянью тебя <...>» (из письма к брату Льву, ноябрь 1824 года). «Пришли же мне Эду Баратынского. Ах он чухонец! да если она милее моей Черкешенки, так я повешусь у двух сосен и с ним никогда знаться не буду» (из письма к брату Льву и сестре Ольге, 4 декабря 1824 года).

Прочитав наконец поэму, Пушкин пришёл в восторг. Ему хотелось, чтобы этот восторг разделили другие. Недаром 20 февраля 1826 года он отослал П.А. Осиповой в Тверь книгу Боратынского с «Эдой» и «Пирами», сопроводив посылку запиской: «Вот новая поэма Баратынского, только что присланная мне Дельвигом; это образец грациозности, изящества и чувства <...>».

А самому Дельвигу он писал в тот же день в Петербург: «<...> что за прелесть эта Эда! Оригинальности рассказа наши критики не поймут. Но какое разнообразие! Гусар, Эда и сам поэт, всякой говорит по-своему. А описания лифляндской природы! а утро после первой ночи! а сцена с отцом! – чудо! <...>».

Тем же днём помечена эпиграмма Пушкина на убогую рецензию Ф. Булгарина в «Северной пчеле». И у себя в псковской глуши Пушкин следил за литературной жизнью столицы – и уж тем более, под впечатлением от «Эды», не мог пропустить свежее испечённый отзыв на поэму. Булгарин не нашёл в поэме «<...> пиитической, возвышенной, пленительной простоты, которой мы удивляемся в “Кавказском пленнике”, “Цыганах” и “Бахчисарайском фонтане” А.С. Пушкина <...>».

Хотел ли критик сшибить лбами Баратынского с Пушкиным? (С него станет: тот ещё провокатор!..) Однако, скорее, критик не уловил поэзии – по той же причине, что и Бестужев: как читатель оказался прямолинеен и толстокож: «<...> Даже в прозе повесть сия не увлекла бы читателя заманчивостью, а нам кажется, что поэзия должна избирать предметы возвышенные, выходящие из обыкновенного круга повседневных приключений и случаев: иначе она превратится в рифмоплётство <...>».

Заочный ответ Александра Пушкина поставил всё на место:

*Стих каждый в повести твоей
Звучит и блещет, как червонец.
Твоя чухоночка, ей-ей,
Гречанок Байрона милей,
А твой зоиц прямой чухонец.*

Меньше всего Боратынский искал в «Эде» заманчивости: по наитию вдохновения и в то же время сознательно он избрал предметом – простое, чтобы отыскать в нём необыкновенное. Собственно, поэт предупредил об этом читателя в своём предисловии:

«<...> Что же касается до остального, то сочинитель мог ошибиться; но ему казалось, что в поэзии две противоположные дороги приводят к почти той же цели: очень необыкновенное и совершенно простое, равно поражая ум и равно занимая воображение. Он не принял лирического тона в своей повести, не осмеливаясь вступить в состязание с певцом “Кавказского пленника” и “Бахчисарайского фонтана”. Поэмы Пушкина не кажутся ему безделками. Несколько лет занимаясь поэзией, он заметил, что подобные безделки принадлежат великому дарованию, и следовать за Пушкиным ему показалось труднее и отважнее, нежели идти новою собственною дорогою».

Эту новую дорогу в поэзии тогда было дано почувствовать и понять лишь немногим. Николай Языков, например, нашёл, что в «Эде» слишком мало поэзии, слишком много «непристойного, обыкновенного и, следовательно, старого <...>». Пётр Плетнёв назвал «Эду» самым замечательным из тех стихов Боратынского, в которых описывается Финляндия. Он отметил как «простоту события», так и «новость слишком безыскусственной формы».

Новость была и в другом: психологический портрет героини, её чувства были обрисованы в тонких и точных подробностях, с необычайным искусством, – и этого тогда ещё не знала ни русская поэзия, ни проза. Любовь Эды зарождается по весне, расцветает летом, вянет осенью: всё по естеству заведённого природного круговращения.

***

Ожидание развязки с военной службой скрашивали письма друзей. Пушкин сообщал, что сочинил романтическую трагедию – «Бориса Годунова», звал в гости в Михайловское. (Увы, это его письмо не сохранилось.) Дельвиг сокрушался, что не получает ни строчки, и передавал поклон от молодой жены. «<...> Она думает, что при тебе я должен ей показаться ещё лучше, чем без тебя. Друг подсоусивает друга <...>», – шутил «божией милостью барон». А про современную словесность замечал уже не шутя – с горечью: «<...> Литература уже давно не принимается или не должна быть принимаема в гостиную: так она грязна. Об ней говоришь в передней с торгашами <...>».

Боратынский отвечал Пушкину – пространно и с необычайной серьёзностью: «Благодарю тебя за письмо, милый Пушкин: оно меня очень обрадовало, ибо я очень дорожу твоим воспоминанием. Внимание твоё к моим рифмованным безделкам заставило бы меня много думать о их достоинстве, ежели б я не знал, что ты столько же любезен в своих письмах, сколько высок и трогателен в своих стихотворных произведениях. – Не думай, чтобы я до такой степени был маркизом, чтоб не чувствовать красот романтической трагедии! Я люблю героев Шекспировых, почти всегда естественных, всегда занимательных, в настоящей одежде их времени и с сильно означенными лицами. Я предпочитаю их героям Расина; но отдаю справедливость великому таланту французского трагика. Скажу более: я почти уверен, что французы не могут иметь истинной романтической трагедии. Не правила Аристотеля налагают на них оковы – легко от них освободиться – но они лишены важнейшего способа к успеху: изящного языка простонародного. Я уважаю французских классиков, они знали свой язык, занимались теми родами поэзии, которые ему свойственны, и произвели много прекрасного. Мне жалки их новейшие романтики: мне кажется, что они садятся в чужие сани. – Жажду иметь понятие о твоём Годунове. Чудесный наш язык ко всему способен, я это чувствую, хотя не могу привести в исполнение. Он создан для Пушкина, а Пушкин для него. Я уверен, что трагедия твоя исполнена красот необыкновенных. Иди, довершай начатое, ты, в ком поселился гений! Возведи русскую поэзию на ту степень между поэзиями всех народов, на которую Пётр Великий возвёл Россию между державами. Соверши один, что он совершил один; а наше дело – признательность и удивление <...>».

Такой мощный пафос никогда – ни прежде, ни впоследствии – не охватывал Боратынского.

По сути, это молитва о русском языке, о русской поэзии, о Пушкине.

Быть может, лучше всех в России Боратынский понимает и предчувствует, что о велено и суждено совершить Пушкину – и только Пушкину.

...Этим письмом – впрочем, как и всеми дальнейшими словами и поступками Боратынского – начисто опровергаются досужие рассуждения некоторых толкователей литературы о соперничестве двух поэтов, о тайной зависти Боратынского к первенству Пушкина, о его якобы ущемлённом самолюбии и недовольстве тем, что пришлось остаться в тени того, кто горел и светил, как солнце, в русской поэзии.

Ничего этого никогда не было: Боратынский слишком серьёзно относился к Слову и слишком самодостаточен был в собственном гении, чтобы завидовать кому бы то ни было. Он отнюдь не страдал *комплексом Сальери* перед моцартианством Пушкина. Он жил в Слове как дал ему Бог – и знал, что Бог не ошибается...

Далее письмо к Пушкину с патетических высот опускается на *землю*:

«<...> Посетить тебя живейшее моё желание; но Бог весть, когда мне это удастся. Случая же, верно, не пропущу. Покаместь будем меняться письмами. Пиши, милый Пушкин, а я в долгу не останусь, хотя пишу к тебе с тем затруднением, с которым обычно пишут к старшим. – Прощай, обнимаю тебя. За что ты Лёвушку называешь Львом Сергеевичем? Он тебя искренно любит, и ежели по ветрености как-нибудь провинился перед тобою – твоё дело быть снисходительным. Я знаю, что ты давно на него сердился; но долго сердиться не хорошо. Я вмешиваюсь в чужое дело; но ты простишь это моей привязанности к тебе и твоему брату. – Преданный тебе – Боратынский <...>».

Эхо Сенатской площади

В конце второй декады декабря 1825 года в Москву вместе с известием о воцарении Николая I стали поступать слухи о мятеже войск на Сенатской площади. Петербургские газеты «Северная пчела» и «Русский инвалид» в своих коротких извещениях от 15 декабря только напустили туману. «Вчерашний день будет без сомнения эпохой в Истории России. В оный жители столицы узнали с чувством радости и надежды, что *Государь Император Николай Павлович* принимает венец своих предков, принадлежащий Ему <...>. *Государь Император* вышел из дворца без свиты, явился один народу и был встречен изъявлениями благоговения и любви: отовсюду раздавались усердные восклицания. Между тем две возмущившиеся роты Московского полка не смирялись. Они построились в баталион-карре перед Сенатом; ими начальствовали семь или восемь обер-офицеров, к коим присоединились несколько человек гнусного вида во фраках».

Вскоре в Москве начались аресты. Первым заключили под стражу отставного генерал-майора М.Ф. Орлова, потом кавалергардского полковника Кологривова и поручика Свинына...

27 декабря Боратынский заверил в Московском Ордонанс-Гаузе своё прошение об отставке.

Через неделю пришли новые газеты из Петербурга: в числе арестованных назывались братья Бестужевы, Рылеев. О Кюхельбекере говорилось: «вероятно, погиб во время дела», – впрочем, его объявили в розыск... А брат Александра Муханова Пётр – взят в Москве...

Пушкину в Михайловское он отправляет альманах «Уралию», отмечая в нём стихотворение 18-летнего Шевырёва. В стихах юноши он увидел мысль, а русской поэзии «очень нужна философия». Этому и посвящено письмо: «<...> Слог не всегда точен, но есть поэзия, особенно сначала. На конце метафизика, слишком тёмная для стихов. Надо тебе сказать, что московская молодёжь помешана на трансцендентальной философии, не знаю, хорошо это или худо, я не читал Канта и признаюсь, не слишком понимаю новейших эстетиков. Галич выдал пиэтику на немецкий лад. В ней поновлены откровения Платоновы и с некоторыми прибавлениями приведены в систему. Не зная немецкого языка, я очень обрадовался случаю познакомиться с немецкой эстетикой. Нравится в ней собственная её поэзия, но начала её, мне кажется, можно опровергнуть философически. Впрочем, какое о том дело, особливо тебе. Твори прекрасное, и пусть другие ломают над ним голову. Как ты отделал элегиков в своей эпиграмме! Тут и мне достаётся, да и поделом; я прежде тебя спохватился и в одной ненапечатанной пьесе говорю, что стало очень притворно: Вытьё

жеманное поэтов наших лет. – Мне пишут, что ты затеваешь новую поэму Ермака. Предмет истинно поэтический, достойный тебя. Говорят, что, когда это известие дошло до Парнаса, и Камоэнс вытаращил глаза. Благослови тебя Бог и укрепи мышцы твои на великий подвиг. – Я часто вижу Вяземского. На днях мы вместе читали твои мелкие стихотворения, думали пробежать несколько пьес и прочли всю книгу <...>».

Про восстание в Петербурге и аресты – в тогдашних почтовых посланиях разве что намёки: все хорошо знают, что письма распечатываются и читаются. У Дельвига в пространным январском письме к Боратынскому лишь возглас: « <...> Сколько ужасов! Но, слава Богу, всё кончилось счастливо для России, и я с радостью поздравляю тебя с новым годом и с новым императором <...>».

Впрочем, Дельвиг явно скептически относится к мятежу декабристов. Особенно недоумевает: зачем поэтам лезть в это дело? «Напиши мне о московском Парнасе, надеюсь, он не опустел, как петербургский. Наш погибает от низкого честолюбия. Из дурных писателей хотелось попасть в ещё худшие правители. Хотелось дать такой нам порядок, от которого бы надо бежать на край света. И дело ли мирных муз вооружаться пламенниками народного возмущения. Бунтовали бы на трагических подмостках для удовольствия мирных граждан, или бы для своего с закулисными тиранами; проливали бы реки чернил в журнальных битвах и спокойно бы верили законодателям классической или романтической школ и исключительно великому Распорядителю всего <...>».

На кого намекает он? На Рылеева с Бестужевым? На Кюхельбекера?..

Осталось неизвестным, как Боратынский относился к декабристам. Скорее всего, он придерживался примерно таких же взглядов, что и Дельвиг.

Среди участников восстания было немало его знакомых и даже близких товарищей: Кюхельбекер, Рылеев, Александр Бестужев. Однако его общение с ними вряд ли выходило за пределы литературы. Если в вольнолюбивых спорах и заходила речь о необходимости радикальных перемен в России, всё это наверняка казалось Боратынскому политическими химерами. Ещё за несколько лет до мятежа он писал в «Элегии» о тех, кто составлял его приятельский круг:

*<...> И с каждым днём я верой к ним бедней.
Что в пустоте несвязных их речей? <...>*

На следствии по делу декабристов имя Боратынского всё же однажды прозвучало. Граф Бенкендорф допытывался у Александра Бестужева, не совместно с Боратынским ли тот написал одну агитационную песенку, дабы смутить «умы народа»? Бестужев ответил, что сочинил куплеты сам, в одиночку. И. Медведева высказывает обоснованное предположение, что Боратынский всё-таки *согрешил* в этом перед правительством. Как бы то ни было, прямых улик не сыскали, и, хотя Бенкендорф считал Боратынского не слишком благонадёжным, в *алфавит* «членов злоумышленных обществ» он не попал...

В 1827 году в «Стансах» («Судьбой наложенные цепи...») Боратынский, вспоминая былое, вздохнул:

*<...> Ко благу пылкое стремленье
От неба было мне дано;*

*Но обрело ли разделенье,
Но принесло ли плод оно?*

*Я братьев знал; но сны младые
Соединили нас на миг:
Далече бедствуют иные
И в мире нет уже других <...>.*

В этих стихах исследователи видят намёк на вольнолюбивые мечты молодости, на друзей-декабристов: казнённого Рылеева, сосланных в Сибирь Кюхельбекера и А. Бестужева. Пожалуй, так оно и есть. Боратынский любил своих братьев по духу, хотя далеко не всегда разделял их взгляды и устремления. Недаром это стихотворение, посвящённое возвращению в родную Мару, куда под её «святую тень» он привёл « <...> супругу молодую / С младенцем тихим на руках», поэт оканчивает признанием, касающемся и его родины, и его друзей:

*Пускай, о свете не тоскуя,
Предав забвению людей,
Кумиры сердца сберегу я
Одни, одни в любви моей.*

...Дельвиг расспрашивает о доме, о родных – и тут же переходит на самое важное:

« <...> Что стихи твои, льются ли всё, как ручьи любви, или сделались просто ручьями чернильными, как, с позволения сказать, у большей части ваших московских стихомарателей. Сохрани тебя Бог и помилуй, не заразись! Носи в кармане чеснок и читай поутру и ввечеру Пушкина <...>».

И напоследок благословляет друга «во имя Феба и святых Ореста и Пилада»:

Цвети, мой несравненный цвет, певцов очарованье.

***

Узнав о том, что друг Евгений собирается в отставку, Антон Дельвиг сильно обеспокоился. Он шлёт Боратынскому письмо из Петербурга:

« <...> Что ты хочешь сделать с твоей головошкой? Зачем подал в отставку, зачем замыслил утонуть в московской грязи? Тебе ли быть дрянью? На то ли я тебя свёл к музам, чтоб ты променял их на беззубую хрычовку Москву. И какой ты можешь быть утешитель матери, когда каждое мгновение, проведённое тобою в Москве, должно широко и тяжело падать на твою душу и скукою безобразить твою фигуру. Вырвись поскорее из этого вертепа! тебя зовут слава, Дельвиг и в том числе моя Сонинька, которая нуждается в твоём присутствии, ибо без него Дельвиг как будто без души, как Амур, Грации и всё тому подобное без Венеры, то есть без красоты <...>».

Однако письмо это добралось до Москвы, когда всё уже было решено, – да и вряд ли бы оно повлияло на Боратынского.

В середине февраля 1826 года Боратынский получил приказ об отставке.

Возвращение Пушкина

22 августа в Москве состоялась коронация нового царя Николая Павловича; – наблюдал ли её Боратынский в многочисленной толпе зрителей,

неизвестно. А спустя две недели, 8 сентября, в Белокаменную, по приказу государя, был привезён Александр Пушкин. Шесть лет он пребывал в опале и жил далеко за пределами двух российских столиц.

Поэта доставили едва ли не под конвоем: в коляске его сопровождал фельдъегерь. Трое суток они мчались без остановок из Михайловского в Москву, проделав семьсот вёрст и пересчитав все кочки почтовых трактов. По прибытии Пушкина сразу же отвезли в Кремль, где продержали без всяких объяснений несколько часов в военной канцелярии. Лишь затем доставили в Чудов монастырь к Николаю I. Пушкин ожидал чего угодно и готовился к худшему. Всего лишь месяц назад в Петербурге повесили пятерых вождей декабрьского бунта, а десятки других заговорщиков, среди которых было много его друзей и добрых знакомых, разжаловали во время позорной церемонии и сослали в сибирскую каторгу.

Государь принял поэта с глазу на глаз; о чём они говорили целых два часа, так и осталось неизвестным.

Впоследствии Пушкин отделялся от расспросов коротким рассказом, что остался в нескольких записях, но сводится примерно к одному:

«<...> Всего покрытого грязью, меня ввели в кабинет императора, который мне сказал:

“Здравствуй, Пушкин, доволен ли ты своим возвращением?”

Я отвечал ему, как следовало. Государь долго говорил со мною, потом спросил:

“Принял ли бы ты участие в 14-ом декабре, если бы был в Петербурге?”

“Непременно, Государь, все друзья мои были в заговоре, я не мог бы не участвовать в нём. Одно лишь отсутствие меня спасло, за что я благодарю Бога”.

В письме к Осиповой поэт был так же лаконичен:

«Император принял меня самым любезным образом».

С князем Вяземским Пушкин был немного разговорчивее и поведал ему, что император говорил с ним умно и ласково и поздравил его с волею.

Княгине Вере запомнилось, какими словами государь закончил беседу:

«Ну, теперь ты не прежний Пушкин, а мой Пушкин».

Два года спустя, в стихотворении «Друзьям», поэт писал:

*Текла в изгнанье жизнь моя,
Влачил я с мильми разлуку,
Но он мне царственную руку
Подал – и с вами снова я.*

*Во мне почтил он вдохновенье,
Освободил он мысль мою,
И я ль, в сердечном умиленье,
Ему хвалы не воспою?*

Стихи, надо сказать, так себе и, пожалуй что, чересчур простодушны. Вряд ли император, человек военный, «почтил вдохновенье», – конечно, это был жест дальновидного политика, привлекающего на свою сторону того, чьи вольнолюбивые, а порой крайне резкие стихи напивывали мятежный дух чуть ли не каждого, замешанного в дело, и который уже становился и ещё больше обещал быть – *народной любовью*.

Адам Мицкевич посчитал, что Николай I «обольстил Пушкина», выказав себя человеком, глубоко любящим Россию, и не меньшим патриотом, чем

декабристы. Век спустя была найдена другая формула, несколько сглаживающая это двусмысленное определение: «Младенчески божественная мудрость великого певца, человека вдохновения, уступила осторожной тонкости. Умный победил мудрого». Но в этом ли дело?

Пушкин за годы ссылки, действительно, изменился. Повзрослел, набрался разума, почувствовал наконец – после свободолюбивых мировоззренческих пережлёттов молодости – истинный исторический путь России. Поэт по-настоящему проникся русской историей, понял её самобытный ход – и созрел сердцем и умом для подлинного служения Родине. Если бы он в той беседе в Чудовом монастыре не уловил подобных верований, чувств и устремлений в новом государе, то и не был бы «обольщён». *Мудрый не уступает умному; сердечного умиленья не вызовешь одной тонкостью*. Пушкин только что создал «Бориса Годунова»: он знал, что такое русский царь и как и к кому ему надлежит быть...

Уже через два дня по приезду в Москву Пушкин читал на квартире С.А. Соболевского свою трагедию «Борис Годунов». Среди слушателей были П.Я. Чаадаев, П.А. Вяземский, Д.В. Веневитинов, М.Ю. Виельгорский, И.В. Киреевский. Прошло немного дней – и чтение повторилось уже в доме Веневитинова.

А вскоре он прочитал трагедию для одного Боратынского. В письме к А. Муханову, написанному Евгением 20 ноября, есть краткое упоминание об этом: «<...> Пушкин здесь, читал мне Годунова: чудесное произведение, которое составит эпоху в нашей словесности <...>».

«Годунов» потряс пушкинских друзей; да и чтение было под стать. Голос Пушкина, простой и естественный, отличался редкой выразительностью. С. Шевырём впоследствии вспоминал: «Это был удивительный щец. Вдохновение так меняло его, что за чтением “Годунова” он показался мне красавцем».

М.П. Погодин позже вспоминал о чтении в доме Веневитинова:

«Какое действие произвело на нас это чтение, описать невозможно. Мы собрались слушать Пушкина, воспитанные на стихах Ломоносова, Державина, Хераскова, Озерова, которые мы все знали наизусть. Надо припомнить и образ чтения стихов, господствовавший в то время. Наконец, надо себе представить и самую фигуру Пушкина. Ожиданный нами величавый жрец высокого искусства был среднего роста, почти низенький человек, вертлявый, с длинными, несколько курчавыми по концам волосами, без всяких притязаний, с живыми быстрыми глазами, с тихим приятным голосом, в чёрном сюртуке и чёрном жилете, застёгнутом наглухо, в небрежно повязанном галстуке. Вместо высокопарного языка богов мы услышали простую, ясную, обыкновенную и между тем поэтическую, увлекательную речь».

Первые явления выслушали спокойно, тихо или, лучше сказать, в каком-то недоумении. Но чем дальше, тем ощущение усиливалось. Сцена летописца с Григорием всех ошеломила. А когда Пушкин дошёл до рассказа Пимена о посещениях Кириллова монастыря Иваном Грозным, о молитве иноков – “да ниспошлёт Господь покой его душе, страдающей и бурной”, – мы все просто как бы обеспамятели. Кого бросало в жар, кого в озноб. Волосы подымались дыбом. Не стало сил воздерживаться. То молчание, то взрыв восклицаний, например, при стихах Самозванца – “Тень Грозного меня усыновила”. Кончилось чтение. Мы смотрели друг на друга долго, потом бросились к Пушкину. Начались объятия, поднялся шум, раздался смех... Полились слёзы,

поздравления. Эван! эвое! дайте чаши! Явилось шампанское, и Пушкин воодушевился, видя такое действие на избранную молодёжь <...>».

...А тогда, 12 октября, по возвращении Погодин записал в дневнике: «Пушкин, ты будешь синонимом нашей литературы».

Боратынский понял это раньше – и даже прежде того, как узнал «Бориса Годунова»...

Дельвиг, в письме от 15 сентября, поздравил Пушкина с переменой судьбы: «<...> У нас даже люди прыгают от радости. Я с братом Львом развёз прекрасную новость по всему Петербургу. Плетнёв, Козлов, Гнедич, Оленин, Керн, Анна Николаевна – все прыгают и поздравляют тебя. Как счастлива семья твоя, ты не можешь представить. Особенно мать, она наверху блаженства. Я знаю твою благородную душу, ты не возмутишь их счастья упорным молчанием. Ты напишешь им. Они доказали тебе любовь свою. <...> Обними Баратынского и Вяземского, и подумайте, братцы, о моих “Цветках”. <...> Ради бога, собирая фимиам себе, вербуй хорошенькие пьески мне, а более всего своего Вяземского и Евгения <...>».

Пушкина повсюду узнавали в Москве, где бы он ни появлялся; на балах прекрасный пол соперничал за его внимание и танец с ним, – поэт поребически наслаждался своей свободой и славой.

Одно из воспоминаний, принадлежащее Т.П. Пассек, относится как раз к осени 1826 года:

«Мы страстно желали видеть Пушкина, поэмами которого так упивались, и увидели его спустя года полтора, в Благородном собрании. Мы были на хорах, внизу многочисленное общество. Вдруг среди него сделалось особого рода движение. В залу вошли два молодые человека, один – высокий блондин, другой – среднего роста брюнет, с чёрными курчавыми волосами и резко-выразительным лицом. Смотрите, сказали нам, блондин – Баратынский, брюнет – Пушкин. Они шли рядом, им уступали дорогу».

Не хватало только Антона Дельвига!.. Тот был в столице, но мысленно, конечно, находился с ними.

Дружество трёх братьев было проверено временем; и в писательском сообществе, и в свете хорошо знали, как они близки друг другу. Один из современников, Ф.П. Фонтон, оставил в своих воспоминаниях лирический этюд:

«Три поэта, три друга, три вдохновения, ищущие в поэзии решение вечной задачи, борьбы внутреннего со внешним, а между тем три природы во всём различные. Баратынский плавная река, бегущая в стройном русле. Пушкин быстрый, сильный, иногда свирепствующий поток, шумно падающий из высоких скал в крутое ущелье. Дельвиг ручеек, журчащий тихо через цветущие луга и под сенью тихих ив».

***

В начале мая Пушкин засобирался в Петербург. С Боратынским они теперь встречались чаще обычного – в салонах, в приятельских весёлых компаниях. Смеялись, балагурили – и даже вместе сочиняли шуточные стихи. Так, 15 мая, завтракая у Погодина, сложили эпиграмму, где предметом насмешки был «газетчик наш печальный», князь Шаликов. Будто бы своей унылой элегией он довёл до слёз мальчика-казачка, державшего свечку у листка бумаги, – да потом оказалось, что это были не слёзы восторга, а просто мальцу невтерпёж хотелось по нужде... А потом обоих сильно повеселил первый том

сочинений Фаддея Булгарина с виньеткой на титульном листе, изображавшей саму Истину, сошедшую в кабинет автора. Друзья назвали сочинённую тут же эпиграмму – «Журналист Фиглярин и Истина»:

*Он точно, он бесспорно
Фиглярин-журналист,
Марающий задорно
Свой бестолковый лист.
А это что за дура?
Ведь Истина, ей-ей!
Давно ль его конура
Знакома стала ей?
На чепуху и враки
Чутьём наведена,
Занятиям мараки
Пришла мешать она.*

Эпиграмму они сочинили и прочли 16 мая на вечере у Николая Полевого.

Его брат, Ксенофонт, впоследствии вспоминал: «Весною 1827 года, не помню по какому случаю, у брата был литературный вечер, где собрались все пишущие друзья и недруги; ужинали, пировали всю ночь и разъехались уже утром. Пушкин казался председателем этого сборища и, попивая шампанское с сельтерской водой, рассказывал смешные анекдоты, читал свои непозволенные стихи, хохотал от резких сарказмов И.М. Снегирёва, вспоминал шуточные стихи Дельвига, Баратынского и заставил последнего припомнить написанные им с Дельвигом когда-то рассказы о житье-бытье в Петербурге. Его особенно смешило то место, где в пышных гексаметрах изображалось столько же вольное, сколько невольное убожество обоих поэтов, которые “В лавочку были должны, руки держали в карманах (перчаток они не имели!)”».

19 мая Александр Пушкин уехал в Петербург.

А чуть позже Боратынский с женою и крошкой-дочерью отправились в Мару, в гости к матери и сёстрам...

Поэзия не опаздывает

Книга «Стихотворения Евгения Баратынского» получила разрешение в цензурном комитете в марте 1827 года, однако отпечатали её лишь полгода спустя, 21 сентября.

Она состояла из трёх частей: «Элегии», «Смесь» и «Послания». Открывалась книга элегией «Финляндия»; во второй части были собраны стихотворения на случай; и, наконец, в третьем разделе шли послания к Гнедичу, Давыдову, Дельвигу, Пономарёвой и другим.

Почти все произведения ранее были напечатаны, однако многие из них Боратынский переработал заново – и не только потому, что готовился издать отдельной книгой, а по своей привычке постоянно совершенствовать стихи. Из неизвестных читателю пьес были включены всего несколько свежих эпиграмм.

Книга ещё не вышла из московской печатни, а Пушкин у себя в Михайловском, куда он приехал, чтобы отдохнуть от столичной суеты, сделал свой первый набросок статьи о Боратынском, за творчеством которого он неотрывно следил все последние годы:

«Наконец появилось собрание стихотворений Баратынского, так давно и с таким нетерпением ожидаемое. Спешим воспользоваться случаем высказать наше мнение об одном из первоклассных наших поэтов и (быть может) ещё недовольно оценённом своими соотечественниками.

Первые произведения Баратынского обратили на него внимание. – Знаток с удивлением увидели в первых опытах зрелость и стройность необыкновенную.

Сие преждевременное развитие всех поэтических способностей может быть зависело от обстоятельств, но уже предрекало нам то, что ныне выполнено поэтом столь блистательным образом.

Первые произведения Баратынского были элегии, и в этом роде он первенствует. Ныне вошло в моду порицать элегии – так в старину старались осмеять оды; но если вялые подражатели Ломоносова и Баратынского равно несносны, то из этого ещё не следует, что роды лирический и элегический должны быть исключены из разрядных книг поэтической олигархии.

Да к тому же у нас почти не существует чистая элегия. У древних отличалась она особым стихосложением, но иногда сбивалась на идиллию, иногда входила в трагедию, иногда принимала ход лирический – (чему в новейшее время видим примеры у Гёте)».

Что остановило Пушкина?..

Конечно, он писал по памяти, не имея ещё перед собой книги Боратынского. Конечно, другие образы теснились в воображении, иное просилось на бумагу... Но мысли о поэзии друга, о его поэтической личности всё же не покидали Пушкина: недаром в послании к Дельвигу, написанном в те же дни, есть и упоминание о Боратынском:

*<...> Прими ж сей череп, Дельвиг; он
Принадлежит тебе по праву.
Обделай ты его, барон,
В благопристойную оправу.
Изделье гроба преврати
В увеселительную чашу,
Вином кипящим освяти
Да запивай уху и кашу <...>.
Или, как Гамлет – Боратынский
Над ним задумчиво мечтай <...>.*

Образ Боратынского как Гамлета – многого стоит. Пушкин угадал в блистательном элегике – философского лирика. Причём угадал – в самый момент его явления, возникновения... Именно в это время Боратынский окончательно созрел как поэт в своём новом качестве: вот-вот появится «Последняя смерть», а вслед за ней другие подобные стихи – по содержанию и «удельному весу» мысли иные, чем прежде, – стихи тихого золотого свечения и литые, весомые, как золото... – И Пушкин всё это предчувствует, предвидит – *провидит*.

Издатель Полевой прислал Боратынскому в Мару несколько экземпляров книги и заодно положил в посылку издательские новинки, среди которых были новые главы «Онегина». Поэт в ответном письме сердечно благодарил «любезного Николая Алексеевича» и, прежде всего, завёл разговор о Пушкине:

«<...> Про “Онегина” что и говорить! Какая прелесть! Какой слог блестящий, точный и свободный! Это рисовка Рафаэля, живая и непринуждённая кисть живописца из живописцев. Что касается до меня, то не могу сказать,

как я вам обязан. Издание прелестно. Без вас мне никак бы не удалось явиться в свет в таком красивом уборе. Много, много благодарен. Довершите ваше одолжение, исполнив ещё одну, покорнейшую просьбу. Пошлите барону Антону Антоновичу Дельвигу 600 экземпляров. На Большой Миллионной, в доме г-жи Эбелинг. Между нами особые счёты и отношения. Для отсылки такого количества экземпляров, разумеется, нужны деньги; может быть, вы теперь не имеете готовых, а потому я пишу к моему тестю, чтоб он доставил к вам 100. Я вам без того много должен. Позвольте вас уверить, что, ежели не окупится издание, я всё равно буду исправным должником. При выпуске издания сделайте одолжение доставить моему тестю 12 экз., в том числе 1 на александрийской бумаге. Это для раздачи моим московским родным. Вас же, любезный Николай Алексеевич, прошу доставить по экземпляру к <нязю> Вяземскому, Дмитриеву, Погодину, попросите вашего братца принять от меня на память мои мелочи, а ваш крепостной экземпляр удостоите поставить в вашей библиотеке между Батюшковым и В.Л. Пушкиным. Пришлите мне ещё 8 экземпляров. Сколько комиссий! Беда иметь дело с стихотворцем. Простите мне всё это во имя господина Феба <...>».

Сугубо деловое письмо, написанное добродушным светским тоном, – и ни слова о собственных стихах.

Сдержанны, в духе времени, и дарственные надписи на книге 1827 года: «Пушкину от Е. Боратынского и комп.», «Его превосходительству Ивану Ивановичу Дмитриеву от Сочинителя».

В «Северных цветах» в подборке мыслей и замечаний Пушкина напечатан его афоризм о Боратынском:

«Никто более Боратынского не имеет чувства в своих мыслях и вкуса в своих чувствах».

Своё место на Парнасе

В январе 1828 года журнал Любомудров «Московский вестник» напечатал литературный обзор «за 1827 год» Степана Шевырёва, в котором он совершенно иначе, чем другие критики, оценил книгу Боратынского.

22-летний Шевырёв был ярким поклонником новой немецкой философии – и именно по её образцам судил современную русскую словесность. Боратынский отметил одно его стихотворение в альманахе «Урания» ещё в 1826 году и в письме к Пушкину советовал приглядеться к молодому поэту: «<...> Нам очень нужна философия. Однако ж позволь тебе указать на пиэсу под заглавием “Я есмь”. Сочинитель мальчик лет осмнадцати и, кажется, подаёт надежду. Слог не всегда точен, но есть поэзия, особенно сначала. На конце метафизика, слишком тёмная для стихов <...>».

Отрицая французскую школу, Шевырёв превозносит немецкую, будто бы та или иная школа определяет достоинство поэзии. Однако *хватит* трудов Шеллинга и Фихте, ещё не значит *схватить* Бога за бороду и Аполлона за лиру.

Антон Дельвиг, прочитав этот номер журнала, откликнулся, как всегда, просто, живо и непосредственно. В начале весны он писал Боратынскому: «<...> люблюсь издали на игру страстишек журнальных. Как это ты, живучи в Москве, не приучил к повиновению мальчишек Шевырёвых и им подобных? Это стыдно. Докажи им, что статья о литературе 1827 года совершенно школьническая, и какая! Даже Булгарин прав, говоря о ней».

Александр Пушкин в письме к Погодину (от 19 февраля 1828 года) отозвался о критике Боратынского коротко: «<...> Шевырёву пишу особо. Грех ему не чувствовать Баратынского <...>».

Филолог Е.Н. Купреянова пишет: «<...> Осенью 1826 г. Пушкин ввёл Баратынского в круг Любомудров и пытался привлечь его к участию в “Московском Вестнике”. Приняв непосредственное и активное участие в организации журнала, Пушкин надеялся подчинить впоследствии “Московский Вестник” своему влиянию. В этих целях Пушкин стягивал в “Московский Вестник” свои кадры, агитируя в письмах к Дельвигу, Языкову, Туманскому, Вяземскому за участие в журнале. Естественно не был забыт при этом и живший в Москве Баратынский <...>».

Конечно, не в характере Боратынского было что-то *доказывать* Шевырёву. В конце февраля он передал с Вяземским, уезжающим в Петербург, своё письмо к Пушкину. К тому времени он уже два месяца как возвратился в Москву из Мары и статью Шевырёва, конечно, прочитал. Однако ни словом он не упоминает о ней: разве что тень разочарования легла на письмо...

«Давно бы я писал к тебе, милый Пушкин, ежели бы знал твой адрес и ежели бы не поздно пришла мне самая простая мысль написать: Пушкину в Петербург. Я бы это наверно сделал, ежели б отъезжающий Вяземский не доставил мне случай писать к тебе – при сей верной оказии. В моём Тамбовском уединении я очень о тебе беспокоился. У нас разнёсся слух, что тебя увезли, а как ты человек довольно увозимый, то я этому поверил. Спустя некоторое время я с радостью услышал, что ты увозил, а не тебя увозили. Я теперь в Москве сиротствующий. Мне, по крайней мере, очень чувствительно твоё отсутствие. Дельвиг погостил у меня короткое время. Он много говорил мне о тебе: между прочим передал мне одну твою фразу, и ею меня несколько опечалил. – Ты сказал ему: “Мы нынче не переписываемся с Баратынским, а то бы я уведомил его” – и проч. – Неужели, Пушкин, короче прежнего познакомься в Москве, мы стали с тех пор более чуждыми друг другу? – Я, по крайней мере, люблю в тебе по-старому и человека, и поэта. – Вышли у нас ещё две песни Онегина. Каждый о них толкует по-своему: одни хвалят, другие бранят, и все читают. Я очень люблю обширный план твоего Онегина; но большее число его не понимает. Ищут романической завязки, ищут обыкновенного и разумеется не находят. Высокая поэтическая простота твоего создания кажется им бедностью вымысла, они не замечают, что старая и новая Россия, жизнь во всех её изменениях, проходит перед их глазами, mais que le diable les emporte et que Dieu les benisse! <но чтоб их чёрт побрал, а Бог благословил!> Я думаю, что у нас в России поэт только в первых, незрелых своих опытах может надеяться на большой успех. За него все молодые люди, находящие в нём почти свои чувства, почти свои мысли, облечённые в блистательные краски. Поэт развивается, пишет с большею обдуманностью, с большим глубокомыслием: он скучен офицерам, а бригадиры с ним не мирятся, потому что стихи его всё-таки не проза. Не принимай на свой счёт этих размышлений: они общие <...>».

И напоследок:

«Портрет твой в Северных Цветах чрезвычайно похож и прекрасно гравирован. Дельвиг дал мне особый оттиск. Он висит теперь у меня в кабинете, в благопристойном окладе <...>».

Писал ли тогда Пушкин Шевырёву, неизвестно, но, набрасывая вновь в 1828 году свою статью о Боратынском, он вспомнил и об этом

отзыве, когда бросил общий взгляд на журнальную критику творчества своего друга:

«Пора Баратынскому занять на русском Парнасе место, давно ему принадлежащее. – Наши поэты не могут жаловаться на излишнюю строгость критиков и публики – напротив. Едва заметим в молодом писателе навык к стихосложению, знание языка и средств оно, уже тотчас спешим приветствовать его титулом Гения, за гладкие стишки – нежно благодарим его в журналах *от имени человечества*, неверный перевод, бледное подражание сравниваем без церемонии с бессмертными произведениями Гёте и Байрона (тут Пушкин сделал ироническое примечание: «Таким образом у нас набралось несколько своих Пиндаров, Ариостов и Байронов и десятка три писателей, делающих *истинную честь нашему веку*» – В. М.): добродушие смешное, но безвредное; истинный талант доверяет более собственному суждению, основанному на любви к искусству, нежели мало-обдуманному решению записных Аристархов. Зачем лишать златую посредственность невинных удовольствий журнальным торжеством.

Из наших поэтов Баратынский всех менее пользуется обычной благосклонностью журналов. – От того ли, что верность ума, чувства, точность выражения, вкус, ясность и стройность менее действует на толпу, чем преувеличение (exageration) модной поэзии – потому ли, что наш поэт некоторыми эпиграммами заслужил негодование братии, не всегда смиренной, – как бы то ни было критики изъясляли в отношении к нему или недобросовестное равнодушие или даже неприязненное расположение. – Не упоминая уже об известных шуточках покойного Благонамеренного, известного весельчака – заметим, что появление Эды, произведения столь замечательного оригинальной своею простотою, прелестью рассказа, живостью красок – и очерком характеров, слегка, но мастерски означенных, появление Эды подало только повод к неприличной статейке в Северной Пчеле и слабому возражению, кажется, в Московском Телеграфе.

Как отозвался Московский Вестник об собрании стихотворений нашего первого элегического поэта! – (Упоминая обо всём этом для назидания молодых писателей). – Между тем Баратынский спокойно усовершенствовался – последние его произведения являются плодами зрелого таланта <...>».

Набросок статьи Александра Пушкина так и остался в черновых записях, неизвестным читателю.

«Аристократы» и «промышленники»

Журнальную политику тех лет определяли «демократы» Греч с Булгариным, сделавшие ставку на низкопробное чтение, имеющее коммерческий успех. Князь Вяземский поддерживал довольно «разношёрстный» «Московский телеграф», но не издание Любомудров «Московский вестник», который Пушкин с Боратынским хотели сделать выразителем «аристократической», высокохудожественной литературы.

Очевидно, что Боратынскому очень хотелось бы, чтобы Вяземский был полностью на его с Пушкиным стороне и вместе с ними участвовал в создании литературного журнала нового качества.

«Московский вестник» не оправдал их с Пушкиным надежд: Любомудры не обратили внимания на советы Пушкина и гнули свою «шеллингианскую линию», да и Погодин оказался неразворотливым редактором. Вскоре

подписчиков у журнала почти не осталось, и в 1830 году он перестал выходить.

Не осуществилось желание Вяземского и Боратынского создать свой альманах, который бы представил литературу *просвещённого дворянства*.

Продукция литературных *промышленников* всё больше раздражала Боратынского. На совет Вяземского писать прозу он отвечал в апреле 1829 года: «<...> ваше одобрение для меня очень искусительно. Ваши разговоры произвели уже на меня своё действие, и я уже планировал роман, который напишу, ежели станет у меня терпения, а в особенности дарования. Кстати о романах, вышел роман Булгарина “Выжигин”. Неимоверная плоскость! четыре тома, в которых вы не найдёте не только ни одной мысли, ни одного положения, ни одной картины, ни даже того достоинства, которого можно ожидать от Булгарина, т. е. особенного знания некоторого рода людей, с которыми не знают порядочные люди, оригинальности шпионских, ежели не литературных замечаний, нет, душа Булгарина – такая земля, которую никакой навоз не может удобрить. Роман его, *soi disant* <так сказать>, вроде Жильблаза, заключает в себе одну только характерную черту: посвящение министру юстиции <...>».

А чуть позже поэт пишет Вяземскому об отношении к новой поэме Пушкина: «<...> “Полтава” вообще менее нравится, чем другие поэмы Пушкина: её критикуют вкривь и вкось. Странно! Я говорю это не потому, чтобы чрезмерно уважал суждения публики и удивлялся, что на этот раз оно оказалось погрешительным; но “Полтава”, независимо от настоящего её достоинства, кажется, имеет то, что доставляет успех: почтенный титул, занимательность содержания, новость и надобность предмета. Я, право, уже не знаю, чего надобно нашей публике? Кажется, Выжигиных! Знаете ли вы, что разошлось 2000 экз. этой глупости? Публика либо вовсе одуреет, либо решительно очнётся и спросит с благородным негодованием: за кого меня принимают? <...>»

...Теперь-то, спустя почти два столетия, мы видим, до каких ползучих глубин – точнее, *низин* – пошлости дошла коммерческая псевдолитература. *Аристократизм духа* – это высота нравственных понятий народа и чистота народной эстетики, воплощённые в творчестве самых даровитых его сыновей.

Вера напрямую связана с *языком*. Николай Калягин в «Чтениях о русской поэзии» приводит мысль выдающегося русского византиста Ф.И. Успенского: «Язык и религия – это два великих дара, из-за которых стоит бороться до истощения сил и с изменой которым народ необходимо теряет свою национальную самобытность и своё право на историческую роль». И следом объясняет, почему язык Пушкина за два века нисколько не устарел:

«<...> у русского языка есть **икона** – язык церковнославянский. Язык нашего богослужения не меняется на протяжении 1150 лет, и это предохраняет народный живой язык великороссов от окончательной порчи. Человек, у которого на слуху годовой круг русского богослужения, просто не может говорить по-русски плохо. Сколько бы он ни уклонялся в сторону, сколько бы ни вихлял, он не сможет заблудиться в языке настолько, чтобы не найти потом дороги назад.

Но у нас есть и другая икона: русская классика. У нас есть Пушкин, про которого Страхов сказал: “У него был дар, превосходящий своей ценностью всякие подвиги и усилия; а именно – **красота душевных чувств** <...> он не воспел ни единого злого и извращённого движения человеческой души, и каждое чувство, им воспетое, имеет бесподобную меру красоты и здоровья. Поэтому, – замечает Страхов, – Пушкина следует считать великим воспитателем

своего народа”. Этика Пушкина, этика Баратынского, этика Тютчева сохраняется, она закреплена в их произведениях. Пока мы с ними сверяемся, нам нелегко будет окончательно расчеловечиться».

Первые в ряду классиков русской поэзии во многом обязаны лучшим качествам души своему сословию – дворянству. «<...> это последние русские поэты, – приходит к выводу Н. Калягин, – в чьём творчестве отсутствуют процессы тления, ржавения, гнилостного брожения – даже и в зародыше. К любому из них применимо острое словцо Баратынского: “Такая поэзия лучше хлору очищает воздух”.

<...> в поэзии этих дворян нас **ничто не обманывает**. Она без всякого обмана (хотя бы даже и оптического) изящна и чиста, благородна и блистательна. Она такая – на самом деле».

После «Бала»

В октябре 1828 года Боратынский передал Дельвигу переписанную на бело поэму «Бал», над которой он работал более трёх лет. Отрывки из поэмы уже выходили прежде; наконец она была закончена. 3 декабря Антон Дельвиг писал Александру Пушкину: «<...> желаю тебя поскорее увидеть и вместе с Баратынским, который, если согласится ехать в Петербург, найдёт меня в оном. <...> “Бал” отпечатан, в пятницу будет продаваться <...>». Повод повидаться был: по воле издателя Дельвига, Пушкин и Боратынский *встретились* под одной книжной обложкой – «Бал» вышел с «Графом Нулиным» одним томиком, озаглавленным «Две повести в стихах».

Сравнительно небольшая, в шестьсот с лишним стихов, отточенная, писанная блестящим живым слогом, поэма «Бал», пожалуй, не только не уступала, но превосходила и «Эду», и «Пиры» силою изображения страстей и энергией действия. Несомненно, Боратынский достиг новой своей эпической высоты, при этом подарив русской поэзии небывалый в ней доселе *женский* характер – княгини Нины, который по обаянию, богатству натуры и силе чувств не уступал лучшим *мужским* образам. Красавица Нина, прототипом которой Боратынскому послужила графиня А.Ф. Закревская, всевластная покорительница сердец, пала сама жертвой страсти, обернувшейся глубокой любовью, и, не пережив измены, покончила с собой...

*Как в близких сердцу разговорах
Была пленительна она!
Как угодительно-нежна!
Какая ласковость во взорах
У ней сияла! Но порой,
Ревнивым гневом пламеня,
Как зла в словах, страшна собой
Являлась новая Медея!
Какие слёзы из очей
Порой катилися у ней!
Терзая душу, проливали
В неё томленье слёзы те;
Кто б не отёр их у печали,
Кто б не оставил красоте?*

Страшишь прелестницы опасной,
 Не подходи: обведена
 Волшебным очерком она;
 Кругом её заразы страстной
 Исполнен воздух! Жалок тот,
 Кто в сладкий чад его вступает:
 Ладью пловца водоворот
 Так на погибель увлекает!
 Беги её: нет сердца в ней!
 Страшися вкрадчивых речей
 Одуряющей приманки;
 Влюблённых взглядов не лови:
 В ней жар упившейся вакханки,
 Горячки жар – не жар любви <...>.
 Поверь, кто Господа оставит,
 Того оставит и Господь;
 А Он-то духом нашим правит,
 Он охраняет нашу плоть! <...>

Пушкин прочёл поэму ещё до появления её в книге, по-видимому, получив рукопись от Дельвига.

Наверное, тогда же Пушкин начал свой разбор поэмы, увы, не законченный впоследствии, но чрезвычайно интересный:

«<...> Последняя поэма Баратынского, напечатанная в Северных Цветах, подтверждает наше мнение. Сие блестящее произведение исполнено оригинальных красок и прелести необыкновенной. Поэт с удивительным искусством соединил в быстром рассказе тон шуточный и страстный, метафизику и поэзию. <...>

Нина исключительно занимает нас. Характер её новый, развит *con amore* <с увлечением>, широко и с удивительным искусством, для него поэт наш создал совершенно своеобразный язык и выразил на нём все оттенки своей метафизики – для неё расточил он всю элегическую негу, всю прелесть своей поэзии.

Напрасно поэт берёт иногда строгий тон порицания, укоризны, напрасно он с принуждённой холодностью говорит о её смерти, сатирически описывает нам её похороны, и шуткою кончает поэму свою – мы чувствуем, что он любит свою бедную, страстную героиню. – Он заставляет и нас принимать болезненное соучастие в судьбе павшего, но ещё очаровательного создания.

Арсений есть тот самый, кого должна была полюбить бедная Нина. – Он сильно овладел её воображением, и никогда вполне не удовлетворяя ни её страсти, ни любопытству – должен был до конца сохранить над нею роковое своё влияние (*ascendant*)».

Уже 15 декабря петербургская «Северная пчела» объявила о выходе «Двух повестей в стихах».

Отстаивая самобытность

В начале 1828 года в Москву по пути в Харьков заехал Антон Дельвиг с женой Софьей Михайловной. Боратынский и Вяземский взяли познакомиться его с писателями.

Видно, пирушка была славной, коль скоро Дельвиг потом доносил Его поэтическому превосходительству Пушкину, как в первопрестольном граде

почтенные братья князь Пётр и Евгений представили его *низшей братии московской*: «<...> Видел я поющих, вопиющих, взывающих и глаголющих. Шевырёв пел, вопиял, взывал, но не глаголил; гнев противу “Северной пчелы” носил его на крильях ветра, но не касался до земли, разве изредка носками сапожными. Раич благоухал анисовою водкою и походил на отпущенника или на домового пииту. Хвалился милостию вашею и проч. Благослови, святой Александр, брата младшего твоего <...>».

Позже в Москву приехал Александр Пушкин – и Боратынский, конечно, чуть ли не каждый день видится с ним. Однажды, перед отъездом Пушкина в Старицу, они собрались на завтрак, и Пушкин черкнул записку Вяземскому: «Баратынский у меня – я еду часа через 3. Обедать не дожусь, а будет у нас завтрак в роде *en petit courage* <игра слов: в виде поощрения и – немного навеселе>. Постараемся напиться не *en grand cordonnier*, как сапожники – а так, чтоб быть *en petit courage*, под куражем. Приезжай, мой ангел».

В январе 1829 года Вяземский писал к Пушкину: «<...> А мы, то есть я и Баратынский, танцевали в Москве с Олениною, и кажется, у них были элегические выходы <...>». Стало быть, в свет Боратынский изредка, но выезжал...

В марте Пушкин вновь приехал в Москву и пробыл там до мая. Вяземского с ними не было, тот находился в Петербурге. Боратынский писал к нему в начале апреля: «<...> Вы не можете себе представить, как Москва для меня без вас опустела! При вас я видался со многими людьми, с которыми теперь не вижусь, потому что уже не надеюсь встретить вас между ними. Вы были лентою, которая связывала пук, а без вас он распался. Пушкин здесь, и я ему отдал ваш поклон. Он дожидается весны, чтобы ехать в Грузию. Я с ним часто вижусь, но вы нам очень недостаёте. Как-то из нас двух ничего не выходит, как из двух математических линий. Необходима третья, чтобы составить какую-то фигуру, и вы были ею <...>».

Тогда же Пушкин и Боратынский посетили концерт виолончелиста Бернара Ромбера в Благородном собрании. Многочисленная публика с жадным любопытством разглядывала двух поэтов; толпа расступалась перед ними...

В начале мая друзья расстались: Пушкин уехал в Грузию, а Боратынский, дав прощальный обед у Яра приятелям, отправился с семьёй в Мураново.

***

По мысли Баратынского, только самобытность в искусстве достойна памяти последующих поколений, а, может быть, и вечности. С достоинством и простотой – нагой мыслью и обычным слогом – это высказано в другом тогдашнем стихотворении:

Мой дар убог, и голос мой не громок,
 Но я живу, и на земли моё
 Кому-нибудь любезно бытиё:
 Его найдёт далёкий мой потомок
 В моих стихах. Как знать? Душа моя
 Окажется с душой его в сношенье,
 И, как нашёл я друга в поколенье,
 Читателя найду в потомстве я.

(1828)

В этом восьмистишии одно лишь слово выдаёт глубокую важность признания:

<...> на земли моё <...>.

Старинный церковно-славянский оборот, словно удар в могучий древний колокол, заставляет по-иному звучать стихи: они будто бы наполняются гулом времён. Будничная речь вдруг обнаруживает в себе скрытое торжественное волнение – и звучит уже как заветная клятва об утверждении себя в вечности.

Чуть позже, в 1829 году, Боратынский вновь возвращается к этой теме – и выражает её в точной поэтической формуле, слегка прикрыв чеканный очерк определения тончайшей накидкой провидческой иронии:

*Не ослеплён я музою моею;
Красавицей её не назовут,
И юноши, узрев её, за нею
Влюблённую толпой не побегут.
Приманивать изысканным узором,
Игрою глаз, блестящим разговором
Ни склонности у ней, ни дара нет;
Но поражён бывает мельком свет
Её лица необщим выраженьем,
Её речей спокойной простотой;
И он скорей, чем едим осужденьем,
Её почитит небрежной похвалой.*

И, наконец, своё высшее воплощение в его лирике эта тема нашла в стихотворении «Подражателям» (первоначальное название), написанном, как установили исследователи, до 20-х чисел ноября 1829 года, а затем доработанном в 1832-1833 годах. Тут уже поэт не говорит – *глаголет*: стих пылает огнём и пышет гневом той силы, которой отличалась речь древних пророков:

*Когда, печалью вдохновенный,
Певец печаль свою поёт,
Скажите: отзыв умиленный
В каком он сердце не найдёт?
Кто, вековых проклятий жаден,
Дерзнёт осмеивать её?
Но для притворства всякий хладен,
Плач подражательный досаден,
Смешно жеманное вытьё!
Не напряжённого мечтанья
Огнём услужливым согрет,
Постигнул таинства страданья
Душемутительный поэт.
В борьбе с тяжёлою судьбою
Познал он меру вышних сил,
Сердечных судорог ценою
Он выраженья их купил.
И вот нетленными лучами
Лик песнопевца окружён*

*И чтим земными племенами,
Подобно мученику, он.
А ваша муза площадная,
Тоской заёмною мечтая
Родить участие в сердцах,
Подобна нищей развращённой,
Молящей лепты незаконной
С чужим ребёнком на руках.*

Это была пора его поэтического возмужания.

Вся мишура словес пала пред *речей спокойной простотой*; пестрота личин – следов былых увлечённостей *кумирами* – уступила законное место *лица необщему выраженью*.

Что надменный ум пред мудростью народа?..

Что молодое море литературы пред могучим океаном фольклора?..

*Старательно мы наблюдаем свет,
Старательно людей мы наблюдаем
И чудеса постигнуть уповаем:
Какой же плод науки долгих лет?
Что наконец подсмотрят очи зорки?
Что наконец поймёт надменный ум
На высоте всех опытов и дум,
Что? точный смысл народной поговорки.*

Душе песнопевца потребно высокое уединенье, чтобы понять себя, уловить в тонких промельках нахлынувших видимостей, в ещё несуществующих возможностях тот единственный образ, который воплотится в слове.

Об этом – и тоже в эти же годы и в том же возрасте – писал Пушкин в знаменитом стихотворении «Поэт»:

*<...> Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснётся,
Душа поэта встрепенётся,
Как пробудившийся орёл.
Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы,
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы;
Бежит он, дикий и суровый,
И звуков и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы...*

У Пушкина – пророческий пламень!..

Пушкин – ещё одиночек, и в поисках *подруги*...

Боратынский – подругу нашёл, и счастлив с нею.

Оба поэта изнутри горели одним огнём – вечным желанием выразить невыразимое, воплотить невоплощённое...

Под солнцем Болдинской осени

В январе 1830 года в альманахе М.А. Максимовича «Денница» вышел отрывок из новой поэмы «Наложница». В этом же номере было напечатано «Обозрение русской словесности за 1829 год» Ивана Киреевского, – там немало замечательных суждений о поэзии Боратынского, глубоких и точных:

«<...> муза Баратынского, обняв всю жизнь поэтическим взором, льёт равный свет вдохновенья на все её минуты и самое обыкновенное возводит в поэзию посредством осветительного прикосновения с *целою* жизнью, с господствующею мечтою. Оттого, чтобы дослышать все оттенки лиры Баратынского, надобно иметь и тоньше слух, и больше внимания, нежели для других поэтов. Чем более читаем его, тем более открываем в нём нового, не замеченного с первого взгляда – верный признак поэзии, сомкнутой в собственном бытии, но доступной не для всякого. Даже в художественном отношении многие ли способны оценить вполне достоинство его стихов, эту точность в выражениях и оборотах, эту мерность изящную, эту благородную щеголеватость? Но если бы идеал лучшего общества явился вдруг в какой-нибудь неизвестной нам столице, то в его избранном кругу не знали бы другого языка. – Между тем красота жизни поэтической, с лица которой муза Баратынского сняла покрывало до половины, доказывает нам, что поэт ещё не весь выразился в стихах своих; что мы должны ожидать ещё несравненно более того, что он совершил; что ему ещё предназначено столько превзойти наши ожидания, сколько разоблачение красоты может удивить воображение. <...>»

Александр Пушкин в рецензии, опубликованной «Литературной газетой», заметил, что критик видит в Боратынском поэта «самобытного, своеобразного» и «справедливо ставит “Эду”, одно из самых оригинальных произведений элегической поэзии, выше “Бального вечера”, поэмы более блестящей, но менее изящной, менее трогательной, менее вольно и глубоко вдохновенной». Последние слова, по сути, говорят о том, что Пушкин видел в поэме «Бал» больше обдуманности и мастерства, нежели стихийного вдохновения и своеобразия.

Николай Полевой подвергнул мнение Киреевского саркастическому разному, упрекнув автора в том, что «<...> даже недостатки он ставит г-ну Баратынскому в достоинство». Полевой в то время разорвал отношения с *аристократами*, разошедшись во взглядах на «Историю Государства Российского» Карамзина, и ругал их на чём свет стоит. А.П. Елагина, мать братьев Киреевских, писала к С.А. Соболевскому в начале 1830 года: «<...> Недавно Полевой сказал при многих, что Пушкин, Вяземский и Баратынский одним им стали так известны и что он втопчет их опять в ту грязь, из которой вынул <...>».

Ни Боратынского, ни Вяземского, ни тем более Пушкина Полевой, несмотря на все свои потуги, в *грязь*, конечно, не *втоптал*, – разве что сам изрядно измарался...

По весне Боратынские вернулись в Москву и, как потеплело, стали наезжать в Мураново. Летом же Белокаменную поразила холера. Множество людей бежало куда глаза глядят: кто в ближние деревни, кто в дальние губернии. По опустевшим улицам тащились траурные процессии; по мостовым грохотали холерные зелёные фуры: пара лошадок да будочник с кнутом, оглядывающий запертые ворота. В дворах курился навоз: жители едким дымом хотели изгнать заразу...

Боратынские, как и другие оставшиеся в городе, закрылись дома, не выходя наружу. Первые недели, как позже признался поэт, были ужасны: никто не мог предвидеть, как разовьётся эпидемия, и ожидали самого худшего. Потом тревога вместе с болезнью пошла на убыль.

Пушкин в ту пору готовился к женитьбе, однако холера вмешалась в его планы. Она застала его в Нижегородской губернии; карантинные преградили эту путь в Москву, к невесте, – и на три месяца он задержался в селе Болдино. Тем временем настала осень, его самое любимое время года, когда он крепнул здоровьем и был готов творить. Поначалу он было впал в меланхолию, но мрачное настроение быстро прошло. Бешеная жажда увидиться с невестой и неожиданная свобода от раздражающих предсвадебных хлопот, настоянные на ядрёном осеннем воздухе, вызвали в Пушкине небывалый душевный подъём. 9 сентября он писал к Петру Александровичу Плетнёву в Петербург:

«<...> Около меня колера морбус. Знаешь ли, что это за зверь? того и гляди, что забежит он и в Болдино, да всех нас перекусает – того и гляди, что к дяде Василью отправлюсь, а ты и пиши мою биографию. (Василий Львович Пушкин умер 20 августа, и его хоронила вся литературная Москва – В.М.) Бедный дядя Василий! знаешь ли его последние слова? приезжаю к нему, нахожу его в забытьи, очнувшись, он узнал меня, погоревал, потом, помолчав: *как скучны статьи Катенина!* и более ни слова. Каково? вот что значит умереть честным воином, на щите <...>. Ты не можешь вообразить, как весело удрать от невесты и засесть стихи писать. <...>

Ах, мой милый! что за прелесть здешняя деревня! Вообрази: степь да степь; соседей ни души; ездить верхом сколько душе угодно, пиши дома сколько вздумается, никто не помешает. Уж я тебе наготовлю всячины, и прозы и стихов. <...>»

Так начиналась его знаменитая *Болдинская осень*...

Думы о грядущей семейной жизни, конечно, не покидали его. 29 сентября он писал к Плетнёву: «<...> Баратынский говорит, что в женихах счастлив только дурак; а человек мыслящий беспокоен и волнуем будущим <...>».

Но осень в степном селе оказалась на редкость *детородной*, как выразился Пушкин в письме к Дельвигу, и, когда в начале декабря он наконец прорвался сквозь карантин в Москву, то сообщил Плетнёву: «Скажу тебе (за тайну), что я в Болдино писал, как давно уже не писал. Вот что я привёз сюда: 2 *последние* главы “Онегина”, 8-ю и 9-ю, совсем готовые в печать. Повесть, писанную октавами (стихов 400), которую выдадим Анопуге. Несколько драматических сцен или маленьких трагедий <...>. Сверх того написал около 30 мелких стихотворений. Хорошо? Ещё не всё (весьма секретное)* (*для тебя единого – *примечание А.С. Пушкина*). Написал я прозою 5 повестей, от которых Баратынский ржёт и бьётся – и которые также напечатает Анопуге <...>».

Ржёт и бьётся – весёлое это конское сравнение, возможно, происходит от псковской поговорки «*Ржёт конь к печали, ногою топает – к погоне*». Она – из собрания пословиц и поговорок XVII века немецкого купца Тённиса Фенне, жившего некоторое время в Пскове и записывавшего русские пословицы и присловицы. Вполне вероятно, что Пушкину эта поговорка стала известна в Михайловском Псковской губернии, куда он был выслан после Кишинёва и Одессы и где жил со своей няней Ариной Родионовной и живо интересовался русским разговорным языком. Если это действительно так, то Пушкин явно намекает на *печаль* Боратынского-эпика, которому не по силам угнаться за

его поэмами, хотя тот и рвётся в творческую *погоню*, дабы помериться силами в стихах и в прозе.

В своей «Летописи жизни и творчества Евгения Боратынского» Алексей Песков пишет об «интенсивном общении» Боратынского с Пушкиным в начале декабря 1830 года в Москве, о том, что Пушкин читал другу «Повести Белкина», сообщил о «Маленьких трагедиях», «Домике в Коломне», а, возможно, и читал их, а Боратынский, в свою очередь, познакомил Пушкина со своей новой поэмой «Наложница». «<...> Соревнуя Пушкину, – замечает А. Песков, – Боратынский и Киреевский заключают между собой пари, по условию которого каждый должен написать повесть». Итогом этого пари стала написанная Боратынским в 1831 году повесть «Перстень».

Соревновал ли Боратынский Пушкину? Въяве это никак – ни словом, ни намёком – не проявилось. Поэзия не прыжки в высоту или в ширину. Задача истинного художника – отнюдь не *соревнование* с кем бы то ни было из современников или предков, а стремление вполне осуществить в творчестве *свой* природный дар. Без сомнения, Боратынский это понимал едва ли не лучше всех и неукоснительно тому следовал.

Заметим, что «Наложница» («Цыганка») стала последней его поэмой, а «Перстень» – первым и последним прозаическим произведением. То есть после 1831 года Боратынский сосредоточился в основном только на лирических стихах, отказавшись от поэм и прозы, хотя время от времени его и тянуло к ним. Все свои могучие силы он направил на философскую лирику и подарил русской и мировой словесности настоящие шедевры.

...Это лишь Булгарин не стеснялся заявлять, что если ему и есть соперник, то лишь Пушкин («Булгарин почитает себе соперником теперь одного Пушкина», – как писал в апреле 1829 года Погодин Шевырёву в Рим). Но что взять с простодушно-наглого Фаддея Венедиктовича!..

Впечатление Боратынского от того, что сотворил Пушкин за три месяца в Болдино, можно без преувеличения назвать огромным. В декабрьском, 1830 года, письме к Д.Н. Свербееву он пишет, что Пушкин привёз с собою из нижегородской деревни четыре трагедии, поэму, две главы «Онегина» и целую папку прозы:

«<...> Деятельность его неимоверна <...>».

Возможно, Пушкин и не обмолвился при том, что среди всей этой роскоши был и новый, третий по счёту набросок к статье о самом Боратынском. Несомненно, этот набросок стал бы основой того, что Пушкин собирался высказать на публике в статье о собрате по перу.

«Баратынский принадлежит к числу отличных наших поэтов. Он у нас оригинален, ибо мыслит. Он был бы оригинален и везде, ибо мыслит по-своему, правильно и независимо, между тем как чувствует сильно и глубоко. Гармония его стихов, свежесть слога, живость и точность выражения должны поразить всякого хотя несколько одарённого вкусом и чувством. Кроме прелестных элегий и мелких стихотворений, знаемых всеми наизусть и поминутно столь неудачно подражаемых, Баратынский написал две повести, которые в Европе доставили бы ему славу, а у нас были замечены одними знатоками. <...> он шёл своей дорогой один и независим. Время ему занять степень, ему принадлежащую, и стать подле Жуковского и выше певца Пенатов и Тавриды <Батюшкова>».

На полях рукописи этого замечательного наброска – начертанный летучим пером Пушкина профиль Евгения Боратынского...

Прощание с Дельвигом

Не успела Москва толком отойти от холеры и зажечь прежней жизнью, как навалились новые напасти, – и Боратынский, который крайне редко говорил о *политике*, был явно ими встревожен. Даже в письме к матери в Мару он, поначалу рассказав о своих малышах Сашиньке и Лёвушке, вдруг упомянул про революцию в Бельгии. Ещё больше его поразило *возмущение* в Варшаве и особенно то, что великий князь Константин принуждён был её оставить. «<...> Этого мало. С небольшим числом войска он поставил себя в западню. Висла, находящаяся за ним, не позволяет ему ретироваться в Литву. Прибавьте к этому, что и Литва ненадёжна. Литовский корпус весь составлен из поляков. Много, много, что половина его останется на стороне русских. Вот минута борьбы решительной, развязка, которая влечёт за собой неисчислимые последствия. Нам теперь нужна величайшая быстрота и энергия. После этой новости все другие маловажны <...>».

По этому письму видно: Боратынский, который никогда не выставлял себя патриотом и не слагал про то стихов, в глубине души был им и внимательно следил за тем, что творится в России и в Европе.

В том же письме к Вяземскому он говорит и о несчастье, постигшем «Литературную газету» Дельвига: она была запрещена – «<...> за четверостишие де ла Виня, вероятно, по старанию Булгарина. <...> Как жаль, что вы <в> соседстве, а делать нечего <...>».

Это четверостишие было посвящено жертвам Июльской французской революции, и донёс на редактора, действительно, Фаддей Булгарин. Позже об этом сказал Дельвигу граф Бенкендорф, который вызвал поэта-редактора к себе и обвинил в действиях против правительства. Был крайне груб с благовоспитанным Дельвигом, оскорбительно *тыкал* ему, а в конце пригрозил, что упрячет его с друзьями (Вяземским и Пушкиным) в Сибирь.

Запрещение «Литературной газеты», единственного издания *аристократов*, было весьма чувствительным ударом по пушкинскому кругу литераторов. Ещё в Болдино Пушкин получил грустное письмо от своего лицейского друга, в котором тот возмущался, что по проискам корыстолюбивых подлецов он, «истинно привязанный к своему Государю», прослыл карбонарием. Пушкин полагал, что царь, в которого он так же, как и Дельвиг, верил, во всём разберётся. Но всё-таки, по возвращении в Москву, не без раздражения писал к Плетнёву 9 декабря 1830 года: «<...> Итак, русская словесность головою выдана Булгарину и Гречу! жаль – но чего смотрел и Дельвиг? охота ему было печатать конфетный билетец этого несносного Лавинья. Но всё же Дельвиг должен оправдаться перед государем. Он может доказать, что никогда в его «Газете» не было и тени не только мятежности, но и недоброжелательства к правительству. Поговори с ним об этом. А то шпионы-литераторы заедят его как барана, а не как барона <...>».

Возможно, это писалось и в расчёте на тех, кто вскрывал письма и доносил об их содержании правительству, однако делу не помогло. Булгарин с Гречем *заели* конкурента и не подавились...

Дельвиг, и без того в последние годы хворавший, был поражён этим ударом. Жестокая *гнилая горячка* в несколько дней унесла его жизнь: 14 января 1831 года он скончался, не прожив и тридцать три года.

В ту же ночь Плетнёв писал к Пушкину: «<...> По себе чувствую, что должен перенести ты. <...> Теперь я остался один. <...> Милый мой, что ж такое жизнь?»

Через несколько дней из Петербурга пришло письмо и Боратынскому – от О. Сомова: «С чего начну я письмо моё, почтеннейший Евгений Абрамович? Какими словами выскажу вам жестокою истину, когда сам едва могу собрать несколько рассеянных, несвязных идей: милый наш Дельвиг – наш только в сердцах друзей и в памятниках талантов: остальное у Бога! <...> Право, мысли мои и все душевные силы растерялись <...>. Приготовьте Пушкина, который, верно, теперь и не чаёт, что радость его <женитьба> возмутится такою горестью. Скажите кн. Вяземскому, И.И. Дмитриеву и Михаилу Алексан. Максимовичу – и всем, всем, кто знал и любил покойника, нашего незабвенного друга, что они более не увидят его, что Соловей наш умолк на вечность <...>».

Пушкин уже знал о смерти друга. Когда на следующий день известие подтвердилось, он поехал к тестю Дельвига Салтыкову – и не смог сообщить больному старику ужасную новость. *Не имел духу* – так объяснил Плетнёву в письме. «<...> Грустно, тоска. Вот первая смерть, мною оплаканная, – писал Пушкин ему в Петербург 21 января. – Карамзин под конец был мне чужд, я глубоко сожалел о нём как русский, но никто на свете не был мне ближе Дельвига. Изю всех связей детства он один оставался на виду – около него собиралась наша бедная кучка. Без него мы точно осиротели. Считаю по пальцам: сколько нас? ты, я, Баратынский, вот и всё. <...>».

Баратынский болен с огорчения. Меня не так-то легко с ног свалить. Будь здоров – и постараемся быть живы».

Вновь, как прежде в тяжких душевных переживаниях, Боратынского свалил недуг...

На поминальном обеде в «Яре», где были Пушкин, Вяземский, Языков, он сказал о желании написать о жизни своего бедного друга. Пушкин загорелся этой мыслью: предлагал собрать в помощь все воспоминания. «<...> Я знал его в Лицее – был свидетелем первого незамеченного развития его поэтической души, – писал он Плетнёву. – <...> Я хорошо знаю, одним словом, его первую молодость; но ты и Баратынский знаете лучше его раннюю зрелость. Вы были свидетелями возмужалости его души. Напишем же втроём жизнь нашего друга <...>».

Однако у Пушкина совсем не было времени: его всё больше одолевали предсвадебные хлопоты. И чем ближе было венчание, тем мрачнее становилось у него на душе. 17 февраля, в канун свадьбы, он собрал в доме Хитрово на Арбате «мальчишник», где был и Боратынский. Иван Киреевский, присутствовавший на этом прощании поэта с молодостью, вспоминал, что Пушкин был так необыкновенно грустен, что гостям было даже неловко...

Плетнёв тоже не принялся за воспоминания о Дельвиге: горевал о кончине своего близкого приятеля Молчанова...

Проходил месяц за месяцем, а Боратынский всё не мог взяться за перо. В письмах товарищам корил себя за «леность», но снова и снова отлагал дело. И ни семейные заботы, ни поездки в Мураново, и даже ни дальнейшее путешествие со всей роднёй в казанскую вотчину не были главной причиной этого молчания. Через полгода, в июле, в Каймарах, взволнованный письмом Плетнёва, Боратынский попробовал найти объяснение: «<...> Потеря Дельвига для нас незаменима. <...> – Боже мой! как мы будем ещё одиноки! <...> потеря Дельвига нам показала, что такое невосвратно прошедшее, которое мы угадывали печальным вдохновением, что такое опустелый мир, про который мы говорили, не зная полного значения наших выражений. Я ещё не

принимался за жизнь Дельвига. Смерть его ещё слишком свежа в моём сердце. Нужны не одни сетования, нужны мысли; а я ещё не в силах привести их в порядок <...>».

Биографию Дельвига он так и не написал.

Помянул друга молодости печальным и светлым стихотворением, возникшим осенью 1831 года, – оно было напечатано в декабре в «Северных цветах на 1832 год», целиком посвящённым памяти Антона Дельвига:

*Не славь, обманутый Орфей,
Мне Элизийские селенья:
Элизий в памяти моей
И не кропим водой забвенья.
В нём мир цветущей старины
Умерших тени населяют,
Привычки жизни сохраняют
И чувств её не лишены.
Там жив ты, Дельвиг! Там за чашей
Ещё со мною шутишь ты,
Поёшь веселье дружбы нашей
И сердца юные мечты.*

Почтовая проза

Письма Боратынского того времени обращены большей частью к И.В. Киреевскому и показывают, как внимательно поэт читает – а скорее, изучает – современную отечественную и зарубежную литературу и как глубоко задумывается о писательском призвании.

Круг его чтения и в деревенской глуши необычайно широк: Пушкин, Жуковский, Вяземский, Языков, Загоскин, Гоголь, Хомяков, Руссо, Гёте, Вильмен, Гизо, Барбье, Бальзак и другие, – и это только те, кто упомянут в письмах.

Как-то Киреевский сообщил Боратынскому, что хочет познакомить его с ярким сочинением писателя из Малороссии. Вскоре в Каймары пришла книга «Вечера на хуторе близ Диканьки», – по-видимому, Николай Гоголь (носивший тогда ещё и фамилию – Яновский) сам прислал ему этот подарок. Боратынский с восторгом отозвался о книге в письме к И. Киреевскому и даже высказал большое желание познакомиться с писателем: «<...> Ещё не было у нас автора с такою весёлою весёлостью, у нас на севере она великая редкость. Яновский – человек с решительным талантом. Слог его жив, оригинален, исполнен красок и часто вкуса. Во многих местах в нём виден наблюдатель, и в повести своей “Страшная месть” он не однажды был поэтом. Нашего полку прибыло: это заключение немножко нескромно, но оно хорошо выражает моё чувство к Яновскому <...>».

Но больше всего Боратынского, конечно, занимало творчество Пушкина. Когда в начале 1832 года он прочёл только что вышедшую 8-ю главу «Евгения Онегина», поэт тут же поделился с Киреевским своим впечатлением. Вначале признался, что в разные времена думал о пушкинском романе в стихах – «разное»: «<...> Иногда мне “Онегин” казался лучшим произведением Пушкина, иногда напротив. Ежели б всё, что есть в “Онегине”, было собственно стию Пушкина, то, без сомнения, он ручался бы за гений писателя. Но форма

принадлежит Байрону, тон тоже. Множество поэтических подробностей заимствовано у того и у другого (непонятно, у кого – «другого»? – В. М.). Пушкину принадлежат в Онегине характеры его героев и местные описания России. Характеры его бледны. Онегин развит не глубоко. Татьяна не имеет особенности. Ленский ничтожен. Местные описания прекрасны, но только там, где чистая пластика. Нет ничего такого, что бы решительно характеризовало наш русский быт. Вообще это произведение носит на себе печать первого опыта, хотя опыта человека с большим дарованием. Оно блестящее; но почти всё ученическое, потому что почти всё подражательное. Так пишут обыкновенно в первой молодости из любви к поэтическим формам более, нежели из настоящей потребности выражаться. Вот тебе теперешнее моё мнение об «Онегине». Поверю его тебе за тайну и надеюсь, что оно останется между нами, ибо мне весьма некстати строго критиковать Пушкина. От тебя же утаить настоящий мой образ мыслей мне совестно <...>».

Это мнение, конечно, излишне строго, да и несправедливо, но нельзя не отдать должное искренности Боратынского в разговоре с другом, как и самостоятельности его критической мысли.

Летом 1832 года Боратынский прочитал сказку о царе Салтане и оценил её в том же духе, что и окончание «Онегина»: «<...> Это – совершенно русская сказка, и в этом, мне кажется, её недостаток. Что за поэзия – слово в слово привести в рифмы Еруслана Лазаревича или Жар-птицу? И что это прибавляет к литературному нашему богатству? Оставим материалы народной поэзии в их первобытном виде или соберём их в одно полное целое, которое настолько бы их превосходило, сколько хорошая история превосходит современные записки. Материалы поэтические иначе нельзя собрать в одно целое, как через поэтический вымысел, соответственный их духу и по возможности все их обнимающий. Этого далеко нет у Пушкина. Его сказка равна достоинством одной из наших старых сказок – и только. Можно даже сказать, что между ними она не лучшая. Как далеко до этого подражания русским сказкам до подражания русским песням Дельвига! Одним словом, моя сказка Пушкина вовсе не удовлетворила <...>».

Встречи и расставания

В сентябре 1933 года Боратынский отправился по хозяйственным делам в Каймары – и в Казани вдруг встретился с Пушкиным, который держал путь в Оренбург за материалами о Пугачёвском бунте. Казанская поэтесса Александра Андреевна Фукс вспоминала, с каким весёлым лицом вошёл к ней Боратынский, чтобы попрощаться: «<...> мне стало даже досадно», – так поэт был обрадован неожиданным свиданием с Пушкиным. И тот и другой торопились по своим делам, но всё же немного задержались в Казани по такому случаю. Вместе проехали по *пугачёвским местам* города и окрестностей, беседуя на ходу. Денис Давыдов, узнав об этом, решил, что коль поэты сообща отыскивали сведения о Пугачёве, то не иначе «в союзе для сочинения какого-нибудь романа» о бунтовщике.

Лето 1833 года выдалось необычайно жарким и засушливым: в Маре дела с урожаем были плохи. «Я весь погряз в хозяйственных расчётах, – писал Боратынский Киреевскому. – Немудрено: у нас совершенный голод. Для продовольствия крестьян нужно нам купить 2000 четвертей ржи. Это, по нынешним ценам, составляет 40000. Такие обстоятельства могут заставить задуматься.

На мне же, как на старшем в семействе, лежат все распорядительные меры <...>».

Почти все в Маре уговаривали Александру Фёдоровну не покупать хлеба для прокормления крестьян, то есть пойти на «<...> поступок столь же бессердечный, сколь опасный при нынешних обстоятельствах», как писала сестре Настасья Львовна. Но Евгений Боратынский настоял на том, чтобы купить хлеб и выручить людей.

По возвращении в Москву весной 1834 года Боратынские озабочены обучением и воспитанием подрастающих детей. Поздравляя маменьку с днём именин, поэт замечает, что всё последнее время у них множество хлопот с учителями, с гувернёрами и гувернантками, что очень трудно подыскать приличного педагога: никто не умеет даже заточить перо... Что до московской жизни, то она так однообразна, так глупа, что «удовольствия можно получить только от безоблачных небес» (перевод с французского).

С небрежной иронией он пишет и о свете – и вдруг замечает: «<...> Новых книг нет. Словесность во всех странах истощена <...>» (курсив мой – В. М.).

Боратынский давно – с начала 1820-х годов – замечал, как «торговой логики смыслённый приговор» начинает всё больше властвовать в журналистике, в словесности, в искусстве. В первое время он легко высмеивал в эпиграммах «делового человека», потом не на шутку встревожился завоеваниями торгашеского духа, проникающего повсюду. «Наши журналисты стали настоящими литературными монополистами; они создают общественное мнение, они ставят себя нашими судьями при помощи своих ростовщических средств, и ничем нельзя помочь! Они все одной партии и составили будто бы союз противу всего прекрасного и честного. Какой-нибудь Греч, Булгарин, Каченовский составляют триумвират, который управляет Парнасом. Согласитесь, что это довольно грустно», – писал он поэту И.И. Козлову в январе 1825 года.

Со времён Кантемира и Ломоносова русская литература уже обрела большую силу, а критика только зарождалась, не поспевая за ней. Писателям приходилось самим создавать литературную критику: статьи и заметки писали Батюшков, Жуковский, Гнедич, Вяземский, а больше и лучше других – Пушкин. Для них, аристократов по происхождению и по духу, бескорыстных служителей искусства, была совершенно неприемлема логика дельцов от словесности. Причём своим происхождением писатели-дворяне, хотя гордились, но отнюдь не кичились, – и тут образцом поведения в литературе был Александр Пушкин, как-то сказавший: «<...> Имена Минина и Ломоносова вдвоём перевесят, может быть, все наши старинные родословные <...>».

Пушкин одним из первых заметил ту опасность, которую привносили с собой в культурную и духовную жизнь народа представители напористого «третьего сословия» – дельцы, опошляющие высокие идеи. «Было время, литература была благородное, аристократическое поприще. Ныне она вшивый рынок», – сказал он в письме к М.П. Погодину весной 1834 года. Двумя годами позже в статье «Джон Тернер» Пушкин, исследуя «плод новейшего просвещения» и нравы в процветающей Америке, пророчески заклеил душок нового времени: «<...> С изумлением увидели демократию в её отвратительном цинизме, в её жестоких предрассудках, в её нестерпимом тиранстве. Всё благородное, бескорыстное, всё возвышающее душу человеческую – подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (comfort); большинство, нагло притесняющее общество; рабство негров посреди образованности и свободы; родословные гонения в народе, не имеющем дворянства; со стороны

избирателей алчность и зависть; со стороны управляющих робость и подобострастие; талант из уважения к равенству, принуждённый к добровольному остракизму; богач, надевающий оборванный кафтан, дабы на улице не оскорбить надменной нищеты, им втайне презираемой: такова картина Американских Штатов, недавно выставленной перед нами».

Боратынский в одно время с Пушкиным понял, какие разрушения несёт наступивший век: грядущее сулило гибель – и поэту в мире и лучшему в самом человеке.

Поэзия была для него – душой жизни; что же за жизнь без души?.. «Покупщики» – читатели, действительно, ещё были *простоваты*, то есть глупы: успех стихов Бенедиктова в 1835 году затмил поэзию Пушкина. Читиво пользовалось бешеным спросом: тираж «Библиотеки для чтения» Сенковского в десять раз превосходил пушкинский «Современник». Вяземский с горечью замечал, что век Карамзина и Дмитриева сменяется веком Сенковского и Булгарина...

Боратынский, наверное, и сам себя ощущал *последним поэтом*, когда намеревался, после выпуска полного собрания стихов, навсегда «оставить перо». Дар, не ищущий пользы *железного века*, живущий сам собою и для самого себя, – *бесполезный дар*.

В «Последнем поэте» Боратынский доводит до логического конца, а прямо говоря – до апокалиптического исхода, пушкинскую тему *поэта и толпы, поэзии и пользы*. В 1828 году Александр Пушкин написал стихотворение «Чернь» (в 1836 году, собирая книгу, он дал ему новое название – «Поэт и толпа»), в котором, в предчувствии наступающего *железного века*, первым из русских поэтов прямо и остро ответил на его вызовы. В этом произведении «народ непосвящённый», бессмысленно внимая поэту, поющему свою песнь, вопрошает певца:

<...> Какая польза нам от ней? <...> –

на что поэт даёт «черни тупой» свою гордую отповедь:

*Молчи, бессмысленный народ,
Подёнщик, раб нужды, забот!
Несносен мне твой ропот дерзкий.
Ты червь земли, не сын небес;
Тебе бы пользы всё – на вес
Кумир ты ценишь Бельведерский.
Ты пользы, пользы в нём не зришь.
Но мрамор сей ведь бог!.. так что же?
Печной горшок тебе дороже;
Ты пищу в нём себе варишь. <...>*

Тогда «бессмысленная толпа» требует от поэта другой *пользы* – блага нравственного поучения.

*П о э т
Подите прочь – какое дело
Поэту мирному до вас!
В разврате каменейте смело:
Не оживит вас лиры глас!
Душе противны вы как гробы.*

*Для вашей глупости и злобы
Имели вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры;
Довольно с вас, рабов безумных!
Во градах ваших с улиц шумных
Сметают сор – полезный труд! –
Но, забыв своё служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у вас метлу берут?
Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.*

Заметим:

<...> Мы рождены для вдохновенья <...> –

поэт – ещё не одинок, у него есть собратья по лире, и вместе они сила, противостоящая тупой черни.

У Боратынского же – *последний* поэт. Железный век, с его «насуцным и полезным», одолел ненужную ему поэзию: человек отказался от своей души ради пользы тела.

Читал ли Пушкин «Последнего поэта»? Вполне вероятно, хоть и никак не отозвался о нём...

В «Памятнике» («Я памятник воздвиг себе нерукотворный...»), написанном в 1836-м, годом позже издания «Последнего поэта», есть такие, всем известные строки:

*<...> И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит. <...>*

Стало быть, Пушкин допускал и возможность того, что когда-нибудь в мире может остаться только один – *последний* – поэт. Не переключка ли это с видением Боратынского?..

Современники Боратынского никак не отозвались на «Последнего поэта». Прошли долгие годы, прежде чем это стихотворение было по достоинству понято и оценено.

В 1883 году исследователь И.И. Ханенко написал:

«Боратынский предугадывал наступающую эпоху промышленной и торговой деятельности, вслед за которою у нас настала эпоха грубого материализма. Он как бы предузнал, что недалеко то время, когда один из корифеев молодого поколения во всеуслышание провозгласит, что всякий сапожник выше Шекспира и Пушкина».

«Покинул лиру ты...»

Стихотворения «Бокал» и «Алкивиад», напечатанные «Московским наблюдателем» в начале 1836 года, стали последними произведениями Боратынского в этом журнале. Его отношения с *Наблюдателями* (как в шутку называл московских писателей Пушкин) разладились, и Боратынский больше ничего своего туда не отдавал. Его участие в литературной жизни сошло почти на нет, да и в салонах, где прежде он был постоянный гость, поэт больше не появлялся.

«Покинул лиру ты...» – вздыхал Николай Языков в своём послании к другу той поры.

В апреле 1836 года вышел в свет первый том пушкинского журнала «Современник». Там было опубликовано литературное обозрение Николая Гоголя, в котором писатель довольно критически отзывался о «Московском наблюдателе», отметив лишь как *перлы русской поэзии* стихи Боратынского и Языкова. До двух выше упомянутых стихотворений там у Боратынского входили «Последний поэт» и «Недоносок».

Изящная миниатюра «Алкивиад» написана величественным гекзаметром и сделана мастерски: словно бы вырезана алмазом по древней певучей бронзе:

*Облокотясь перед медью, образ его отражавшей,
Дланью слегка приподняв кудри златые чела,
Юный красавец сидел, горделиво-задумчив, и, смехом
Горьким смеясь, на него мужи казали перстом;*

*Девы, тайно любясь челом благородно-открытым,
Нехотя взор отводя, хмурили брови свои.
Он же глух был и слеп; он, не в меди глядясь, а в грядущем,
Думал: к лицу ли ему будет лавровый венок?*

Так и Боратынский *глух был и слеп* – в виду шумного успеха таких писателей, как Бенедиктов и Барон Бромбеус, – и гляделся в грядущее затем, чтобы понять: к лицу ли ему была бы *слава*? Пушкин, и тот уже полузабыт младенческой по вкусам толпой, кумиры которой лишь на день, не дольше...

В мае Александр Пушкин приехал в Москву из деревни, дабы порыться в архивах да похлопотать среди книгопродавцев о своём журнале. Остановился у Павла Воиновича Нащокина. Легко писал к жене в Петербург: «<...> С литературой московской кокетничаю как умею, но Наблюдатели меня не жалуют. Любит меня один Нащокин. <...> Слушая толки здешних литераторов, дивлюсь, как они могут быть так порядочны в печати и так глупы в разговоре. <...> Баратынский однако ж очень мил. Но мы как-то холодны друг ко другу <...>».

У Пушкина в конце марта умерла мать, Надежда Осиповна. Из всей семьи он один поехал из столицы в Святогорский монастырь Псковской губернии, чтобы похоронить её. Там же, рядом с материнской могилой, присмотрел землю для вечного покоя и себе – и купил место. Гостя у Нащокиных, Пушкин однажды рассказал его жене, Вере Александровне, как любовался песчаным, сухим грунтом, когда служители рыли могилу, и вспомнил вдруг про Войныча (как он порой звал её мужа): «Если он умрёт, непременно его надо похоронить тут; земля прекрасная, ни червей, ни сырости, ни глины, как покойно ему будет здесь лежать». Вера Александровна, по свидетельству П.И. Бартенева, «очень опечалилась этим рассказом, так что сам Пушкин встревожился и всячески старался её успокоить, подавал воды и пр.».

Но к чему московскому барину Нащокину псковский монастырь? – не о самом ли себе думал тогда Пушкин?.. Как раз к 1836 году относят его не опубликованное при жизни стихотворение «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...»:

*<...> а мы с тобой вдвоём
Предполагаем жить, и глядь – как раз умрём. <...>*

*Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.*

В октябре всю читающую публику взбудоражило философическое письмо Петра Чаадаева, напечатанное в русском переводе в «Телескопе»: западники восхищённо превозносили мыслителя, а славянофилы – проклинали. «Опыт времён для нас не существует, – писал Чаадаев, – века и поколения протекли для нас бесплодно... мы миру ничего не дали... мы не внесли в массу человеческих идей ни одной мысли, мы ни в чём не содействовали движению вперёд человеческого разума, что бы там ни говорили, мы составляем пробел в интеллектуальном порядке <...>» и прочее в таком же духе.

В московских гостиных без конца говорили о статье, ожидая из Петербурга «грозу». А.И. Тургенев писал к П.А. Вяземскому, что от споров «<...> голова моя, и без того опустевшая, сильно разболелась», и сообщал ему, что Боратынский пишет «опровержение».

Пушкин, прочитав письмо Чаадаева, написал своему старому другу ответ. Изрядно возразив философу насчёт его трактовки русской истории, поэт заключил:

«<...> Хотя лично я сердечно привязан к государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; – как литератора – меня раздражают, как человек с предрассудками – я оскорблён, – но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал. <...>»

Поспорив с вами, я должен вам сказать, что многое в вашем послании глубоко верно. Действительно, нужно сознаться, что наша общественная жизнь – грустная вещь. Что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всему, что является долгом, справедливостью и истиной, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству – поистине могут привести в отчаяние. Вы хорошо сделали, что сказали это громко. Но боюсь, как бы ваши исторические воззрения вам не повредили <...>» (*перевод с французского*).

Его опасения сбылись – и очень скоро. Государь Николай I повелел закрыть «Телескоп». После расследования редактор журнал Надеждин был выслан в Усть-Сысольск, а Чаадаеву официально объявили, что он считается невменяемым. Своё письмо Пушкин не отправил...

Скорбь по Пушкину

В первые дни февраля 1837 года в Москву пришли горестные известия о тяжёлом ранении Александра Пушкина на дуэли и его кончине.

4 февраля к Боратынскому приехал Погодин. «<...> Говорили о Пушкине и плакали», – записал потом Михаил Петрович в дневнике.

На следующий день Боратынский отправил Вяземскому в Петербург крайне взволнованное письмо:

«Пишу к вам под громовым впечатлением, произведённым во мне и не во мне одном ужасною вестью о погибели Пушкина. Как русский, как товарищ, как семьянин скорблю и негодую. Мы лишились таланта первостепенного, может быть, ещё не достигшего своего полного развития, который совершил бы непредвиденное, если б разрешились сети, расставленные ему обстоятельствами, если б в последней, отчаянной его схватке с ними судьба преклонила весы свои в его пользу. Не могу выразить, что я чувствую; знаю только, что я потрясён глубоко и со слезами, ропотом, недоумением беспрестанно себя

спрашиваю: зачем это так, а не иначе? Естественно ли, чтобы великий человек, в зрелых годах, погиб на поединке, как неосторожный мальчик? Сколько тут вины его собственной, чужой, несчастного предопределения? В какой внезапной неблагосклонности к возникающему голосу России Провидение отвело око своё от поэта, давно составлявшего её славу и ещё бывшего (что бы ни говорили злоба и зависть) её великою надеждою? <...>

Далее Боратынский пишет, как пришёл в скорбный час в дом Сергея Львовича Пушкина:

«Я навел отца в ту самую минуту, как его уведомили о страшном происшествии. Он, как безумный, долго не хотел верить. Наконец на общие весьма не убедительные увещания сказал: “Мне остаётся одно: молить Бога не отнять у меня памяти, чтоб я его не забыл”. Это было произнесено с раздрающею ласковостию <...>».

«Есть люди в Москве, узнавшие об общественном бедствии с отвратительным равнодушием, – с возмущением заключает письмо Боратынский, – но участвующее поражённое большинство скоро принудит их к пристойному лицемерию <...>».

Пушкин скончался 29 января.

Накануне Пётр Андреевич Вяземский с женой, Верой Фёдоровной, были у него, в доме на Мойке: Пушкин, тяжело страдающий от боли, прощался с друзьями...

1 февраля поэта отпевали. Когда вынесли на руках гроб, Вяземский упал без сознания перед процессией; Жуковский поднял его – Вяземский рыдал и бился в его руках...

Он хотел сопровождать гроб с телом Пушкина на Псковщину в Святые Горы, но царь не позволил, отрядив для этого Александра Ивановича Тургенева, единственного из друзей поэта, не занятого по службе. С горя Вяземский слёг... А Тургенев повёл себя странно: поручение его обидело; кроме того, в одном из писем он посочувствовал убийце, который отделался разжалованием в солдаты и высылкой из страны: «Но несчастный спасшийся – не несчастнее ли?..»

Вяземский же – мучился и нравственно. «Пушкин не был понят при жизни не только равнодушными к нему людьми, но и его друзьями, – осознал он. – Признаюсь и прошу в том прощения у его памяти».

7 февраля Екатерина Михайловна Хомякова (Языкова), молодая жена Алексея Хомякова, писала из Москвы сестре, Прасковье Михайловне Бестужевой: «<...> Здесь были Баратынские и сказывали, что жена Пушкина сошла с ума, и точно, есть с чего. Государь дал на его похороны 10 тысяч и 11 тысяч детям, которых взял под своё покровительство. Баратынский говорит, что благоденствия государя растрогали его до слёз. Честь ему и слава, что он умеет ценить таких людей, каков был Пушкин».

То же самое она сообщила и своему родному брату, поэту Николаю Михайловичу Языкову.

А в конце февраля Е.М. Хомякова написала П.М. Бестужевой, что Боратынский «<...> стал ужасно пить». Муж, Алексей, заглянул к поэту и «<...> нашёл его дома пьяным, ужасно жаль – 8 человек детей <...>».

По мнению А.М. Пескова, слова Хомяковой не стоит «принимать полностью всерьёз: она была склонна к преувеличению многих городских новостей <...>». Вполне убедительно: Екатерине Михайловне было всего двадцать лет; она, разумеется, по благовоспитанности отнюдь не была любительницей

слухов, но, видно, сильно обеспокоилась за детей: у страха глаза велики. Да и вряд ли она могла понять то, как горюет поэт о своём собрате...

В апреле Боратынский получил из Петербурга от Жуковского посмертную маску Пушкина; такая же маска была прислана отцу Пушкина, Сергею Львовичу, и другу, Павлу Воиновичу Нащокину.

Сохранилось письмо неизвестного лица к неизвестному же адресату от 6 мая 1837 года: «Третьего дня я был у Баратынского, он мне показывал маску Пушкина, снятую с него в день его смерти, она страшно похожа. Витали, который сделал очень похожий бюст Карла Брюллова, делает и бюст Пушкина. Говорят, это не так удачно. Баратынский говорил целый час о смерти Пушкина и о нём самом. Его стоило записывать. Он рассказывал все подробности этой истории, которые были ему сообщены Жуковским, Вяземским и, наконец, доктором Далем, людьми достоверными. Баратынский говорит, что он умер как христианин и во всём оправдывает Пушкина, а обвиняет его жену. Я верю всему, потому что было заметно, что он и жены его не хотел обвинять из уважения к нему».

Прошло несколько месяцев – а скорбь о погибшем друге не стала меньше...

Остаётся только пожалеть, что этот неизвестный не записал слов поэта о Пушкине. Но и того, что высказано самим Боратынским в письмах, вполне хватает, чтобы понять, как высоко он ценил гений Пушкина и как любил его.

В молодости они вместе с Дельвигом и Кюхельбекером были братьями по Союзу поэтов, – и Боратынский не изменил этому братству. В пору пушкинского расцвета, вершиной которого было создание «Бориса Годунова», никто иной, как Боратынский предугадал, ещё даже не прочитав трагедии, что она исполнена красот необыкновенных и обратился к другу с пламенной, торжественной речью: «<...> Иди, довершай начатое, ты, в ком поселился гений! Возведи русскую поэзию на ту степень между поэзиями всех народов, на которую Пётр Великий возвёл Россию между державами. Соверши один, что он совершил один; а наше дело – признательность и удивление».

Это написано в декабре 1825 года.

Высокопарно? Да!.. Но вспомним, что слово это соединяет два другие – *высоко парить*: духом, разумом, вдохновением, – то есть взлететь над сиюминутным и разом схватить смысл и сущность явления.

Теперь-то, по прошествии двух веков, очевидно, что эти слова Боратынского были пророческими, что никто лучше его не осознал тогда истинного значения Пушкина в истории русского духа и русской словесности. А ведь Евгению Боратынскому было в то время всего 25 лет, да и Александр Пушкин был всего на год старше...

«<...> В самом деле примечательно, – замечает Гейр Жетсо, – что высказывание это исходит от Баратынского, которого многие ставили наравне с Пушкиным! Но сам Баратынский весьма далёк от мысли сравнивать себя с Пушкиным. Ему с самого начала было ясно, что к Пушкину надо подходить с другой меркой, чем ко всем остальным писателям. Даже когда он позволяет себе критиковать *Евгения Онегина*, исходя из требования писательской оригинальности, он ясно сознаёт, что ему “весьма некстати строго критиковать Пушкина”.

То чувство уважения и восхищения перед Пушкиным <...> вряд ли могло возникнуть от зависти к сопернику. И ничто не указывает на то, что уважение Баратынского к Пушкину с годами уменьшилось. Напротив, оно становилось всё сильнее».

Боратынский был всего годом младше Пушкина, но однажды признался ему в письме, что пишет к нему с тем затруднением, с которым обыкновенно пишут «к старшим». Это не иначе как следствие того внутреннего благоговения, которое он невольно испытывал к поэтическому дару Пушкина и его творениям. По-видимому, то же самое испытывал Боратынский и при личных встречах, несмотря на самые короткие товарищеские отношения. «Пушкин здесь, и я ему отдал ваш поклон, – писал он Вяземскому в 1829 году. – <...> Я с ним часто вижусь, но вы нам очень недостаёте. Как-то из нас двух ничего не выходит, как из двух мафематических линий. Необходима третья, чтобы составить какую-нибудь фигуру, и вы были ею».

С годами они встречались всё реже, от случая к случаю и, понятное дело, несколько отдалились друг от друга. У обоих появились свои семьи и хватало житейских забот; каждый шёл своим путём в литературе. Что до личных взаимоотношений, они не прерывались, но, естественно, не могли остаться такими, как в беспечной молодости. Чувства – вещь чрезвычайно тонкая, переменчивая, тут всё – по наитию, по настроению, по прихотям памяти, по степени обстоятельств места и времени. Но одно дело жизнь – и совсем другое поэзия: жизнь разводила в стороны, а поэзия сближала...

Скорбь по Пушкину была у Боратынского искренней, сильной, глубокой – непреходящей. Поначалу, как заметил М.Л. Гофман, поэт попросту негодовал, как друзья Пушкина могли допустить его смерть, – «<...> и впал в состояние, близкое к отчаянию и болезни души».

Узнав, что в Петербурге издаётся 5-й том «Современника» в память Пушкина и в пользу его семьи, Боратынский отправил Вяземскому своё едва законченное стихотворение «Осень» – одно из самых прекрасных и глубоких своих произведений. «Препровождаю вам, – писал он, – дань мою “Современнику”. Известие о смерти Пушкина застало меня на последних строфах этого стихотворения <...>».

Не случись благотворительного издания, Боратынский наверняка бы ещё долго отделявал это большое и сложное стихотворение, прежде чем отдать его в печать. Потому поэт и объяснился вдруг Вяземскому, невольно приоткрыв свои творческие тайны: «Всякий работает по-своему. Лирическую пьесу я с первого приёма всегда набрасываю более чем с небрежностью; стихами иногда без меры, иногда без рифмы, думая об одном её ходе, и потом уже принимаюсь за отделку подробностей. Брошенную на бумагу, но далеко не написанную, я надолго оставил мою элегию. Многим в ней я теперь недоволен, но решаюсь быть к самому себе снисходительным, тем более что небрежности, мною оставленные, кажутся, угодны судьбе. Препоручаю себя вашей дружеской памяти <...>».

Смерть – *всех загадок разрешенье*; она разом выявляет сущность и значение человека в той полноте, что прежде была недостижима. Опадает шелуха привнесённых жизнью личин – проступает *лик*.

Вяземский недаром прозрел лишь по кончине Пушкина – признавшись, что поэт не был понят при жизни даже его друзьями, не говоря о людях к нему равнодушных. И Боратынскому истинный Пушкин – открылся только по смерти...

Через три года, в феврале 1840-го, Боратынский приехал в Петербург. Остановился в доме Путьят на Почтамтской улице, близ Исаакиевского собора. С Николаем Путьятой они к тому времени породнились: друг его финляндской

молодости, к радости поэта, женился на его свояченице, Соничке Энгельгардт, и у них уже подрастала малышка дочь. Вскоре Боратынский побывал в гостях у Жуковского: вместе они разбирали ненапечатанные стихи Пушкина. Боратынский был потрясён, когда прочёл их:

«<...> Есть красоты удивительной, вовсе новых и духом и формой, – писал он жене, Настасье Львовне, 6 февраля. – Все последние пьесы его отличаются, чем бы ты думала? Силою и глубиной! Он только что созрел. *Что мы сделали, Россияне, и кого погребли!* – слова Феофана на погребение Петра Великого. У меня несколько раз навёртывались слёзы художнического энтузиазма и горького сожаления <...>».

Эти скорбные и торжественные – *высокопарные* – слова звучат посреди в общем-то бытового отчёта жене о прожитом дне. Снова, как и в 1825 году, Боратынский сравнивает Пушкина с Петром Великим.

Николай Васильевич Путьята вспоминал, что Жуковский, коему государь поручил разобрать бумаги Пушкина, дал тогда Боратынскому одну из рукописных тетрадей *in folio* в переплёте. В ней был и неизвестный поэту набросок статьи о нём. «<...> Тетрадь эта оставалась у последнего самое короткое время; он был уже в отъезде и просил меня тотчас возвратить её Жуковскому, что я и исполнил. Кроме помянутого отрывка, в этой тетради находились некоторые другие статьи в прозе и клочки дневника Пушкина разных годов. Помню из него почти слово в слово следующие места: 1) число, месяц. “Сегодня приехали в Петербург два француза, Дантез и маркиз Пинна”. В этот день ничего более не было записано. Что замечательного мог найти Пушкин в их приезде? Это похоже на какое-то предчувствие! <...>»

7 февраля Боратынский провёл утро с Вяземским: говорили о Пушкине. Вяземский предложил ему навестить вдову поэта, сказав, что она очень признательна всем старым друзьям мужа, которые посещают его дом. Боратынский намеревался это сделать, но вскоре повстречал Наталью Николаевну в салоне Карамзиных. «<...> Вяземский меня к ней подвёл, и мы возобновили знакомство, – сообщал он жене. – Всё так же прелестна и много выиграла от привычки к свету. Говорит ни умно ни глупо, но свободно. Общий тон общества истинно удовлетворяет идеалу, который составляешь себе о самом изящном, в молодости по книгам. Полная непринуждённость и учтивость, обратившиеся в нравственное чувство. В Москве об этом не имеют понятия <...>».

По приезде Боратынский писал к мамёнке в Мару, что возвратился из Петербурга в лучшем настроении, нежели мог ожидать. Откуда это настроение? Не от новых ли стихов Пушкина и той недописанной пушкинской статьи о поэзии Боратынского?..

Нет сомнений в том, что Боратынский всегда относился к Пушкину с любовным уважением, даже когда порой критически высказывался в своих письмах о его творчестве. То была не завистливая ревность к товарищу по перу, свойственная тщеславным писателям мелкого разбора, а ревностная любовь к собрату по Парнасу. От гениально одарённого он и ждал гениальных сочинений, оттого был особенно требовательным. Зато и восхищался гением, как никто другой.

Поздний Пушкин, прежде неизвестный Боратынскому, что предстал перед ним в феврале 1840 года в Петербурге, восхитил как никогда. Он увидел поэта, достигшего истинных высот духа и мастерства, познавшего жизнь вполне, с мужеством и смирением христианина принимающего всё, что посылает ему судьба. *Вовсе новые духом и формой* стихи Пушкина были

необыкновенно созвучны и его собственным мыслям и настроениям. «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...», «Не дай мне Бог сойти с ума...», «Отцы пустынноики и жёны непорочны...», «Напрасно я бегу к сионским высотам...», «Когда за городом задумчив я брожу...», «Из Пиндемонти» («Не дорого ценю я громкие права...»), «Подражание итальянскому» («Как с древа сорвался предатель ученик...»), «Памятник», «Мирская власть» – все эти шедевры Пушкин хранил только для себя и не отдавал в печать, на пустое любопытство досуужей толпы, которая всё равно толком ничего не поймёт.

Боратынский осознал эти стихи как поэтическое завещание русского гения, при жизни не понятому по-настоящему никем.

Отвратительное равнодушие части общества к погибшему Пушкину мучило его и вызывало возмущение. Это отразилось в заключительных строфах стихотворения «Осень», которое поэт дописывал в феврале 1837 года:

*<...> Но не найдёт отзыва тот глагол,
Что страстное земное перешёл.*

15

*Пускай, приняв неправильный полёт
И вспять стези не обретая,
Звезда небес в бездонность утечёт;
Пусть заменит её другая;
Не яствует земле ущерб одной,
Не поражает ухо мира
Падения её далёкий вой,
Равно как в высотах эфира
Её сестры новорождённый свет
И небесам восторженный привет! <...>*

В 1841 году ему припомнились народные гуляния в Новинском под Москвой: там они были с Пушкиным в сентябре 1826-го, когда тот вернулся из псковской ссылки. Нарядная толпа разглядывала знаменитого поэта... а вот когда он погиб – далеко не все пожалели его. Боратынский заново переработал своё старое стихотворение, посвящённое другу. В первом варианте, 1826 года, «красота» своей улыбкой оживляет поэта, – в новых стихах всё загадочней, и, даже если речь по-прежнему о красоте, она оказывается – роковой, губительной. Но, может, тут говорится уже о судьбе?..

*Она улыбкою своей
Поэта в жертвы пригласила,
Но не любовь ответом ей,
Взор ясный думой осенила.
Нет, это был сей лёгкий сон,
Сей тонкий сон воображенья,
Что посылает Аполлон
Не для любви – для вдохновенья.*

А ещё через два года Боратынский написал одно из самых горьких своих стихотворений – о посмертной судьбе поэта. О ком оно?.. то ли о Пушкине, то ли о себе самом...

*Когда твой голос, о поэт,
Смерть в вышних звуках остановит,*

*Когда тебя во цвете лет
Нетерпеливый рок уловит, –*

*Кого закат могучих дней
Во глубине сердечной тронет?
Кто в отзыв гибели твоей
Стеснённой грудью восстонет,*

*И тихий гроб твой посетит,
И, над умолкнувшей Аонидой
Рыдая, пепел твой почтит
Нелицемерной панихидой?*

*Никто! Но сложится певцу
Канон на меднишним зоилом,
Уже кадящим мертвецу,
Чтобы живых задеть кадилом.*

Нечистые догадки

Давно известно: лучшее в человеке, *Божие*, притягивает бесов.

Спустя полвека с лишним досуужие нечистые догадки, в которые лениво маскировалась пошлая клевета, попытались замарать ту чистоту чувств, с которой относился Боратынский к Пушкину...

Всё началось, наверное, с одного восклицания Павла Воиновича Нащокина, близкого друга Пушкина.

1 октября 1851 года с ним и его женой, Верой Александровной, встретился историк Пётр Иванович Бартенев, собиратель воспоминаний о Пушкине. В той первой их беседе Нащокин среди прочего неожиданно заметил, что Боратынский с Пушкиным «<...> не был искренен, завидовал ему, радовался клевете на него, думал ставить себя выше его глубокомыслием, чего Пушкин в простоте и высоте своей не замечал».

Переписанную в тетрадь беседу Бартенев дал прочесть не менее давнему другу поэта, Сергею Александровичу Соболевскому, – и тот на полях напротив этих слов написал: «Это суцая клевета!»

В самом деле, мнение Нащокина никто и никогда не подтверждал: все современники поэтов были уверены в том, что между Пушкиным и Боратынским всегда были хорошие отношения. Да и сам Павел Воинович за семь лет до этой беседы, был совершенно иного мнения о Боратынском. 21 августа 1844 года, под впечатлением его неожиданной смерти, он писал старому другу поэта, Н.М. Коншину:

«Истинно добрый и почтенный Николай Михайлович, прежде чем благодарить тебя за твоё ко мне внимание, погорюем о Баратынском – и его не стало. Когда известие о смерти барона Дельвига пришло в Москву, тогда мы были вместе с Пушкиным, и он, обратясь ко мне, сказал: “Ну, Войныч, держись: в наши ряды постреливать стали”. Многих из товарищей твоих и общих наших уже нет на свете, о которых не говорят и говорить не будут; слава же, известность и некрология не умолкнут повторять имён Пушкина, Дельвига и Баратынского в дальнейшее время потомства; но много ли людей осталось, которые

бы могли помянуть их как товарищей и друзей по сердцу и по душе; все трое были нам близки, но ты был ближе всех к Баратынскому, и, можно сказать, в единственно интереснейшую эпоху его жизни. Итак, любезный друг Коншин, оставим журналистам, газетчикам и лексиконистам славословить или поминать их лихом... а мы с тобою помянем их, во-первых, как христиане... а во-вторых, помянем их как друзей и товарищей нашей беспечной и добросовестной молодости: спасибо им, что пожилы с нами и любили нас <...>».

Что же такое вдруг нашло на *Войныча*, что он переменял своё мнение на противоположное?..

Стоит учесть, что к 1851 году он был уже весьма больной человек (скончался через три года): что-то могло исказиться в его памяти...

Бартенев никак его не расспросил насчёт этих слов, – так они и пошли кочевать по его книгам, и, что совсем худо, в переизданиях мнение Соболевского выпало из текста (издатели не утруждают себя «лишними» репликами), и *сухая клевета* осталась даже без возражения.

Скорее всего, никто тогда, в первые годы, и не обратил на неё внимания, до того она казалась нелепой.

Но прошло полвека с лишним, и случайно оброненное крапивное семя проросло: его, всячески удобрив, выходил писатель Иван Щеглов. В 1900 году он напечатал в одной из петербургских газет статью «Нескромные догадки», в которой выставил Баратынского тайным предателем и врагом Пушкина, что вредил ему из зависти, – таким отравителем Сальери при беспечном Моцарте.

Сам Щеглов сознавался, что «фактические данные на этот счёт крайне скудны, зато психологические, так сказать, “междустрочные данные”, в высокой степени характерны и значительны». То есть мало того, что без стеснения объявил о том, что у него нет никаких фактов для обвинений, но ещё и похвалил сам себя за «проницательность».

Если уж говорить о *психологических данных*, то они напрямую касаются самого Щеглова: наглость и извращённое воображение сделало его банальным клеветником. Тут всё по русской поговорке: *свинья грязь найдёт*.

Даже обычно сдержанный в выражениях Гейр Хетсо в этом случае не выдержал: «Автор статьи, несмотря на то, что в подтверждение своих высказываний не может привести никаких доказательств, уверенно заявляет, что Пушкин в трагедии *Моцарт и Сальери* изображает себя в образе Моцарта, а в образе Сальери Баратынского. Как Сальери отравил Моцарта, так и Баратынский якобы “отравил” Пушкина своей “завистью” и “вероломством”. Статья Щеглова не что иное, как злостная и ни на чём не основанная клевета на Баратынского. Об уровне аргументации Щеглова говорит и то обстоятельство, что он не брезгает даже враждебными намёками на польское происхождение Баратынского и, вопреки фактическим данным, уверяет, что Баратынский в своё время не захотел оказать материальную помощь Гоголю <...>».

Странно, что этим «нескромным догадкам» тут же, не разобравшись, посочувствовал В.В. Розанов, – не иначе его подвело газетно-журнальное многописание. Превратно истолковав письмо Баратынского к Киреевскому с критикой «Евгения Онегина», Розанов, по сути, одобрил измышления Щеглова да ещё и дополнил их своими *догадками*, легковесными и сомнительными: «В самом деле, отчётливы отношения к Пушкину Языкова, Дельвига, Пушкина (он-то при чём, когда речь о писателях? – В. М.), горе по нём Гоголя, стихи о нём Лермонтова; но один друг, о котором сам Пушкин высказал самые шумные похвалы в печати (заметим, что при жизни Пушкина до *печати* дело не

дошло – В. М.), всегда выдвигая его с собой и почти вперёд себя, до сих пор оставался в тени и не рассмотренным в своём обратном отношении к Пушкину. В то же время Пушкин время от времени вскрикивал от боли какой-то “дружбы” и наконец запечатлел мучительное и долгое её впечатление в диалогах поразительной глубины. Догадки г. Щеглова так интересны и многозначительны, что хочется, чтобы он приложил дальнейшее усердие к их разработке. Они очень правдоподобны и мы должны быть благодарны автору уже за то, что он наводит мысль исследователя, открывает дверь исследованиям».

Опять-таки, что за морок нашёл на Василия Васильевича Розанова, который в общем-то был самого хорошего мнения о Баратынском? (Так, своего горячо любимого учителя Н.Н. Страхова он сравнил не с кем-нибудь, а именно с поэтом, назвав Страхова «Баратынским нашей философии» и пояснив свой образ следующими словами: «Есть какое-то несравненное изящество и благородство в чертах их обоих, в трудах их; и мы охотно отворачиваемся от более звонких, но неустроенных струн, чтобы сосредоточиться на этих – где нас ничто не оскорбляет, не мучит, не раздражает и не смущает; где, наконец, нас ничто не **обманывает**».)

Между тем, «наводка» Розанова подействовала: к полемике, правда неохотно, подключился поэт Валерий Брюсов. Разбираться в сути вопроса он также не стал, а взял себе то, что занимало тогда его мысли о двух типах поэтов – интуитивного и рефлектирующего. Пушкина он относил в первому типу, Баратынского – ко второму. Брюсову пригодились сравнение одного – с Моцартом, а другого – с Сальери. Его комментарии были весьма противоречивы, но Гейру Хетсо показалось, что Брюсов отверг «бесстыдные догадки» И. Щеглова. Это не так: мнение Брюсова половинчато.

Так долгие годы и тлела полузатушенной эта искра клеветы; если кто порой и пытался её раздуть, то без успеха: нелепое занятие... Но и достойного разбора «нескромных догадок» – не было.

Лишь недавно, в 2012 году, писатель Иза Кресикова написала глубокую и аргументированную статью «По следам тенденциозных догадок...». На слова Брюсова о том, что Баратынский всегда признавал величие Пушкина, но «никогда не упускал случая отметить то, что почитал у Пушкина слабым и несовершенным», Кресикова заметила:

«Да что же в этом вероломного? Они – литераторы, значит и критики. Всё естественно. Но Брюсов без протеста присоединяется к обвинениям Баратынского (имеются в виду Щеглов и Розанов) в зависти к Пушкину и к тому, что “Сальери Пушкина списан с Баратынского...”», то есть поэта, который подолгу трудился над своими стихами и не мог, будто бы, без зависти вынести крылатость пушкинского дара.

Ну, то, что и у Пушкина, и у Баратынского, если стихи поначалу и сыпались с небес, а затем обдумывались и отделялись с помощью высокого ремесла, теперь уже известно и не пушкинистам.

И. Кресикова в подробностях разбирает все доводы Щеглова – и убедительно их опровергает.

В конце своей статьи Иза Кресикова обращается к природе творчества, к соотношению труда и вдохновения:

«<...> Щеглов в “догадках” констатирует: “Самый процесс писания стоил Баратынскому мучительного труда и огромной подготовки <...>”. Поддерживающий Щеглова Розанов замечает, что в этом-то и есть главная трагедия Баратынского-Сальери: “Сальери глубок, но Сальери не даровит тем особенным

<...>, почти случайным даром <...>, который творцу ничего не стоит...” И оба литератора, увлечённые разоблачением, заверяют читателей, что именно “райские видения” Моцарта-Пушкина являются предметом бесконечной зависти Сальери-Баратынского и всей его недоброжелательности к Пушкину».

Вывод И. Кресиковой справедлив: «открытия» Щеглова с толкованиями их Розановым – тенденциозны; Щеглов извратил и смыслы стихов Боратынского и его писем «в угоду своей действительно нескромной “увлечённости”».

«<...> Нынче большинство пушкинистов знает, – пишет в заключении И. Кресикова, – что гений Пушкина включал в себя и “райские видения” вдохновения (впрочем, Пушкин называл это “быстрым соображением понятий”!) и отделку этих видений, прибегая к кропотливому ремесленничеству – труду. Ни один из обсуждаемых здесь поэтов – ни Баратынский, ни Пушкин – не мог завидовать другому. Они знали и ценили в себе и друг в друге тайны поэтического взлёта и ремесла.

И именно об этом, вероятно, хотел сказать Мандельштам своей фразой: “В каждом поэте есть и Моцарт, и Сальери”. Конечно, в миг произнесения, он и о себе подумал. И Анна Ахматова без возражений согласилась с естественной сутью такого понимания творцов и творчества. Конечно, в естестве этой сути труда и вдохновения может возникнуть и зависть, чёрная или белая (“хорошего роду”). В “Моцарте и Сальери” она – самая страшная. Но несмотря ни на что, трагедия “Моцарт и Сальери” – не только о зависти. Она о многом в человеческой жизни, и главное – о добре и зле. Наши “отгадки” на “догадки” И.Л. Щеглова тоже о добре и зле».

На грязной возне, затеянной некогда недобросовестным автором вокруг имени Боратынского, наконец-то поставлен крест.

На предельной высоте

Гениальное стихотворение Боратынского «Осень» (1837 – <1841>) отдалённо перекликается с другим гениальным стихотворением – пушкинской «Осенью» (1833). Прежде всего – благоговейным созерцанием природы, по-осеннему просторным оглядом жизни.

У Пушкина:

7
Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса –
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса –
В их сенях ветра шум и свежее дыханье
И мглой волнистою покрыты небеса
И редкий солнца луч – и первые морозы
И отдалённые седой зимы угрозы.

У Боратынского:

3
Прощай, прощай, сияние небес!
Прощай, прощай, краса природы!
Волшебного шептанья полный лес,
Златочешуйчатые воды!

Весёлый сон минутных летних нег!
Вот это в рощах обнаженных
Секирою тревожит дровосек,
И скоро, снегом убранных,
Своих дубров и холмов зимний вид
Застылый ток туманно отразит.

Совершенные стихи! – как у того, так и у другого. Непревзойдённые по гармонии, по звучанию, по красоте!..

Если у Пушкина всё напоено упругой радостью ощущений, здоровой бодростью духа (Пушкин особенно любил это время года: осенью он – творил), то осень Боратынского – пора прощания с жизнью, с надеждами, пора подведения итогов прожитого – и они горьки, печальны, трагичны.

«Осень» Пушкина – волнующее и радостное предчувствие творчества, вдохновения, которое вот-вот, словно корабль под надутыми парусами, понесёт поэта в неизвестное (знаменитая последняя строка, обрывающаяся в эту неизведанность: «Плывёт. Куда ж нам плыть?..»), – «Осень» же Боратынского тоже затрагивает судьбу художника, но иначе: он уже отягощён «хладным опытом» и оторван, как палый лист, от земного, он уже в других пределах – в краю возмездий.

Земное, в чистом виде, это простодушный мир селянина, о котором говорится в первых строках: его святое торжество – по осени собрать урожай и вкусить с семьёй в тёплой избе «хлеб-соль и пенистую брагу», благословенный плод своих трудов.

Но у художника, тоже некогда лелеявшего «сны позлащённые», совсем другие приобретения:

<...> Увы! к мечтам, страстям, трудам мирским
Тобой скоплённые презренья,
Язвительный, неотразимый стыд
Души твоей обманов и обид!

8
Твой день взошёл, и для тебя ясна
Вся дерзость юных легковерий;
Испытана тобою глубина
Людских безумств и лицемерий.
Ты, некогда всех увлечений друг,
Сочувствий пламенный искатель,
Блистательных туманов царь – и вдруг
Бесплодных дебрей созерцатель,
Один с тоской, которой смертный стон
Едва твоей гордыней задушён. <...>

Садись один и тризну соверши
По радостям земным своей души! <...>

Художник Боратынского, последний поэт, повернется самым суровым испытанием – испытанием духовным:

13
Пред промыслом оправданным ты ниц
Падёшь с признательным смиреньем,

С надеждою, не видящей границ,
 И утолненным разуменьем, –
 Знай, внутренней своей вовеки ты
 Не передашь земному звуку
 И лёгких чад житейской суеты
 Не посвятишь в свою науку;
 Знай, горняя иль дольная, она
 Нам на земле не для земли дана. <...>

Его взору открывается беспощадная правда и о земном, и о самом себе:

16
 Зима идёт, и тощая земля
 В широких лысынах бессилья,
 И радостно блиставшие поля
 Златыми класами обилья,
 Со смертью жизнь, богатство с нищетой –
 Все образы години бывшей
 Сравняются под снежной пеленой,
 Однообразно их покрывшей, –
 Перед тобой таков отныне свет,
 Но в нём тебе грядущей жатвы нет!

Это большое, в 16 величественных строф, стихотворение необыкновенно музыкально: оно звучит как симфония. В нём незримо присутствует и державинская мощь выражения, и ломоносовская глубина думы, и пушкинская гармония, но в целом оно – по мысли и по духу – совершенно боратынское. При всей предельной безнадежности мыслей и чувств это всё же не реквием по напрасно утраченной жизни. Воплощение словом пережитого, осознание правды, какой бы она ни была, – путь к истине, к дальнейшей жизни.

«Осень» была напечатана в журнале «Современник» и произвела сильное впечатление на читателей. Степан Шевырёв, до того весьма холодно отзывавшийся о стихах Боратынского, сразу же по выходе «Осени» в печать написал пространную статью о поэте:

«<...> Направление, которое принимает его муза, должно обратить внимание критики. Редки бывают её произведения; но всякое из них тяжело глубоко мыслию, отвечающею на важные вопросы века. Боратынский был сначала сам художником формы; вместе с Пушкиным, рука об руку, по живым следам Батюшкова и Жуковского, он содействовал окончательному образованию художественных форм стихотворного языка. Но теперь поэзия Боратынского переходит из мира прекрасной формы в мир глубокой мысли: его муза тогда только заводит песню, когда взволнована, потрясена важною таинственною думою. Она вносит в этот новый мир красоту прежних форм, но эти формы как будто тесны для широких дум поэта. Лёгкий дух слишком хрупок и ломок, чтобы служить оправой полновесному алмазу мысли. Ещё не всегда ей покорный, он иногда даже тёмнен и непонятен простому глазу: впрочем, свойство глубины – темнота. Но зато, когда мысль совершенно одолевает стих и заставит его во всей полноте принять себя, тогда-то блещет во всей силе новая поэзия Боратынского и рождаются такие строфы, которых не много в русской поэзии. <...> В этом глубокомысленном стихотворении сходятся два поэта: прежний и новый, поэт форм и поэт мысли. Прежний заключил бы прекрасным описанием осени, которое напоминает своими стихами лучшие

произведения Боратынского-описателя, его «Финляндию» особенно. Новый поэт переводит пейзаж в мир внутренний и даёт ему обширное, современное значение: за осенью природы рисует осень человечества нам современную, время разочарований, жатву мечтаний. <...> Пьеса, подающая повод к таким наблюдениям, свидетельствует зрелость таланта. Поэт не хотел оканчивать хладною картиною разочарования: он чувствовал необходимость предложить утешение. Мысль, развитая далее и едва ли для всех доступная, есть следующая: чем бы ни кончилось твоё разочарование, знай, что ты не передашь тайны жизни миру. <...> Тайна каждой души в ней самой: бесконечное выражено быть не может. – Не потому ли так тёмнен и конец этого замечательного стихотворения? Много мыслей не досказано здесь, но мы уверены, что поэт когда-нибудь их доскажет: ибо, как мы думаем, между вдохновениями истинного лирика есть непрерывная невидимая цепь, которая связывает его отрывки в одну большую и полную поэму, где герой – душа самого поэта».

Другой критик, Николай Полевой, в своём обзоре о русской литературе за 1837 год привёл цитату из стихотворения – и изумлённо вымолвил лишь несколько слов: «Голос Боратынского услышали мы в «Осени» и – почти не узнали его».

В конце 1837 года в одной из германских газет был напечатан отрывок из книги Г. Кёнига, посвящённый Боратынскому.

Н. Мельгунов написал А. Краевскому, что представлял Кёнигу Боратынского как поэта элегического в первом периоде творчества, который, однако, «<...> в своём втором периоде возвёл личную грусть до общего философского значения, сделался элегическим поэтом современного человечества. «Последний поэт», «Осень» и пр. это очевидно доказывают».

Замечательное уточнение!

Мельгунов первым определил то качество, что было тогда понятно очень немногим: лирика Боратынского стала принадлежать всему человечеству.

(Из книги В. Михайлова «Боратынский», М., «Молодая гвардия», серия ЖЗЛ, 2015)

ПОЭЗИЯ

Светлана СОЛОЖЕНКИНА

Редакция журнала «Великороссъ»
поздравляет Светлану Соложенкину
с юбилеем!

Светлана Львовна Соложенкина – поэтесса, кандидат филологических наук, член Союза писателей России, критик, переводчик, иллюстратор. Родилась в Златоусте Челябинской обл. в семье железнодорожника. Окончила Литинститут и аспирантуру при нём (1962). Работала в журналах «Лит. Азербайджан» (1963 – 1966), «ЛО» (1974 – 1996). Автор книг стихов: «Мой отчий дом» (1966), «О небе засушном» (1974), «Наедине с другими» (1975), «Год без весны» (1985), «Цветы открыты – до шести!» (1987), «Цветок над бездной» (1993), «Свет незримый» (1995). Переводила поэзию с азерб., арм., латыш. языков. Лауреат премии газеты «Златоустовский рабочий», журналов «Смена», «Крестьянка».

Живёт в Москве.

«Я думаю о Златоусте...»

«Всё – для родины...»

Всё – для родины. Всё – о ней,
у меня не отнять корней.
Не отнять высоты, широты.
С детских лет неизменно за мной
по пятам ходили цветы,
и бежал ручеек лесной.
Так и будет. Облако спит
возле ног, словно белый щенок.
И со мной иногда говорит
неохватным молчанием Бог.
Оглянусь. Лес и горы кругом.
Гром и молния – небо расколото!
Разгружает кто-то вагон
с антрацитом, а сыплется – золото...
Четвертушки и половинки
ни к чему мне – отдам всю душу
я трепещущей бледной травинке,
жгучий зной её не иссушит.
Я собой заслоню сосну,
рысью я на порубщиков прыгну,
когда хищные пилы блеснут –
злой оскал саблезубого тигра,
и назад я не сделаю шагу...

В эту землю спокойно я лягу.
У меня не отнять корней.
Всё – для родины. Всё – о ней.

«Словно камешки, слова перебираю...»

Словно камешки, слова перебираю.
Вот лежит нефрит зелёный с краю,
вот сапфир синеет васильково,
вот хрусталь не помнит ни о ком,
словно льдинка, что сейчас растает...
Красного, пожалуй, не хватает.
Что ж, возьму рубин – и обожгусь.
Ничего, я боли не боюсь.
Ведь её подмешивают в краски,
чтобы ярче становились сказки.
Омываются глаза слезой
и любят небесной бирюзой.
Чёрные агаты. Скорбь ночей,
когда ты разлюблен – и ничей.
И опять – хрусталь: без чистоты
ничего создать не сможешь ты...
День за днём я, в двух шагах от рая,
Камешки-слова перебираю.
У седого, древнего Урала,
где росла я, этих слов – немало.
Всё тебе я навсегда отдам,
только верь мне, верь моим словам.

«Скучаю о безвестной речке...»

Скучаю о безвестной речке
из забытых детских дней,
и синий камушек в колечке
напоминает мне о ней.
Та речка – ленточка Урала,
закладка в книге всех времён...
Там – незабудки собирала
и слушала хрустальный звон.
Там – гуси белые гуляли,
и становясь ещё белей,
порою – в облако ныряли...
Бесценная! Грущу о ней.
Вольна приехать и уехать,
но позабыть – я не вольна:
ведь синий камушек, как эхо,
мне подарила тишина.
Сто раз на дню – минуя мостик,
он – хрупче крыльев стрекозы.

Вода журчит... Она не просит
ни сожалений, ни слезы.
Но я-то знаю, я-то знаю:
все отражения мои
она в тиши перебирает,
как фотографии хранит...

**«Большие камни, скользкие,
как выдры...»**

Большие камни, скользкие, как выдры,
в потоках светлой пенистой воды.
Поблѣскивают спинками своими –
и вылезать на берег не хотят...
Покачиваются стебли водокраса,
стрекозы водят хрупкий хоровод...
Бесценный день проходит и пройдёт,
но кажется, что это будет вечно.
Река – обрывок ленты голубой,
оброненной Снегурочкой когда-то...
Снегурочка истаяла в костре,
а речка разлилась в поток гремящий...
Я здесь росла, на берегах Тесьмы,
и выдры-камни гладила, и пела,
и видела Снегурочкины сны,
которые она не досмотрела.

«Войду и выйду...»

Войду и выйду... Что ж! Имею право.
И даже оглянуться не подумаю...
Но почему же вдруг пожухнут травы,
и станет ель рассеянно-угрюмою,
и всё печальней сердцу с каждым днём.
Как на чужбине тосковал Овидий...
Да, в дом любой – на время лишь войдём,
а в лес родной войдём – и век не выйдем,
тебя ль покину, сторона лесная?
Нет, я с тобой пребуду до конца.
Я помню все уступы Таганая,
словно ступеньки отчего крыльца.

«Я видела – и я не позабыла...»

Я видела – и я не позабыла,
как разливают сталь... Её река –
огнём пурпурным протекла по жилам
и в детской памяти осталась на века.

В пространство златоустовской гравюры
входила я, естественно, как в дом –
преображённое величие природы
там представало в нимбе золотом:
ручей сиял, а глухариный хвост
чернел, как ночь, и жёлтый свет заката
подсвечивал стожок, сияя многократно,
подснежники цвели – созвездьями вразброс...
Да, это был мой мир, моё богатство,
да, я была – уральское дитя.
Вступила рано я в лесное братство,
язык зверей и птиц поняв шутя.
Лиловые и голубые горы –
езде, везде, куда ни погляди,
завешивали иногда, как шторы,
их серебристо-серые дожди.
Я находила потайные тропы,
что в глубину пещер вели, маня,
и златоискры, и геолитропы
пленяли, словно бабочки, меня.
Когда там плюшевый медведь, когда живые
медведи лакомились ягодой в кустах?
В избушку к ним не забрела, увы, я,
не видела их мисок на столах
и ложек расписных их не касалась,
а ведь могла! Но их подружкой – я осталась!
А серый волк? И он, по всем приметам
готов служить был, как царевне, мне...
Ну, как же я могла не стать поэтом
в неповторимой этой стороне?
И я вошла в тревожный и огромный
столичный город, что меня не ждал.
Был пропуском моим – подснежник скромный
и – сквозь стихи – синеющий Урал.

Иоанн Златоуст

Родиться в Златоусте – и не мочь
двух слов связать? Вот это было б странно!
Пускай никто не может нам помочь,
пускай спасенье видится туманно, –
забыть ли, что вначале было Слово?
Свои святыни – береги в душе,
найди слова, достойные святого,
и бойся веру превратить в клише.
Мне дорог этот город осиянный,
где пруд ночной созвездьями горит,
где каждый – думает об Иоанне
и милостью Его же – говорит.

«В сороковом родиться...»

В сороковом родиться, окунуться
лишь год спустя – в свинцовую купель...
Не знать о том. Пять лет спустя – очнуться
под гром Победы, памятный досель.
Величественным было то начало!
Догадка смутная: народ – ты сам...
Война-волчица на руках качала,
Победа – ввысь кидала, к небесам!
Огни салюта! Словно одуванчик,
они зажаты в детском кулачке...
Толпа – как море. Слёз никто не прячет.
И ночь – солдатка в траурном платке –
огни мерцающие провожает взглядом...
Всю жизнь, всю жизнь – она со мною рядом.
А может – это просто я была?
Нет, мне пять лет... И я – ещё мала.
Но это ощущение: «Я – народ» –
теперь в душе вовеки не умрёт.

«А все же были ёлки и в войну...»

А все же были ёлки и в войну!
Вернуть бы – из младенчества – одну.
Шепнуть бы ей, зелёной и пушистой:
«Ты знаешь, ёлочка – разгромлены фашисты!

Да-да! Мы победили наконец!»
И, разроняв от радости игрушки
и став ещё стройнее и красивей,
она исчезнет на лесной опушке...

Я не успею ей сказать: «Спасибо!»
Но будет вечно тень её живая
со мною, как подружка фронтовая!

«Вошли – и тихо встали за спиной...»

Вошли – и тихо встали за спиной.
Родные тени, вы опять со мною?
А я... Я – где-то на заснеженной поляне.
На ёлку вешаю надежды хрупкий шар.
Мир так прекрасен, призрачен и странен.
И этот сон – конечно, Божий дар.
Я просыпаюсь... столько лет прошло!
Как снег сверкал! Как лес могуче серебрился!
Когда ударил молот тяжело,
исчезло всё... Но хрупкий шарик – не разбился.

Томлюсь надеждой, памятью, виною,
протягиваю руки в никуда...
Родные тени встали за спиной.
Мерцает Вифлеемская звезда.

Мама вышивает...

У тебя небольшая квартира.
У тебя большие мечты.
Покажи мне все краски мира,
покажи мне свои цветы.
Ты сидишь, вышиваешь розу.
За окном – трескучий мороз.
Когда людям талант был роздан,
Бог иголку тебе поднёс.
Эта роза совсем живая
и оставила лепесток,
словно держит она чашку чая
и откусывает сахарок.
Вот уж, вправду, чайная роза...
И светло улыбаешься ты.
Подражают тебе морозы
и рисуют на стёклах цветы.

Сбережённые сны

Вышивала мама, вышивала,
тщательно оттенки подбирала.
Флорентийскою мозаикою плотной
расцветали чёрные полотна.
В рамке, за стеклом – размещены
тихие, таинственные сны,
васильки, и розы, и ромашки.
Мама издали платочком белым машет...
Ничего я сделать не смогла,
только сны её и сберегла.
Синий сумрак встанет у порога,
приведёт невиданных зверей,
василиска, и единорога...
Мама путь им загородит строго:
«Уходите, – скажет, – поскорей!
Пусть, под розами и васильками,
дочка спит, не ведая тревог,
я их вышила вот этими руками!»
И попятится единорог,
василиск – во мраке растворится...
Ничего со мною не случится.
Мама станет – смерти поперёк.

«Я думаю о Златоусте...»

Я думаю о Златоусте –
о непотерянной любви,
не будет это место пусто,
Господь его благослови.
Я золото в горах не мыла,
хватало искорок в слюде.
Я каждый камешек любила,
я находила их везде.
В безбожный век не полагалось
нам, школьникам, Писанье знать –
сама я как-то догадалась,
что время камни собирать.
Ну, вот я их и собирала...
На письменном моём столе
лежат доныне минералы –
как память о родной земле.
Она вовеки не отпустит.
Граню алмазики-слова,
и думаю о Златоусте.
Я только им одним жива.
Богатств не жду – с какой бы стати?
Поэтам роскошь не к лицу.
Обломка хрустала мне хватит...
С тем и отправлюсь я к Творцу.

Три территории россов

...Отъ разсѣянiя по многимъ странамъ племени своего разсѣянны, а потом россы прозвашася.

Св. Димитрий Ростовский. Летопись

В работе (15) было показано, что объединение славян привело к образованию в VII в. до н.э. общеславянского государства вандалов-венедов, в которое вошли союзы племён, имевшие наименование скифов, россов и сарматов.

В данной статье речь пойдёт о союзе племён россов, на месте проживания которых позднее образовались Новгородская и Ростовская земли, и далее с их объединением Русское государство – Русь.

Об этнониме «рос» у исследователей до сих пор нет однозначного мнения. Однако, в Летописи св. Димитрия Ростовского, а также в материалах рукописи А.Я. Артынова, приведённых в работе (14), есть прямое указание на происхождение его. Из этих материалов (14, с. 37) за период конца IV тысячелетия до н.э. следует, что славяне получили свое наименование от своих славных дел. Затем от рассеяния по многим странам стали называться рассеянами, потом – россамми. От славянорусских поселений произошёл русский народ, часть которого звалась россамми, а часть – аланами, потом стали называться роксоланами.

Аналогично пишет и св. Димитрий Ростовский: «Русские или паче российские народы тыезде суть славяне»; «... славяне отъ славныхъ дѣлъ своихъ изъ начала славянское имя себѣ приобрѣтоша, тако по времени отъ разсѣянiя по многимъ странамъ племени своего разсѣянны, а потом россы прозвашася» (3, Летопись, ч. III, с. 5-6).

И далее (с. 7) отмечает, что россы, аланы и роксоланы – это славяне, и отличие их только в наименовании, а не в их, как пишет св. Димитрий Ростовский, естестве. Также очевидно, что синонимом слова «россы» является «русские». Таким образом, даны очень важные сведения: о древнейшем происхождении этнонима «рос»; о том, что

Юрий Александрович Яхонтов – профессор, доктор технических наук. Действительный член Петровской академии наук и искусств. Член Союза писателей России. Лауреат конкурсов: «Лучшая книга 2011-2013» за книгу «Летопись славяно-россов с древнейших времён до Рюрика», «Лучшая книга 2012-2014» за книгу «То, что в сердце давно берегу...». Награждён орденом «Золотая осень» имени С.А. Есенина, Золотой Есенинской медалью, медалями имени А.С. Грибоедова, «Литературный Олимп», «А.П. Чехов».

Живёт в Москве.

часть русского народа называлась россами, а часть аланами, которые затем объединились под общим наименованием роксоланов, о чём говорит и само слово; также то, что корнем наименования «славяне» было «слава», а не «слово», как считают некоторые исследователи.

Приведём исключительно важное свидетельство Прокопия Кесарийского, который писал, что «некогда даже имя у славян и антов было одно и то же. В древности оба эти племени называли спорами (“рассеянными”»)» (9, с. 297). А выше, аналогично было показано, что название «россы» произошло от «рассеяны» (14; 3). Как видим, точнейшим образом подтверждается правильность высказанного положения о происхождении этнонима «рос» и его древность, относящаяся к начальному этапу расселения славян.

Анализ письменных источников, данных лингвистики, топонимики и материальной культуры позволил установить территории проживания именно славянского племени россов. Такое самоназвание имели славяне протоиндийской цивилизации Мохенджо-Даро, видимо, пеласги – первые жители Древней Греции, этруски, а также население трёх территорий, входивших прежде в огромное славянское государство вандалов-венедов. Рассмотрим эти территории, вводя следующие названия: **северные россы** – лесная полоса от Чудского озера до Уральских гор; **дунайские россы** – область к северу от Дуная до отрогов Карпат, придунайские берега, а также Балканские горы с возможным распространением на юго-западе до Адриатического моря; **поморские россы** – междуречье Эльбы и Вислы, Вислы и Одры и далее к северу до Немана (14, с. 129-130).

Северные россы. Первые поселения россов на этой территории появились примерно с рубежа IV–III тыс. до н.э. или с начала III тыс. до н.э. Археологически это первое славянское население в этой местности можно отождествлять с волосовскими племенами. Территория северных россов станет в дальнейшем основой, на которой возникнут Новгородская и Ростовская земли.

Страбон писал: «За Борисфеном же обитают роксоланы... и области за страной роксоланов необитаемы вследствие холода. Южнее роксоланов живут савроматы (за Меотийским озером), а также скифы...» (12, кн. II, гл. V, 7). «За Борисфеном» – то есть севернее, по Страбону, живут роксоланы. Но ведь выше (севернее) Днепра идёт Валдайская возвышенность, а также область, входившая в Ростовскую землю. Причём севернее роксоланов, как пишет Страбон, земли необитаемы. Если учесть, что роксоланы отождествлялись с росским союзом племён, то в описании Страбона дано указание, точно соответствующее представленной территории распространения северных россов. Далее у Страбона, усиливающее это соответствие, сказано, что южнее роксоланов живут савроматы и скифы. Значит, протяжённость территории россов по лесной полосе доходит как минимум до Уральских гор, поскольку у Страбона ясно сказано, что роксоланы [росские племена] находятся выше (севернее) скифов и савроматов, то есть по всей их протяжённости на востоке.

Относительно этих сведений Страбона И.Е. Забелин писал: «Как сближается это указание с населением Руси X и XI веков. Трудно понять, почему при таких ясных, точных, неоспоримых свидетельствах древней географии отнюдь не допускается почитать этих роксолан предками нашей Киевской Руси?» (4, с. 329). Согласившись с этим высказыванием, хочется только добавить, что между Киевской Русью и роксоланами (по времени) было ещё Русское государство, образованное объединением Новгородской и Ростовской земель.

Св. Димитрий Ростовский в Летописи пишет, что «Ини же россы страную, естествомъ же едины, въ полунощныхъ странахъ надъ езеромъ Ильменомъ широко населишася, а прочіи надъ Волховомъ рѣкою, идѣже создаша Новъградъ Великій...» (3, ч. 3, с. 14). Таким образом, он относит новгородских словен к россам, и соответственно вся Новгородская земля – это тоже территория северных россов.

В Схолиях к Аристотелю, к Сочинению «о небе», говорится, что скифы-рос и другие гиперборейские народы живут ближе к арктическому поясу, близкому к северному полюсу (7, т. I, вып. 2, с. 385). Эти сведения также подтверждают существование племени россов в обозначенной выше территории северных россов, а также хорошо согласуются с данными Страбона и тем самым ещё раз устанавливают равенство между россами и роксоланами.

Рассмотренные свидетельства и данные топонимики с корнем «рос» подтверждают существование территории северных россов. Подтверждают это и исторические традиции Северной Руси, и образование на этой территории Русского государства, то есть государства россов.

Дунайские россы. О наличии такой территории свидетельствуют письменные источники, данные топонимики, лингвистики и других наук. В русских летописях говорится, что славяне сели по Дунаю, где теперь Венгерская и Болгарская земля (8, с. 144). В Никоновской летописи (с. 5) говорится: «Словеньскому же языку, якоже рѣкоюмъ, живуци на Дунаи, придоша отъ скиѡ...».

П.Н. Третьяков пишет, что «несомненный интерес представляет группа наименований, происходящих от наименования рос-русь и локализирующихся в Северо-Восточной Болгарии и Южной Добрудже. Это – селение Рассава и город Русе на правом берегу Дуная и река Росица...» И далее, говоря, что эти данные свидетельствуют о восточно-славянском происхождении дунайцев, П.Н. Третьяков приводит место из Воскресенской летописи, где города на Дунае называются русскими городами (13, с. 200).

Б.А. Рыбаков пишет, что в качестве варианта приглашения [вместо Рюрика] были и «дунайцы», «загадочное, но чрезвычайно интересное понятие, географически связанное с низовьями и гирлами Дуная, вплоть до конца XIV века числившимися (в исторических припоминаниях) русскими» (10, с. 59).

Анализируя приведённые материалы, можно сказать, что, несомненно, на берегах Дуная и Балканских горах проживали не просто братья славяне по отношению к северным россам, а, так сказать, «братья-близнецы» из того же рода-племени россов. И не случайно, что дунайцы были одним из вариантов, откуда могли пригласить князя при объединении северных россов и образовании Русского государства. Также не случайно, что даже до XIV века они продолжали считаться русскими, то есть россами. Итак, дунайские территории входили в общее государство славян и были организационно неотделимы от северных россов.

Отдельно рассмотрим область расселения даков, которая также входила во вторую территорию (дунайских россов). Первоначально территория дунайских россов была просто южной окраиной огромного государства славян. Однако, видимо, в связи с ухудшением климатических условий в Скифии и оттока её населения в лесную полосу к россам, происходит постепенная изоляция второй (дунайской) территории. И это автономное существование завершилось, возможно, с завоеванием Дакии римлянами и присоединением её к Римской империи, а сами даки были, видимо, из племени россов. Затем,

после включения Дакии в Римскую империю, она подверглась сильной романизации и утратила ярко выраженные северославянские черты.

Поморские россы. Исключительная близость поморских славян (поморских россов) с новгородскими словенами давно доказана. Однако то, что поморские славяне являются такими же россами, как и славяне Новгородской и Ростовской земель, факт в исторической науке далеко не установленный, хотя в летописях есть прямое указание на это. В ПВЛ за 862 г. говорится: «И идоша за море къ варягомъ, к руси. Сице бо ся зваху тьи варязи русь... Рѣша русь, чудь, словѣни, и кривичи и вси...» То есть прямо сказано, что к варягам руси [россам] пришли северные племена, среди которых также были россы. Отмечу неточность перевода этой фразы в работе (8). Переведено: «И пошли за море к варягам, к руси... Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь». То есть в данном переводе говорится, что к варяжской руси обращались только чудь, словене, кривичи и весь. А на самом деле к варяжской руси обращалась также и русь, пришедшая с чудью, словенами, кривичами и весью. **Поэтому правильным переводом будет: «И пошли за море к варягам, к руси... Сказала русь, чудь, словене, кривичи и весь». И это исправление в корне меняет дело! По предложенному в работе (8, с. 149) переводу русь помещается только у варягов, к которым пришла делегация северных племён. И это позволяет объяснять происхождение наименования «Русь» от варягов – руси. А в исправленном переводе к варяжской руси пришла вместе с другими племенами также и русь, живущая в лесной полосе. Тем самым подтверждается местное – от новгородских и ростовских россов – происхождение наименования Русь и Русского государства. И это является исключительно важным выводом.**

То, что наименования Русь и Русская земля появились до призвания Рюрика, также выясняется из летописи. За 852 год (за 10 лет до призвания Рюрика) идёт сообщение: «В год 6360... стала прозываться Русская земля» (8, с. 148). И далее, за тот же год: «...приходила Русь на Царьград...». Также и в Степенной книге (гл. 8, с. 83) говорится: «Иже и прежде Рюрикова пришествія въ Славенскую землю, не худа бяше держава Словенскаго языка...»

Из приведённого летописного текста о делегации северных племён к варягам руси, с учётом исправленного перевода, кроме того, документально доказывается принятое нами положение о северных россах (славянах Новгородской и Ростовской земель) и поморских россах (поморских славян). Н.М. Карамзин приводит свидетельство географа Равенского, жившего в VII веке: «близ моря, где впадает в него река Висла есть отечество роксолан» (5, гл. II, с. 30), то есть земля племени россов. Снова подтверждение росского происхождения поморских славян. В качестве ещё одного аргумента приведём гидронимы и топонимы с корнем рос/рус: озеро Рось – в Северо-Восточной Польше; город и река Русса – приток Немана; Русна – восточный рукав Немана и окружающие её населённые пункты – Русси, Русснейтен, Варусс, Россентен, Россиене (6, с. 110).

В заключение следует сказать, что территория поморских россов когда-то входила в состав огромной славянской страны вандалов-венедов, была её западным форпостом.

Рассмотрим подробнее сведения материальной и духовной культуры, свидетельствующие об этнической общности населения рассматриваемых трёх территорий, которая замечается даже из летописных данных. Многие исследователи отмечают близость и взаимные связи славянского населения,

обозначенного в статье, как северные и дунайские россы. П.Н. Третьяков писал, что исторические данные, топонимика, материалы языка и фольклор свидетельствуют о существовании связей между населением восточной части полуострова, вошедшим в состав болгарского народа, и восточным славянством (13, с. 195–196). В.А. Городцов, исследуя религиозные элементы в русском народном творчестве, сделал ряд очень важных выводов о совпадении иконографии даков с иконографией северно-русского шитья. На территории Дакии было найдено свыше ста языческих образков с религиозными сценами, центральное место в которых занимает женщина – великая богиня, а по обе стороны от неё расположены два бога, сидящих верхом на конях. В.А. Городцов отмечает, что иконографическая трактовка этой троицы часто даже в мельчайших деталях соответствует иконографии аналогичной троицы в северно-русском шитье. Далее он пишет, что символические животные, сопровождающие дакийскую троицу, почти точно совпадают с символами иконографии шитья (2, с. 28–30). Проведя глубокий и точный анализ, В.А. Городцов, на мой взгляд, делает неверный вывод о вторичности иконографии северно-русского шитья по отношению к дакийской. Не было никакого восприятия элементов дакийской религиозной иконографии русским народным творчеством по той причине, что возникновение этих элементов было одновременным (или первичным на севере России, поскольку первоначальное расселение славян-россов, видимо, было именно там), так как эти территории – и северная лесная полоса, и дакийская входили в состав огромного славянского государства. Однако, используя очень важные соответствия и аналогии, выявленные В.А. Городцовым, можно сделать вывод о большой близости населения древней Дакии (дунайские россы) и населения лесной полосы (северные россы). Фактически становится ясным и давний вопрос о генезисе даков. Это славянское племя россов, близкородственное северным россам.

М.И. Артамонов отмечает, что, видимо, часть дакийских племён находится в таком же отношении к славянам, как и лугии (1, с. 5). Тем самым он подтверждает близость населения трёх территорий россов, поскольку общеизвестно, что лугии – прямые предки поморских славян или, как было показано выше, поморских россов.

Большое количество материалов свидетельствует об особой близости северных и поморских россов. В работе (11, с. 8, 66) В.В. Седов отмечает, что ближайшие аналогии черепам раннесредневековых славян Новгородской и Псковской земель обнаруживаются в землях балтийских славян, и делает вывод, что Новгородские словене и балтийские славяне восходят к единому краниологическому типу узколиких мезо-суббрахикефалов. К рассматриваемому антропологическому типу принадлежат и черепа из курганов Ярославского и Костромского Поволжья.

Итак, из антропологических материалов следует особая близость населения Новгородской и Ростовской (Ярославское и Костромское Поволжье) земель с поморскими славянами, то есть северных и поморских россов.

Анализируя керамику Новгородских сопок, В.В. Седов пишет, что сосуды биконических и ребристых форм составляли характерную особенность культуры балтийских славян междуречья Нижней Вислы и Эльбы, и что керамика ильменских славян и глиняная посуда балтийских славян, предположительно, имели одну основу. Далее он делает вывод о возможности выхода этих отдалённых группировок из одного древнего региона славянства (с. 64).

Затем В.В. Седов приводит мнение исследователей о близости религиозных воззрений, преданий, некоторых обычаев, а также географической номенклатуры новгородских словен и поморских славян. Установлено сходство в домостроительстве Новгородского и Польско-Поморского регионов, а также в оборонном строительстве (Новгородский вал XI в. и вал Новгородского детинца по конструкции имеют параллели среди военно-защитных сооружений полабских славян) (с. 66).

Рассмотрим топонимические параллели, которые свидетельствуют о языковом родстве северных и поморских россов. В работе (6) приводятся топонимы с корнем «нер»: Нерич (литовское название рек Велии); Нер, Ниерзига – река и коса в устье Вислы; Нера, Невринга – река и населённый пункт в Карпатских горах (с. 29). Для сравнения добавлю: Неро – озеро, Нерль – река в Ярославской области; Нерехта – река и город в Костромской области и т.д.

Приведённых выше материалов достаточно, чтобы утверждать о близком генетическом родстве северных и поморских россов.

Оценивая изложенные материалы, можно сказать, что они подтверждают корректность выдвинутого положения о трёх территориях россов, а также свидетельствуют о близком генетическом родстве населения этих территорий (для северных и дунайских россов по крайней мере до римских завоеваний, а для северных и поморских россов – по меньшей мере до IX века), характеризуя их не просто как братьев славян, а братьев – «близнецов» славян. Переселение россов на Дунай и Балканы, а также в междуречье Эльбы, Вислы и Одры, отмеченное и в летописях, вполне возможно, шло по проторенным путям, поскольку замечена близость и более ранних археологических культур, например, фатьяновской и висло-неманской.

Установленное близкое родство трёх русских территорий позволяет по-новому взглянуть на некоторые факты истории. Например, вторжение роксоланов в Мезию можно рассматривать как попытку восстановить утраченные, исконно русские территории. Или переселение славян на Балканский полуостров уже в более позднее время, о чём писал Константин Багрянородный, что вся провинция ослабилась и сделалась варварской. Эти «вторжения» также можно понимать по-другому, а именно как переселение на родину предков, когда-то утраченную, как память об огромном славянском государстве, в которое входили все эти территории. Недаром Святослав называл дунайские земли серединой своей земли.

Литература

1. Артамонов М.И. Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси. КСИИМК. 1940. Вып. VI.
2. Городцов В.А. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. ТГИМ. 1926, вып. 1.
3. Св. Димитрий митрополит Ростовский. Сочинения. Т. IV. М.: Синодальная тип., 1827.
4. Забелин И.Е. История русской жизни с древнейших времен. Ч. 1. М.: Синодальная тип., 1908.
5. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 1. М.: Книга, 1988.
6. Кобычев В.П. В поисках прародины славян. М.: Наука, 1973.
7. Латышев В.В. Scythika et Caucasica. Известия древних писателей, греческих и латинских о Скифии и Кавказе / Собр. и изд. с рус. пер. В.В. Латышева.

Т. I. Греческие писатели. СПб., 1893-1900. Т. II. Латинские писатели. СПб.: 1904, 1906.

8. Повесть временных лет. СПб: Наука, 1996.

9. Прокопий Кесарийский. Война с готами. М.: АН СССР, 1950.

10. Рыбаков Б.А. Мир истории. Начальные века русской истории. М.: Молодая гвардия, 1987.

11. Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.: Наука, 1982.

12. Страбон. География. М.: Ладомир, 1994.

13. Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. М.: АН СССР, 1953.

14. Ахонтов Ю.А. Летопись славян-россов с древнейших времён до Рюрика. М.: Вече, 2009.

15. Ахонтов Ю.А. Общеславянское государство вандалов. Литературно-исторический журнал «Великоросъ» 2014. №4(14), с. 78-85.

ПОЭЗИЯ

Вячеслав КУПРИЯНОВ

ВЯЧЕСЛАВ КУПРИЯНОВ

Вячеслав Глебович Куприянов – родился 23 декабря 1939 г. в Новосибирске. Учился в Высшем военно-морском училище инженеров оружия в Ленинграде. Окончил переводческий факультет Московского института иностранных языков в 1967 г. Автор книг «Лучшие времена» (2003), «Синий халат Вселенной, или Ваше звероподобие» (2006), «Зарубежная поэзия в переводах Вячеслава Куприянова» (2009), «Бумажная ложь» (2008, 2012), «Ода времени» (2010), «Башимак Эмпедокла» (2013), «Ничто человеческое» (2013) и др. Член Союз писателей России и Сербии, русского ПЕН-центра. Лауреат премии фестиваля поэзии в Гоннезе (Италия, 1986), лауреат Европейской литературной премии (Югославия, 1987), обладатель Македонского литературного жезла (1999), лауреат премии им. Бранко Радичевича (Сербия, 2006), премии министерства образования Австрии (2007), премии «Моравский свиток» (Сербия, 2008), Бунинской премии (2010).

Живёт в Москве.

«Надо в небеса закинуть сеть...»

Русские сказки

Солнце вспыхивает на реснице,
И волнуется море в зрачке.
Всё благое не может не сбыться,
Если добрая сила в руке.

Словно кокон из ясного шёлка,
Ткётся время из яви и див.
Вот царевич садится на волка,
Волку хмурого зверя смилив.

Путь-дорога лежит самобранкой,
Но незримые рыщут враги,
Породнились гадюка с поганкой,
И в потёмках не видно ни зги.

Будешь праведен, утро развеет
Наваждение мрачных чудес,
И ковёр-самолёт подспеет,
С настоящих спустившись небес.

Только вовремя выручи братца,
И невесту от слёз отвлеку,
Как за доброе дело не братья,
Если силы твои велики!

***

О Русь, Россия, Запад и Восток,
Нелёгкое наследье Византии,
То дикий юг уходит из-под ног,
То севером грозят перипетии!

Со стороны тускнеющей зари
Глядит Европа, трезвая, другая,
Как нас ведут на свет поводыри,
Клюкой слепого путь нам пролагая.

Всё так же путь неясен и далёк.
Как избежать бездушного потока?
Прикинуться ли жителем берлог,
Или орлом – внимательное око?

Взойдёт ли озарение в ночи
Над хаосом лукавого эфира?
Забьют ли животворные ключи
Даянием гармонии и мира?

Над пустотой нищающей души,
Когда подьемлем к небу очи наши,
Колеблются вселенские ковши,
Добром и злом нагруженные чаши.

А соловьи вещают про своё
Под свист лихой, где суета и драка.
Жар-птица плачет. Рыщет вороньё.
И солнце поднимается из мрака.

Птица-тройка

Мчится тройка удалая,
Подгоняет злое слово,
Вдоль Кавказа, вдоль Алтая,
Мимо Гоголя, Толстого,

Мимо Пушкина и Блока,
Мимо снега, воя, грома,
Колокольчик одиноко
Бьётся вдалеке от дома.

Белый снег метёт во мраке,
Седоки пощады просят.
А ямщик поёт во фраке:
Русь, куда тебя заносит?

Там, за небом ты святая,
Здесь – ослепшая в метели,
Мчишься, вечно пролетая
Мимо сути, мимо цели.

И ямщик, лихой холерик,
Угадать в метели тщится –
Где, в которой из Америк
Тройка-Русь остепенится?

***

Что мы нынче кличем благом?
О каких победах петь?
Снова хочется варягам
Смутной Русью владеть.

Ход истории изведав,
Вновь дробится русский стан
На дреговичей, венедов,
На радимичей, древлян.

Снова чудятся набеги,
Степь от полчища в пыли.
Половцы и печенеги
Выползли из-под земли.

Неразумные хазары
И расчётливый вестгот
Нам накаркивают кары
И готовятся в поход.

Попирают злые гунны
Свет религий и наук,
В тетиву свивают струны,
Лиру стягивают в лук.

Мы кричим в ответ: – Не надо!
Мы же не идём на вы!
Нам вполне хватает ада
Петербурга и Москвы!

Эфир

Тишина в домашнем мире,
Только гром гремит в эфире,
И из радио-высот
Снег летит и ливень льёт.

Голосят горизонтالي:
Мы восстали! Мы восстали!
Отвечает не попад
Непрерывный звездопад.

Звёзды выбивают SOS:
В небесах такой мороз,
Все мы в инее седом,
Были дымом, стали льдом.

Вы, которые восстали,
Вы бы и до нас достали,
В тёплый нас пустили дом,
А не то мы пропадём.

Упадём в моря земные,
И моря начнут прилив,
И нахлынут на Россию,
Атлантиду обнажив.

Хаос гомонит в эфире.
В бубен бьют, бренчат на лире.
Кто-то против, кто-то за.
Звон в ушах и дым в глаза!

Всё, что сказано, не шутка!
Выключателем – щелчок,
И Вселенная – молчок!
Осторожно спи и чутко:
Ночь темна,
И сон глубок...

Направления

Одни говорят: Налево!
Другие кричат: Направо!
Одни набивают чрево,
другие твердят: Держава!

Одни зовут в Византию,
других за Европу тянет.
Чудная страна Россия,
не ведает, чем она станет.

То сказку сделает былью,
чудовищ пустив по свету,
то ляжет на землю пылью,
зря занимая планету.

Как держит она на шее
свои ненасытные власти,
которым всегда виднее,
куда ей направить страсти!

Её бы ещё пожалели
сопредельные страны,
но отпугивают параллели,
смущают меридианы.

Но самые страшные силы,
что ищут славы и чести, —
её западники и славянофилы,
взятые все вместе!

***

Русь, ты шла на простор,
Ветер неся с собой.
Дует с окрестных гор.
С моря грозит прибой.

С севера тянет льдом,
Юг запасает зной.
Кажется, крепок дом,
Вставший такой ценой.

Кто затаился в лесу?
В городе кто засел?
Держится на весу
Над пропастью наш предел.

Кажется, всё нипочём,
Дремлет народ лихой.
Где же Илья с мечом?
Где Микула с сохой?

Будто в пёстром бреду,
Те, кто вечно в гостях,
У живых на виду
Пляшут на наших костях.

И что-то тонет в душе,
Вписанной в этот край,
То, как Ермак в Иртыше,
То, как в Урале Чапай.

***

Нам приносит свобода
Хаос иного лада,
Дикость иного рода.
Глупость иного ряда.

Иными кичась чинами,
Маску по моде выбрав,
Уже нависает над нами
Личность иных калибров.

Тупость иного типа,
Пошлость иного пола
Щупальцами полипа
Ползут в города и сёла.

Не то, что во время оно,
Во время царя Гороха, —
Всё, что нетрадиционно,
Поддерживает эпоха!

Косность нового века
В бредях своих и дрёмах
Смотрит на человека,
Как на досадный промах.

Сказка о красном шарике

Был у нас шарик красный.
Мы пускали в него дым,
Забыв, что играть опасно
С красным и голубым.

Он отбросил наши ладони,
И дым его прочь понёс,
И запутал в огромной кроне
Клёна, что рядом рос.

Ладони наши горели,
Но делу помочь не могли.
Тогда, чтоб достичь цели,
Мудрецы пилу принесли.

До вечера клён доконали,
Но вовсе он не упал:
За шариком по вертикали
Он ввысь отрываться стал.

Там, где ночью звёзды не спали,
Он долго таял во мгле.
А мы одиноко стояли
С пилой в руках на земле.

***

Европа, конечно, жаль её,
Унес её бык в туман.
Но вот украли Австралию
И положили в карман!

Даже в другом полушарии
Вздуло земную кору,
Когда в кармане зашарили
Коалы и кенгуру.

Разные службы надзора,
От НАТО и до ООН
Не знали такого позора
От сотворенья времён.

Как же к рукам прибрали её?
Это же беспредел!
Сегодня пропала Австралия,
А завтра, глядишь, Марий Эл!

Что же она, навеки
Канула в забвенье?
И даже древние греки
Не увидят её?

О, Азиопа – Евразия,
О, Скагеррак, Каттегат!
Это скандал, безобразия!
Верните её назад!

***

Свежо над морем древнего Гомера,
и до сих пор ещё не пала Троя,
и в Дантов ад заходит наша эра,
и ввысь летит. И здесь передо мною

вновь осень Пушкина, и вновь по всей округе
летит листва в туманный омут Блока,
и в горних высях созревают вьюги,
торопят срок задуматься глубоко,

пока ещё нет бури над заливом,
и птицы не щадят свои свирели,
и девушкам, весёлым и счастливым,
все вымыслы и вздохи надоели...

Лучшие времена

Думали о лучших временах,
Где пройдут уныние и страх,
И в скиту неведомый монах,
И в миру властитель Мономах.

Думали свирепые вожди,
И мечтал доверчивый народ,
Что наступит где-то впереди
Время обретений и свобод.

Думали в пустынях и в лесах
Время в нашу сторону склонить:
Надо только в солнечных часах
Солнце ненадёжное сменить.

И тогда небесные весы
Уравняют Запад и Восток.
Будут нам песочные часы
Золотой отвешивать песок.

Надо лишь пройти путём зерна,
Надо в небеса закинуть сеть.
Ах, какие будут времена!
Вот ещё немного потерпеть.

Мы победили ...

Художники на войне

С первых же дней Великой Отечественной войны, по словам критиков, анализирующих этот период советского изобразительного искусства, художники принимают самое активное участие в борьбе с фашистскими захватчиками. Некоторые художники ушли в действующую армию, другие – в партизанские отряды и народное ополчение, третьи были пропагандистами, устраивали выставки в тылу.

На фронте были и специальные художественные подразделения. Между боями они успевали выпускать газеты, журналы, плакаты, карикатуры...

Одним словом, многие мастера советского изобразительного искусства превратили его в оружие против врага – не менее опасное, чем настоящее.

А.Д. Гончаров, Восточная Пруссия, 1945 г.

Николай Алексеевич Головкин – поэт, эссеист, публицист. Член Союза писателей России. Член Международного клуба православных литераторов «Омилия» (Украина). Родился 4 ноября 1954 года в Ашхабаде (Туркмения) в семье потомственных москвичей. Литературной деятельностью занимается с 1968 года. В 1977 году окончил факультет русской филологии Туркменского государственного университета имени А.М. Горького. Автор книг: «Поэтическое излучение» (стихи, 1994), «Свет в конце тоннеля» (стихи, эссе, рассказы, 1999), «Иванчай. Диалоги о России» (публицистика, эссе, рассказы, 2005), «Февральская лазурь» (стихи, 2010), «Троицкий иконописец» (эссе, рассказы, 2010), «Рябина» (стихи и поэма, 2013).

Живёт в Москве.

Вот так же служил своим творчеством находящемуся в опасности Отечеству выдающийся мастер книжной графики, чьи произведения мне хорошо известны с детства по книгам в домашней библиотеке, живописец, педагог, двоюродный брат моего отца Андрей Дмитриевич Гончаров¹.

Из воспоминаний А.Д. Гончарова о начале войны: «<...>По возвращении из Уфы, где я был главным художником предстоящей декады Башкирского искусства, в самом начале июля 1941 года я был принят на работу в “Службу маскировки Москвы”, учреждение созданное по инициативе московских архитекторов и возглавлявшееся К.С. Алабяном, Мержановым и Николаем Яковлевичем Колли. Среди архитекторов были вкраплены несколько художников – Пётр Вильямс, Николай Пруссаков, Георгий Осипович Рублёв. Я, наравне со всеми, делал макеты московских фабрик, заводов и иных учреждений, раскрашивал эти макеты согласно правил военной маскировки, ездил по этим заводам, давал соответствующие рекомендации и следил за выполнением наших цвето-маскировочных макетных эскизов. Так продолжалось до тех пор, пока не был сбит первый немецкий самолёт из числа тех, что налетали по ночам бомбить Москву. При допросе лётчика было выяснено, что лётчики прилетают бомбить город по квадратам, используя для этого свои ориентиры, а вся наша маскировочная работа не играет никакой роли. “Службу маскировки” стали свёртывать, но я и Георгий Рублёв в ней оставались. В ночь на 15 октября я был назначен дежурным по “Службе”, помещавшейся тогда на Пятницкой улице. Поздно вечером туда позвонил Рублёв и сказал мне, что завтра утром по распоряжению Комитета по делам искусств мы должны быть вывезены, наряду с некоторыми другими художниками из Москвы на периферию – словом должны эвакуироваться<...>»².

В 1941–1945 гг. Андрей Дмитриевич, как скупое гласит его биография в различных справочниках, служит в рядах Советской Армии. Работает выпускающим и художником в журнале «Фронтовой юмор» (издание 3-го Белорусского фронта), а затем главным художником выставки «Политработа в частях 3-го Белорусского фронта». Награждён медалями «За боевые заслуги», «За взятие Кёнигсберга», «За победу над Германией».

Мы рассматриваем работы Андрея Дмитриевича военных лет и беседуем об этом малоизвестном периоде его жизни и творчества с дочерью художника, профессором Московского государственного университета печати имени Ивана Фёдорова, моей троюродной сестрой Натальей Андреевной Гончаровой.

¹ А.Д. Гончаров (1903 – 1979) – живописец, график, театральный художник, мастер книжной ксилографии, педагог, один из учредителей Общества художников-станковистов (ОСТ; 1925 – 1932), профессор Московского полиграфического института (МПИ), член-корреспондент Академии художеств СССР (1973), народный художник РСФСР (1979), лауреат Гутенберговской премии (Лейпциг, 1971), лауреат Государственной премии СССР (1973), награждён дипломом и золотой медалью на Международной выставке искусства и техники в Париже (1937). А.Д. Гончаров создал иллюстрации к произведениям Платона, Эсхила, Петрарки, Сервантеса, Гёте, Мериш, Байрона, Островского, Достоевского, Сухова-Кобылина, Блока, Маяковского, Лорки, Рильке, Вийона, поэтов древнего Китая ...

² Сайт наследников А.Д. Гончарова: <http://www.a-goncharov.ru/>

Художественная летопись Великой Отечественной

Ноябрь 1941 года... Фашисты рвутся к Москве. Тогда-то весьма ограниченным тиражом и вышел первый номер военно-сатирического журнала «Фронтowej юмор».

Он был напечатан в типографии газеты «Гудок», в старом его здании, что в Хлыновском тупике, 8, близ улицы Герцена (ныне – Большая Никитская). Здесь, к слову сказать, перед войной, в 1930-е годы, работали известные писатели, обладающие сатирическим даром, – Ильф, Петров, Булгаков, Катаев, Олеша...

Журнал «Фронтowej юмор», своеобразная художественная летопись Великой Отечественной, регулярно издавался во время войны. Политуправлением Западного, а потом 3-го Белорусского фронта.

Программа изложена в обращении редакции к читателям журнала – бойцам, командирам и политработникам: «Наш журнал, рождённый в суровые дни борьбы с фашистскими захватчиками, призван острым словом и разящим рисунком разоблачать зверское лицо гитлеровских убийц, помогать воинам нашего фронта истреблять всех до единого немецких оккупантов.

«Фронтowej юмор» призван бодрить наших славных воинов, повышать их боевой дух, вселять в них жизнерадостность, смелость и уверенность в победе над фашистскими варварами.

Журнал будет печатать творчество бойцов, командиров и политработников нашего фронта.

Шлите нам фельетоны, частушки, пословицы, поговорки, басни, карикатуры, темы для них».

Первый, нумерованный, выпуск журнала появился в июле 1941 года, затем в первый год войны вышло 4 номера, в 1942 – 17, в 1943 – 12, в 1944 – 12, в 1945 – 6.

Так, 48-й номер «Фронтowej юмора», тиражом 75 000 экземпляров, что многократно превышало первый, вышел в марте 1945 года. Этот номер наши бойцы читали уже на земле Германии.

Инициатор и создатель журнала – Николай Эрнестович Радлов¹. В декабре 1942 года он погиб, придавленный бревном, упавшим во время взрыва бомбы.

Ответственным секретарём и художественным редактором журнала стал Виталий Николаевич Горяев², проработавший в нём до конца войны.

«<...>Рисунки и тексты для журнала, – вспоминал он, – гравировались на дереве и линолеуме, и с них печатался весь тираж в два-три цвета, порой

¹ Н.Э. Радлов (1889–1942) – русский и советский художник, искусствовед, педагог, лауреат Сталинской премии второй степени (1942). Был непревзойдённым мастером шаржей на ленинградских писателей, которые вошли в книгу «Воображаемые портреты» (1933). Иллюстрировал детские книги А.Л. Барто, С.Я. Маршака, С.В. Михалкова, А.М. Волкова. Его «Рассказы в картинках» (1937) были переведены на английский язык и в 1938 году получили премию на Выставке детской книги в Нью-Йорке. В годы Великой Отечественной войны был одним из создателей «Окон ТАСС», создателем журнала «Фронтowej юмор».

² В.Н. Горяев (1910–1982) – советский график-иллюстратор, живописец, карикатурист, народный художник СССР (1981), лауреат Государственной премии СССР (1967).

не только в городских типографиях, но и прямо в поездах, блиндажах. Этот журнал удобного небольшого формата мог уместиться в походной сумке<...>».

Фронтowej рисунки Андрея Гончарова

После освобождения Смоленска редакция журнала «Фронтowej юмор» получила поезд-типографию и разместилась в нём. Сотрудники журнала в этот период – О.Г. Верейский¹, А.Д. Гончаров, Е.Н. Евган². Редакция заказывала рисунки также таким мастерам политической сатиры, как Кукрыниксы, Б.Е. Ефимов³, И.М. Семёнов⁴... Их работы – срочно в номер! – доставлялись в редакцию самолётами.

Кроме злых карикатур на врагов в журнале печатались сделанные с большим мастерством фронтowej зарисовки В.Н. Горяева, О.Г. Верейского, А.Д. Гончарова.

Бойцы очень любили «Фронтowej юмор». На страницах журнала регулярно помещались и их рисунки и юморески, которые они присылали с фронта.

Вот что вспоминает В.Н. Горяев («как бывший студент Вхутеина знал Андрея Дмитриевича и раньше») о первой встрече с А.Д. Гончаровым на фронте: «<...>мне, капитану Горяеву, начальником Политуправления Западного фронта было поручено доставить в расположение редакции журнала «Фронтowej юмор» рядового Гончарова. К этому времени маленький фронтowej журнал стал «полнеть» от числа страниц, тираж резко подскочил, и нужен был выпускающий по штату и художник-карикатурист по

А.Д. Гончаров. «Неравный бой»

¹ О.Г. Верейский (1915 – 1993) – советский художник, книжный график, народный художник СССР (1983), лауреат Государственной премии СССР (1978).

² Е.Н. Евган (1905 – 1948, настоящая фамилия – Рапопорт) – советский художник-карикатурист.

³ Б.Е. Ефимов (настоящая фамилия – Фридлянд; 1900 – 2008) – советский и российский художник-график, мастер политической карикатуры, академик Академии художеств СССР (1975; член-корреспондент 1954), народный художник СССР (1967), Герой Социалистического Труда (1990), Лауреат Государственной премии СССР (1972) и двух Сталинских премий второй степени (1950, 1951). В 1945 году Борис Ефимов в числе других знаменитых советских корреспондентов принял участие в Нюрнбергском процессе. Здесь он впервые воочию увидел многих «героев» своих сатирических рисунков.

⁴ И.М. Семёнов (1906–1982) – советский график, народный художник СССР.

А.Д. Гончаров. «Разведчики»

необходимости — заполнить карикатурами 32 полосы. Я был по штату также секретарь редакции.

По-моему, Андрей Дмитриевич тогда впервые начал рисовать карикатуры, а кончил в День Победы, в кёнигсбергском, последнем номере журнала. Помню, по дороге из военкомата меня поразил необычайного размера вещевой мешок за спиной Андрея Дмитриевича, и формы этот мешок тоже был необычайной — какой-то скорее угловатый, чем округлый. Этот необычный мешок сразу же вызвал удивление и Верейского, и Слободского, и Суркова, но это было до тех пор, пока Гончаров не приступил к выполнению своих обязанностей и не оказался оснащён материалами более, чем кто-либо из нас. Не говоря о красках и бумаге, там были такие необычные вещи, как по-

лированные пальмовые доски и набор инструментов для гравирования.

Но более всего Андрей Дмитриевич меня поразил в городе Хайльсберге. Наши войска только что заняли город, во дворе выделенного для редакции дома лежали трупы немецких солдат, и я должен был мобилизовать оставшееся женское население для их захоронения. Другой группе немецких женщин Верейский передавал для стирки наше бельё. Гончарова же я заметил в окне второго этажа. Он писал ветви расцветающей яблони на фоне пейзажа. Писал масляными красками на холсте. Тайна необычайного мешка была окончательно раскрыта.

Я вспомнил здесь странную экипировку бойца не только для того, чтобы вы могли представить фигуру чуть смешного солдата, а для того, чтобы рассказать, что Андрей Дмитриевич оказался хорошо подготовлен, чтобы во всеоружии встретить необычные, военные условия.

Журнал преобразился от его присутствия, как-то подтянулся и стал приобретать своеобразие стиля. Он до сих пор остаётся лучшим образцом солдатского журнала.

Мы стали заботиться о том, чтобы извлечь из нашей бедности не предполагаемое до этого богатство. Стали подгравировывать цинковые клише, и они стали похожи на гравюру. Легко подтравливали цинковую пластинку, рисовали прямо на ней литографским карандашом и сами травили её, добываясь впечатления автолитографии<...>¹.

¹ В.Н. Горяев. В фарватере надёжного корабля. Статья в каталоге выставки А.Д. Гончарова в Центральном доме художника в 1983 г.

«...“Тёркина” очень ценю...»

В газете их фронта «Красноармейская правда» публиковались по мере написания главы великой поэмы Александра Трифоновича Твардовского «Василий Тёркин» («книга про бойца без начала и конца»), которая сразу же стала невероятно популярной на передовой, была одним из атрибутов фронтовой жизни, в результате чего Твардовский сделался культовым автором военного поколения.

Однажды в редакции газеты «Красноармейская правда» с А.Т. Твардовским встретились В.Н. Горяев и О.Г. Верейский (в дальнейшем появились его известные иллюстрации к «Василию Тёркину»). Их знакомство переросло в дружбу, которая продолжалась многие годы.

А вот что вспоминал об А.Т. Твардовском и его поэме А.Д. Гончаров: «<...>“Тёркина” очень ценю и рад был слышать части “Тёркина”, ещё не до конца доделанные, которые два-три раза в 1945 году автор читал в нашей воинской части сотрудникам “Фронтowego юмора” — части, состоявшей из четырёх человек. Твардовский числился по “Красноармейской правде”, с которой мы двигались на фронте вместе<...>¹.

«...считаю его своим главным учителем...»

Андрей Владимирович Васнецов², внук выдающегося русского художника Виктора Михайловича Васнецова, что предопределило его жизненный путь и профессию, в годы Великой Отечественной, с 1942 по 1945, был в действующей армии. Прошёл в составе 77 отдельного дорожно-эксплуатационного батальона от Курской дуги до Восточной Пруссии. Награждён медалями «За боевые заслуги», «За взятие Кёнигсберга», «За победу над Германией». Эти тяжёлые годы укрепили в нём «то органичное чувство Родины, которое было привито с детства».

В Восточной Пруссии А.В. Васнецов встретился с А.Д. Гончаровым, который стал для него, по мнению самого художника, главным учителем.

Из воспоминаний А.В. Васнецова: «Август 1945 года, город Гумбинен в Восточной Пруссии. В большом доме опустевшего города собраны все, кто хоть в какой-то степени мог считаться художником. В том числе и я. Нам поручено создать выставку “Боевой путь 3-го Белорусского фронта”. Главным художником выставки назначен Андрей Дмитриевич Гончаров, но его пока никто не видел.

Ранним утром я выглянул в окно, когда во двор дома, где мы находились, входил крупный тяжёлый человек в военной фуражке, в гражданском сером пальто и в больших сапогах. Это был Андрей Дмитриевич Гончаров.

¹ Сайт наследников А.Д.Гончарова: <http://www.a-goncharov.ru/>

² А.В. Васнецов (1924–2009) — крупнейший художник-монументалист, создавший большое количество произведений монументального искусства, народный художник России, действительный член Российской Академии Художеств, лауреат Государственной премии, лауреат премии Совета министров, лауреат премии Президента России, профессор Московского полиграфического института (ныне Московский государственный университет печати имени Ивана Фёдорова). С А.Д. Гончаровым их связывала многолетняя дружба. Кроме панно «Мы победили» совместно с А.Д. Гончаровым создано панно «Дружба народов» для Советского павильона на Лейпцигской ярмарке, а в 1958 году вместе с А.Д. Гончаровым и В.Б. Элькониным — большое панно «Москва» для Международной выставки в Брюсселе, которое удостоивается серебряной медали.

А.Д. Гончаров, А.В. Васнецов. «Мы победили», эскиз панно, 1945 г.

С тех пор прошло много лет. Те, кто помнит это время, знают, как в первые месяцы после Победы светло и вольно было на душе, какие были надежды, какие ожидания. Всё казалось прекрасным, и будущее виделось ясным и восхитительным. И хотя потом всё оказалось сложнее и не таким безоблачным, как представлялось, всё же счастлив тот, кто пережил радостную окрылённость этих первых послевоенных месяцев.

Тогдашние настроения, наверное, наложили отпечаток на моё отношение к Андрею Дмитриевичу. Впрочем, под его обаяние трудно было не поддаться и в любое другое время.

Помню, как умно и спокойно организовал он нашу группу, где опытных художников почти не было. Как сумел каждому дать тот участок работы, на котором он был наиболее полезен. С каким энтузиазмом взялись за дело изголодавшиеся по работе вчерашние фронтовики, и как весело и спорно всё шло под руководством Андрея Дмитриевича. Помню наши выезды на этюды, рисование по вечерам с натуры. Как просто и ясно отвечал Гончаров на вопросы, объяснял проблемы искусства, о которых я, да и не только я, не имел до тех пор почти никакого понятия. Он говорил об искусстве увлекательно, но при этом дельно и образно и всегда уважительно к автору, кем бы тот ни был. А говорил он не о простых вещах: о форме, пространстве, ритмах, о взаимоотношении предмета и пространства и о многом другом. От него я тогда узнал многое о Фаворском, Петрове-Водкине, Сарьяне, Павле Кузнецове, Истомине, о которых раньше имел очень смутное представление или вообще ничего не слышал. Можно сказать, что именно тогда у Андрея Дмитриевича Гончарова начал я своё художественное образование и с тех пор считаю его своим главным учителем¹.

¹ А.В. Васнецов. Мой учитель Андрей Дмитриевич Гончаров. Статья в каталоге выставки А.Д.Гончарова в Центральном доме художника в 1983 г.

Не теряли задора и чувства юмора ...

Завершилась Великая Отечественная ... Мы победили. Именно так назвали своё панно, написанное в 1945-м в Бобруйске для выставки «Политработа в войсках Западного – 3-го Белорусского фронта», А.Д. Гончаров и А.В. Васнецов.

Вот что писала об этой работе в октябре 1945 года газета «Красноармейская правда»: «<...>Покидая выставку, вы невольно останавливаетесь перед огромной картиной «Мы победили», изображающей один из моментов парада Победы в Москве. Это момент, когда советские воины бросают знамёна гитлеровских полчищ на мостовую перед мавзолеем<...>»¹.

...Да, Сатира и Юмор, как образно отмечал один из критиков, «мобилизованные в первые же дни войны, прошли с советскими воинами весь тяжёлый и длинный военный путь, помогая своим вдохновенным, ярким искусством поднять настроение бойцов, вселить в них бодрость, неугасимую веру в Победу».

По словам Н.А. Гончаровой, из полусотни номеров журнала «Фронт-вой юмор» сохранились лишь несколько. Эти выпуски, как и фронтовые работы Андрея Дмитриевича, других мастеров политической сатиры – ценное документальное свидетельство того, что даже в самое суровое время люди не теряли задора и чувства юмора. Вот благодаря такой силе духа мы и победили.

Фотографии из семейного архива Н.А. Гончаровой

А.Д. Гончаров, 1945 г.

¹ «Красноармейская правда», 24 октября 1945 г., № 247 (7452)

Светлана Борисовна Горошилова – родилась в Заполярье на Полярной станции. По образованию – технарь, по складу души – поэт. Автор двух поэтических книг «Верю» и «Полёта память». Победитель конкурсов «О чести, доблести и славе» (2002) и «Русь Православная» (2013). Член Союза писателей России. Художник. Член Международного Художественного Фонда и Международной Федерации Акварелистов.

Живёт в Москве.

Светлана
ГОРОШИЛОВА

«Не дай забыть, Россия...»

Я не знала войны

Я не знала войны.
Отчего же пронзительно больно?
Почему не проходит
щемящее чувство вины?
Мои мысли и взгляд
устремляются в небо невольно,
там, где души солдат,
не вернувшихся с прошлой войны.
Как хотели они
видеть Родину мирной, красивой
и в жестоких боях
отстояли её, сберегли...
Вы простите, солдаты,
нас, живущих сегодня в России,
что границы её
мы без вас сохранить не смогли.

Боль и надежда

Допьяна напоены бедой,
спят в полях российские печали.
Только мы от этого с тобой
ни сплочённой, ни мудрей не стали.

Лишь растёт и полнится в душе
боль, не растворённая слезами,
видя, как глумится в кураже
нечисть пустоглазая пред нами.

С искреннею верой помолюсь,
для надежды пост с молитвой кстаги.
Испокон веков Святая Русь
знала чудо Божьей благодати.

Ей и святость даровал Господь,
что в терпенье беды выносила.
Коль души не унижает плоть,
ВЫСОТОЮ ДУХА КРЕПНЕТ СИЛА!

Митька

(из детских воспоминаний)

За крайней улицей, где жили мы,
проезжая дорога, дальше поле
со всякими следами от войны.
Что нужно для игры? Конечно, воля.

Фантазии творили кто как мог –
здесь пулемёт сражался или пушка.
Простреленная каска был предлог
и даже вилка/ложка-раскладушка.

В игре любой мальчишка был герой
(немногий год со дня победы минул).
Патроны находили мы порой
и гильзы, и нашли однажды мину.

Ах, любопытство детских, зорких глаз.
Ждала она, лежащая в воронке.
А Митька наш окончил первый класс,
не мог он, командир, стоять в сторонке.

Кого-то вдруг позвали на обед
(осознанный потом как день рождения)
и «опытный» мальчишеский совет
оставил на потом своё решенье.

А Митька за победой поспешал,
знал – мир возможен после боя только...
Рванулась в небо детская душа,
за ней другая – наш «разведчик» Колька...

...Живу я в той же, но другой стране,
где всё иное: игры, фильмы, книжки.
Но в День Победы горестно вдвойне,
что вы взаправду гибли на войне,
непобедимые мои мальчишки.

Не дай забыть, Россия

Не дай забыть, Россия, нам твоих побед в борьбе с врагами.
Дай мудрости твоим сынам гордиться русскими корнями.

И над открытостью души не позволяй нигде глумиться,
И в лжесвободе не спеши заокеанскую рядиться.

Просторы наши и леса одних кровей с тобой и с нами.
Нам светят наши небеса, и как нам жить, решим мы сами.

Знай, словоблудам и вора
не воспитать нас по-другому.
Нельзя терять, родные, нам
дорог к родительскому дому!

ПОЭЗИЯ

Юрий КОЛОДНИЙ

Юрий Николаевич Колодний – родился 16 мая 1958 года в станице Калининской (Поповичевской) Калининского района Краснодарского края. Окончил два факультета Военномедицинской академии (Санкт-Петербург). Автор четырнадцати поэтических книг и многочисленных публикаций. Имеет общественные награды. Член Союза писателей России и Международного сообщества писательских союзов. Член Высшего творческого совета МОО Союза писателей России. Член-корреспондент Академии Российской словесности. Член региональной общественной организации «Кубанское землячество» в городе Москве.

Живёт в городе Одинцово Московской области.
Персональный сайт – <http://www.kolodnij.narod.ru>

Молюсь за Русь!..

Дума казака

Итог страданий – сердца плач...
На крест могильный, как палач,
Сел ворон, смотрит свысока,
На боль и муку казака.
В открытом поле за рекой,
Где дуб заветный вековой,
Не обрела душа покой...
О чём грустишь, казак лихой?
О доме и о злой судьбе,
О вечной памяти в мольбе?
Как голос совести поднять
И скорбь безмерную унять?
Увидеть свет былых времён
Среди регалий и знамён?
И беды всей душой принять –
За Русь святую постоять!

Четвёртый Кубанский эскадрон

Волей собрана держава.
Кровью полита земля.
За рекой шумит дубрава
И волнуются поля.

Но крепка святая вера
На казачьем берегу.
В силе духа – свет бессмертья,
И пощады нет врагу.

Под Москвой живой преградой
Эскадрон стоял в бою.
И представлен был к награде –
Светлой памяти в раю.

И за Русь на поле брани
Эскадрон погиб в бою.
Сыновья святой Кубани
Навсегда в живом строю.

Могила Неизвестного Солдата

Неизвестная могила –
Материнская печаль.
Серым облаком застыла
Растревоженная даль.

Над курганом плач берёзы,
Недосказанная грусть.
Спит душа, пылают грёзы:
«Мама, мама... я вернусь!?»

Сердцем слышится родное –
Голос сына: «...Я клянусь!».
Неизвестное, степное:
«Он закрыл собою Русь!».

Слёзный дождь омыл иконы,
От беды намокла шаль.
И уносит ветер стоны
В растревоженную даль.

Казачья честь

Пронесётся время над моей страной.
Бросит жизни семя, окропит виной.
Разгорится пламя огненной зарёй.
Водрузится знамя – совесть над землёй.

Годы наши святы славою веков,
Верую объята души казаков.
И не надо лести – грома над судьбой.
Казаку без чести – как без правды бой.

Учитель

*Дорогим учителям –
Виталию Павловичу Попкову,
Раисе Емельяновне Попковой*

И «только Победа, и только вперёд!»¹ –
Учил нас Учитель любить свой народ.
Достоин пройти повороты судьбы
Над пропастью бездны, сквозь годы борьбы.
И в шторм, и в ненастье, сквозь слёзы мольбы
Проявится счастье в разломах судьбы.
Седая волна вдруг нагонит печаль,
И свет отразит бесконечную даль...
Запомните, завтра ваш будет черёд,
Но... только Победа и только вперёд!

У фресок Дионисия

*«И Слово стало плотью»
(Ин 1:14)*

Бездонное слово душевного вздоха
Сокрыто мазком дерзновенного ока.
Где в образе духа, любви и свободы
Открыты пред взором небесные своды.
И «Слово плоть бысть» переполнено светом,
В беседе ума сердце жаждет ответа.
Сквозь тайну веков и скрижали завета
Откроется вечность за линией цвета.
И сердце потянется к жизни и крову
От мысли веков к воплощённому слову.
И каждый был зван, но не каждый услышал...
Кто слышит душой, тот и будет возвышен.

¹ Первая строка взята из письма Виталия Павловича Попкова, Учителя с большой буквы, участника Великой Отечественной войны, боёв на Малой Земле, за освобождение Кубани в составе легендарной 165-й отдельной стрелковой бригады.

«Vir, Est, Vis»¹

*Посвящается
выпускникам Военно-медицинской академии
им. С.М. Кирова (Ленинград) – 1982 г.*

Не надо оправданий, дежурных пышных фраз.
Мир соткан из страданий и вечных парафраз.
Из теплоты мечтаний и холода утрат,
Душевных состраданий и внутренних преград.

Среди былых преданий – озёра чистых глаз.
И вечер ожиданий ведёт живой рассказ.
В ночи земных свиданий на всех одна звезда.
Не надо оправданий, вторят судьбы года.
Слезой размыты краски. Звездой манит высь.
Вершины – это сказки, где Эхо – наша жизнь.
Сквозь время и пространство спешим мы, как всегда,
И душ живых убранство – ушедшие года.
Как часто не хватает в безмолвии столиц:
Друзей, воспоминаний, улыбок добрых лиц.

Молюсь за Русь!

Молюсь за Русь в святом просторе...
Молюсь о всех, кто слаб, кто в горе.
Молюсь о душах убиенных,
Молюсь за вас – свет незабвенных.
Молюсь за всех в любви и боли,
Кто пал за Русь на бранном поле.
Молюсь с надеждой и мечтою,
Смирением сердцем, всей душою.

¹ Было, Есть, Будет

70 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Василий КУЗНЕЦОВ

Редакция журнала «Великороссь»
поздравляет Василия Кузнецова
с 80-летием!

Сердце матери

Есть прекраснейшее существо на свете, у которого мы всегда в неоплатном долгу. Это мать.

Николай Островский

Василий Фёдорович Кузнецов – родился 8 марта 1935 г. в деревне Елизаветино Староюрьевского района Тамбовской области. Полковник в отставке. Ветеран Вооружённых Сил СССР. Награждён орденами «Красной Звезды», «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» и другими правительственными наградами. Член литературного объединения имени Ф. Шкулёва (г. Видное Московской области). Живёт в Москве.

История, которую я хочу поведать, произошла давно, но оставила неизгладимый след в моей памяти. Каждый год 8 марта и в День Победы я вспоминаю Елену Захаровну, женщину-мать, пережившую все ужасы войны, потерявшую в ней мужа и сына. А вспоминаю вот почему.

После окончания Тамбовского Краснознамённого военного училища в 1954 году я был направлен для прохождения службы в войсковую часть города Курска. Командир части встретил меня приветливо, рассказал об условиях и особенностях службы в части, посоветовал, на что обратить внимание при работе с личным составом, так как мне предстояло командовать взводом, состоящим из солдат и сержантов девяти национальностей. Русским во взводе был только я. Далее командир сказал:

– Условия для службы нормальные, а вот с жильём для офицеров – не очень хорошо. Гостилицы в военном гарнизоне нет. Придётся искать место для проживания у местных жителей.

Посоветовал пообщаться с молодыми офицерами, которые помогут решить эту проблему, и даже назвал две фамилии офицеров и где с ними можно встретиться. Такая встреча состоялась: Иван Ушаков и Евгений Потапов порекомендовали обратиться к одной пожилой женщине, проживающей по адресу: Выгонная, дом 55. Улица эта была рядом с военным городком. Я тут же направился по указанному адресу.

Меня встретила женщина тихая, неторопливая, чуть-чуть сторбленная, с белыми, словно осыпанными мукой волосами, и очень тихо произнесла: «Здравствуйте, меня зовут Елена Захаровна».

Я тоже представился и рассказал, что меня к ней привело. Мне показалось, что она даже обрадовалась моей просьбе, тут же согласилась, как она выразилась, «принютить» меня в своём доме и продолжила:

– Места в доме хватит, только койки лишней нет, не могли бы вы где-то достать койку и не согласитесь платить ежемесячно по 500 рублей за проживание и трёхразовое питание, которое буду вам готовить?

Я согласился. Солдатскую койку, матрац и подушку мне выдали в части, а постельными принадлежностями нас обеспечили в военном училище при выпуске. Вечером этого же дня я начал обустраиваться на новом месте жительства.

После первого ужина, приготовленного Еленой Захаровной, я услышал неспешный, волнительный, за душу берущий её рассказ:

– После долгих скитаний по частным квартирам, нам выделили земельный участок, и мы с мужем и сыном построили небольшой деревянный домик, посадили несколько яблонь. Началась война. Муж на второй день ушёл на фронт. Через месяц пришла страшная «похоронка». Всё вдруг померкло для меня. Но беда не приходит одна, через полгода забрали в армию и сына. Провожая сына на войну, я украдкой смахнула непрошенную слезу и прошептала: «отомсти за отца, а я тебя буду ждать». Не успела оправиться от этих потрясений, как на мою голову выпало новое испытание. Во время оккупации Курска фашисты меня чуть не расстреляли, поставив к стенке, за отказ накормить немецких солдат. А мне и самой нечего было есть. Спасла соседка, она обещала выполнить приказ немцев, и они меня отпустили. А в начале 1944 года пришло извещение о том, что мой сын пропал без вести. Я и тогда не верила, и сейчас не верю, что сына нет в живых. И какой уже год я каждый день заглядываю в почтовый ящик и с нетерпением жду почтальона, и спрашиваю, нет ли весточки от моего Максима?

Я прожил у Елены Захаровны два года. И она действительно ежедневно встречала почтальона в надежде получить хоть какую-то весточку о сыне. Она ждала и ждала...

Однажды утром она зашла ко мне в комнату и попросила записать приснившийся и запомнившийся ей номер полевой почты, где, по её убеждению, служил сын – Ломако Максим Николаевич. Елена Захаровна попросила меня написать письмо командиру этой воинской части с просьбой ответить на волнующий её вопрос. Я попытался как-то ей объяснить, что время после извещения прошло очень много, что если бы сын был жив, то он непременно дал бы о себе знать. Но она вновь заговорила:

– А может, он попал в плен, и ему не дают возможности сообщить о себе. А может быть, он в боях получил такое увечье, сообщением о котором не хочет беспокоить сердце матери? У меня тоже есть много сомнений, а материнское сердце – всё своё: живой он.

После уговоров я написал письмо по приснившемуся Елене Захаровне адресу. Она с ещё большим волнением и нетерпением стала ждать весточки теперь уже от командира части. И что удивительно, где-то через месяц приходит ответ на наше письмо!

Получив из рук почтальона долгожданную весточку, Елена Захаровна не стала вскрывать письмо, а дождалась, когда я приду с работы и прочитаю ей ответ. Надо было видеть, как беспокойство, надежда, нетерпение и тихая радость проявлялись в каждом её жесте, движении, походке, голосе, как кровь приливалась к её лицу. Когда я читал это письмо, лицо её было задумчивое, все

её мысли были о чём-то своём. На щеках появлялись слезинки, которые она тихо смахивала платком и вся превращалась в слух.

Ответ был кратким: «Уважаемая Елена Захаровна! Ваш сын Ломако Максим Николаевич действительно служил в нашей части. О дальнейшей его судьбе нам ничего не известно. С уважением командир в/части». Я не стал искать подтверждения правдивости этих строк. Мне почему-то показалось, что командир части, чтобы не ранить лишним раз сердце матери, отделался краткой отпиской.

А Елена Захаровна вновь с той же уверенностью в правоте своего мнения стала каждый день встречать почтальона и заглядывать в почтовый ящик.

После службы в Группе советских войск в Германии и окончания Военно-политической академии в 1965 году я был вновь направлен в Курск, в ту же войсковую часть, только теперь уже на другую должность. К этому времени я уже был женат и имел двух детей. При приезде в войсковую часть получил квартиру.

Меня заинтересовал вопрос: жива ли Елена Захаровна? Я решил навестить её. Когда подошёл к её домику, увидел на двери замок. Решил прояснить судьбу Елены Захаровны у соседей. Соседи меня узнали, и на мой вопрос «Что стало с Еленой Захаровной, жива ли она?» – ответили:

– Умерла она. В доме её сейчас живут другие люди.

– А знали ли вы о желании Елены Захаровны дождаться весточки о сыне?

– Знали. И не только мы. Знала вся улица. Елена Захаровна умерла, но так и не смирилась с мыслью, что её сына нет в живых.

Я подумал тогда: так любить своего ребёнка, так мучительно долго ждать, надеяться и быть уверенной, что её сын жив может только МАТЬ!

О матери написано много поэтических и прозаических произведений. Сейчас мне хочется привести здесь стихотворение одного моего знакомого поэта – Владимира Родионова.

Всегда со мной

*Всё чаще маму вспоминаю...
Что нашей памяти года?!
Я до сих пор по ней скучаю
И не забуду никогда.*

*Зимой морозной и весною
Мне дарит и тепло, и свет!
Она жива, она со мною,
Хранит в пути от гроз и бед.*

*С дней самых первых от рожденья
И вот до этих лет и дней,
Я жил с её благословенья
И лучшее всё видел в ней.*

*Иду по веку я упрямо
Среди исхоженных дорог.
С небес в лицо мне смотрит мама,
А выше мамы – только Бог!*

Пётр ГУЛДЕДАВА

Пётр Георгиевич Гулдедава – член Союза писателей России и Академии российской литературы, лауреат Всероссийского фестиваля патриотической поэзии «Фортост» (2014) и ряда премий Московской городской организации Союза писателей России.

Живёт в Москве.

«Я хотел бы забыть о войне...»

Воспоминания о невиденном

Вижу я до сих пор, как во сне:
заливается, будто бы летом,
светом молний и маковым цветом –
подмосковный ноябрьский снег.

«Крестокрылые грифы» кружат,
от разрывов заходит сердце,
и лежат на снегу ополченцы,
трёхлинейки неловко прижав.

Я хотел бы забыть о войне,
но война не прощается с нами:
то фантомною памятью в шраме,
то портретом отца на стене.

Портрет

Моложавый, матёрый мужчина,
мощный лоб прорезает морщина –
сорок шесть оборвавшихся лет
сохраняет печальный портрет.

Строго смотрит отец со стены
взглядом воина страшной войны,
и суровому облику в тон –
слуги горца: кинжал и ритон.

Вожаком родового гнезда
я полвека лечу сквозь года,
но, встречаясь глазами с отцом,
становлюсь одиноким птенцом.

Парад Победы

Играют солнечные блики,
но день темнеет для меня,
когда кладу я три гвоздики
на камень Вечного Огня.

Сложившим головы когда-то
по перекрёсткам фронтовым,
я приношу цветы солдатам
нечётным счётом, как живым.

Стою на тёмном полустанке,
а мимо, в лязге колесниц,
летят в Бессмертье пушки, танки
и вереницы светлых лиц.

***

Снова Украину хлещет плетью
свора сосунков – «сверхчеловеков»,
и скатился в прошлое столетье
хлебный край поэтов и генсеков.

Видно, ведать не хотели внуки,
как стонала под фашистом «нэнька»,
как спасали родину от муки
дед Ковпак и маршал Тимошенко.

Коль Европа посулила манну,
а потом и зонтик НАТО вскоре,
стало им теперь «по барабану»,
что там «снится крейсеру “Авроре”».

«Оппоненты»

Возмущаемся, спорим,
ругаемся до посинения:
как в короткие сроки
себя и державу спасти?
Критикуем друг друга,
пытаясь подвергнуть сомнению
чей-то выбор дороги
к намеченной цели пути.
Как её ни браним,
обращая лицо к «забугорью»,
нам родная земля,
по любому, всегда дорога,
и пускай она нынче
больна иноземною «корью»,
мы любому врагу
за неё обломаем рога.

***

Ровесников войны осталось мало,
но ангелов тех лет – не перечесть.
Живая совесть в душах не дремала,
и не случайным было слово «честь».

И даже дети – тоже «воевали»,
хотя никто о том не ведал сам:
их фото придавали на привале
достоинства и мужества отцам.

Ровесников войны осталось мало,
а старый враг вынашивает месть:
сегодня в душах что-то поломалось,
и ложь витает, как благая весть.

Но, как бы о войне ни лгали люто,
мне не забыть до смертного венца
весенний гром победного салюта
и запах «Шипра» на щеке отца.

Тамара Павловна Лисицкая – член Союза писателей России и Академии российской литературы. По образованию – юрист, по призванию – библиотечный работник. В настоящее время на пенсии. Автор поэтических сборников и многочисленных публикаций в альманахах и газетах. Лауреат нескольких поэтических и общественных премий.

Живёт в Москве.

«Трудно пришлось поколению нашему...»

**Защитникам
Брестской крепости**

Бойцы стояли насмерть,
пока могли стоять,
Святое это дело –
отчизну защищать.
Им крепостные камни –
последняя постель.
Тупа и беспощадна
свинцовая метель.
Солдатушки! Ребятки!
Вы выполнили долг.
Вы жизнями закрыли
отеческий порог,
О вас война споткнулась,
замедлив свой разбег...
Вам – слава, а фашистам –
проклятие навек.

Материнское горе

Много на свете подобных историй,
Крестной моей неизбывное горе,
Злая война подкосила росточек,
Юным навеки остался сыночек.

Чья-то земля его прах поглотила,
 Спит со товарищи в братской могиле...
 Вырос, кровиночка, добрым и смелым,
 В жизни короткой грехов не наделал,
 На небе, может быть, доля получше,
 Может, приют его – райские кущи?..
 Слёзы и скорбь не кончаются вечно,
 В церкви горят поминальные свечи,
 За молодых, не вернувшихся с битвы
 К Богу возносит старушка молитвы.
 Каждую ночь снится матери снова
 Шумный перрон с уходящим вагоном
 И юный голос, единственный самый:
 «Только не плачь, я вернусь к тебе, мама!»

Рассказ фронтовика

*Уткину И.Е., ветерану Великой
 Отечественной войны, жителю Царицына*

Трудно пришлось поколению нашему –
 Юность огнём опалила война,
 Годы суровые, годы те страшные,
 Словно кошмары приходят во снах.

Эх, нележки фронтовые дорожки:
 В мокрых окопах зимой замерзал,
 В землю вжимался во время бомбёжки,
 Яро фашистов огнём поливал.

Так получилось, служил я в пехоте...
 Много безусых юнцов полегло
 На непривычной и страшной работе.
 Мне же, считайте, тогда повезло.

Тяжко был ранен я, среди убитых
 Долго лежал, после боя нашли,
 В госпитале, до отказа забитом,
 Нogu гангренную чудом спасли.

Длинными были смертельные тропы,
 Снова на разных фронтах воевал,
 И до Победы я через Европу
 На перебитых ногах дошагал!

Земля

Земля – планета голубая,
 В Галактике одна такая,
 Пристанище раздоров бурных
 Творений Бога неразумных,
 Солдатской кровушкой полита,
 Слезами вдовьими омыта.
 Ей разрывают тело мины,
 Прессуют танки и машины,
 И кирзачами попирают...
 Уничтожают! Уничтожают!..

Родимая, пощады просит,
 А всё цветёт и плодоносит...
 Ужель не мучает сомнение –
 Надолго ль хватит ей терпенья?

Марина Владимировна Новикова – родилась 24 июня 1984 г. в Москве. Окончила Государственный университет управления по специальностям «национальная экономика» в 2006 г., «юриспруденция» – в 2012 г. Автор книг «Волны ржи» (2007 г.) и «Малиновый звон» (2012 г.). Член Союза писателей-переводчиков и Союза писателей России. Печаталась в альманахе «Протуберанцы», журналах «Юность», «Российский колокол», «Смена», газетах «Сокол» и «Московский литератор». Награждена дипломами имени Ф.И. Тютчева, Н.М. Рубцова и др., медалями имени А.С. Грибоедова, М.Ю. Лермонтова и др., орденом «В.В. Маяковский», наградным знаком «Серебряный крест». Лауреат литературного конкурса «Лучшая книга 2008-2011 гг.».

Живёт в Москве.

«Их подвиги не канут в Лету...»

Бессмертный полк

Чрез поколения шагают
Войны далёкой имена,
И солнце в орденах играет,
И гордость в сердце разжигает –
Их будет помнить вся страна.

И в майский тёплый день встречает
Людей Поклонная гора,
В лазурном небе засверкают –
Будто штандарты замелькают –
Салюты в эти вечера.

В георгиевских лентах тает
Печаль победных этих дней,
И над Москвою воссияет –
Крестом Господним осеняя –
Победный залп из всех огней.

Идут полки, в руках портреты –
Вот чей-то прадед, чей-то дед,
Их подвиги не канут в Лету,
И по всему несётся свету
Далёким эхом гром побед.

Все вспоминают сорок пятый,
А кто моложе – говорят:
«Нет, не застал я эту дату,
Но среди всех, среди ребят,
Солдатский подвиг будет святым,
И кто – в пехоте, кто – крылатый,
Для всех герой один – солдат».

Тальяночка

Рассеялась дымка над лесом,
Тальяночка вновь в тишине –
Из зелени кругом завеса –
Поёт о солдатской судьбе.

И полк тебя в молчаньи слушал,
А музыка – девятый вал –
Так попадала прямо в душу –
Не каждый снайпер попадал.

С тобой освобождали сёла,
С тобою брали города,
С тобой тоска была весёлой,
С тобою пела вся страна.

С тобой полки шли по просторам,
С тобой – уж не хватит мне строк –
Все пели нестройным, но хором,
Везде, где ступал их сапог.

И ты прошла по всем дорогам,
И твоя доля нелегка,
Но ты споёшь ещё о многом,
Играй, тальянка, дочь полка!

Валентин Николаевич Суховский – родился 27 августа 1949 г. в Архангельской области. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького, работал в журналах «Наши современники», «Встреча», газете «Гудок», издательстве «Советский писатель». Член Союза писателей России. Член-корреспондент Академии Российской словесности и Академии поэзии. Автор пятнадцати книг. Лауреат нескольких литературных премий. Награждён Грамотами Министерства культуры РФ и Правительства Москвы. Руководит литературной студией «Муза и лира» и литературно-музыкальной гостиной «Златоуст».

Живёт в Москве.

Валентин
СУХОВСКИЙ

В чём загадка Руси?

И для него с войны возврата нет...

В больничном скверике покой и тишина.
Скользит в листве деревьев свет заката.
Давно прошла война. Пленён палатой
Из боя не пришедший старшина.
Прошла война, в горниле разных лет
Уже росли иные поколенья.
А он ещё в огне, в пыли сраженья,
И для него с войны возврата нет.
Он бредит, он зовёт солдат на бой,
Он каждый день и каждый миг в атаке,
Ему тесна больничная палата,
Тяжёл и непонятен летний зной.
В его глазах – снега и дым костров,
Атака на высотку в Подмосковье.
Сутулый врач сидит у изголовья
И протирает стёклышки очков.
Профессор вспоминает медсанбат,
В мученьях перекошенные лица.
И чудится ему порой, как снится
Надсадный стон израненных солдат.
Какой-то миг из жизни фронтовой
Отчётливо встаёт перед глазами.
Пусть столько лет прожитых за плечами,
Сам – старый и разбитый, и седой,
Но словно молодеет каждый раз,
Как бы побыв за гранью огневою.
Больничный тихий скверик под Москвою
Вдруг тает и теряется из глаз.

Песня об Орле

Когда враги нахлынули, как тучи,
Где Орлея сливалась с Окой,
На стрелке рек дуб высился могучий,
Парил орёл, звал русичей на бой.

В столетьях город вырос на просторах
Величьем дивным храмов осиян.
Как легендарный генерал Ермолов
Гремела слава многих орловчан.

На ливенской гармонике для милой
Играли то, что сложено в веках.
С орловским хлебом набирали силы,
Летели на орловских рысаках.

От сёл разрушенных и выжженных посевов
Войной натянутая, словно тетива,
Победно на Берлин пустила стрелы гнева,
Дала салют Орловско-Курская дуга.

Заветный край Тургенева, Лескова,
Приволие дубрав, бескрайние поля...
Прими моё восторженное слово,
Любимая орловская земля!

В чём загадка Руси?

В чём загадка Руси?
Сколько билось умов,
Други – чтоб сохранить,
А враги, чтоб порушить.
Ты у предков спроси.
Деревень меж холмов
Нам не воскресить,
Как шестую часть суши.

И на всю-то страну
Русских много ль умов,
Что смогли уберечь
Драгоценную память.
И в какую войну
Русь теряла сынов,
Словно русскую речь,
Что уйдёт вместе с нами.

В нас наследье Руси,
Русский дух только в нас,
Мы застали уклад
Настоящей деревни.
Словно стяг парусим,
Золотой мы запас,
Драгоценней музеев,
Скрижалей всех древних!

Светлана Семёновна Комракова – родилась в Ленинграде в семье военнослужащего. Детство прошло на Севере, в Мурманской области. Окончила МВТУ им. Баумана. Замужем, имеет сына и дочь. Кандидат педагогических наук, доцент, преподаёт информатику в московском вузе. Первую книгу стихов выпустила в 2001 г. На сегодня является автором трёх стихотворных сборников. На её стихи написаны песни и романсы, выпущено три диска. Член Союза писателей России, лауреат конкурса им. М.И. Цветаевой.

Живёт в Москве.

Светлана
КОМРАКОВА

«Всё опалила война...»

***

Морякам-североморцам посвящается

Низкое небо, холодное море,
Бьёт штормовая волна.
Здесь в заполярном скалистом просторе
Всё опалила война.

Падали бомбы, и пули свистели,
Рвался противник вперёд.
Но моряков покорить не сумели –
Выстоял Северный флот!

Всё Заполярье во имя Победы
Обороняло тылы.
Точно подлодки пускали торпеды
В транспорты вражьей страны.

Словно доспех надевали плечистый
Чёрный матросский бушлат.
«Чёрная смерть!» – говорили фашисты,
Видя бесстрашный отряд.

И морякам их могилою мгlistой
Стала морская вода.
Краской стальной звенят обелиски,
И безымянна звезда.

Послевоенное

Я родилась, когда с войны
Прошло всего четыре года,
Когда ещё не все сыны
Домой вернулись из похода.

Когда на вспаханных полях
Взрывались вражеские мины,
И гибли в наших лагерях,
Кто побывал в плену чужбины.

Когда ещё рабочим днём
Был славный праздник – День Победы,
И собирались за столом
Кто уцелел – отцы и деды.

Страна вставала из руин,
Преображалась, духом крепла,
Руками женщин и мужчин,
Как феникс, поднялась из пепла.

И все страдания этих лет
Мы с молоком в себя впитали,
И сколько б ни было побед,
Мы ту, одну, не забывали.

Победители

(муз. Ольги Кузьмичёвой)

1.

Сколько лет минуло с той войны,
Но всё помнят наши ветераны.
К ним война приходит ночью в сны,
Бережит залеченные раны.

Припев:

Не остался никто в стороне,
Воевали, любили и жили.
Победители в страшной войне,
Победители в страшной войне,
Подвиг тот всей страной совершили!

2.

И опять они как будто там –
Под огнём, в окопах или в море,
Перед боем каждому сто грамм,
И на всех одно большое горе.

Припев.

3.
Не забыть атаку и штрафбат,
И бросок под вражеские танки,
Санитарный поезд, медсанбат,
Худенькие плечи санитарки.

Припев.

4.
И в великой праведной войне,
Вы свою Отчизну отстаили,
О победном, самом главном дне,
Вы все годы трудные мечтали.

Припев:

Не остался никто в стороне,
Воевали, любили и жили.
Победители в страшной войне,
Победители в страшной войне,
Подвиг вы всей страной совершили!
Победили!

ПОЭЗИЯ

Ирина ЩЕРБИНА

Ирина Владимировна Щербина – член Союза писателей России. Автор книг «Бинокль», «Счастливых дней поток не иссякает» («Лучшая книга 2012-2014»), «Из глубины незримых тайников». Участник литературных проектов «Библиотека современной поэзии», «Золотое перо Московии», «Родники России». Член клуба профессиональных писательниц «Московитянка», участник литературно-поэтического объединения «Складень». Публикации в альманахах «Славянские встречи», «Православная лира», «Литературная республика», в журналах «Юность», «Смена», «Московский вестник», «Поэзия», в газете «Московский литератор». Награждена медалями А.С. Грибоедова, М.Ю. Лермонтова и др.

Живёт в Москве.

Симфония весны

***

Какое сегодня небо!
Такого уже не будет...
Сливаются быль и небыль
На нежно-лазурном блюде.

Всё ярче сверкает утро,
Тепла беспредельна радость.
А я замираю, будто –
Блаженная, улыбаясь.

И вижу уже не тучи,
Не синюю гладь пространства –
Отряды бойцов летучих
Пустились в дорогу странствий.

Апрель – босоногий путник
Дарует весны приметы...
– Ликуйте! Пришёл Заступник,
Защитник добра и света.

***

Неуловимы солнечные пятна,
По шёлку трав рассыпанные щедро.
Родник звенит, будя земные недра,
И птичья трель в тиши звучит невнятно.

Запретных чувств невинное зачатъе
Совершено таинственно и странно,
А рябь воды выводит монограммы,
Изгибы душ замкнув в своих объятъях.

Здесь бирюза, нефриты, изумруды,
Дары весны пригоршней не измерить.
И можно лишь надеяться да верить
В случайность встречи у речной запруды.

***

Очарованье новизны
Иль новизна очарованья?
Беспечно-смелые желанья
В порывах ветреной весны.
И вновь о счастье снятся сны.
Всё странно: глубина аллей,
Высоких крон тугие фракы.
Земля хранит немые знаки
Давно забытых тёплых дней.
А облака – скорей, скорей,
Летят как чудо-корабли,
И сердце вторит их движенью
Фантомной болью, отраженьем
Такой же ветреной любви.
– Воскресни, юность, оживи!

***

Притворяться не буду,
Отрекаться не стану,
Познавая, как чудо,
Как заветную тайну,

Запредельность желаний,
Губ весеннюю нежность,
Мимолётность свиданий
И разлук неизбежность.

Пронесу через годы
Жар разбуженной страсти.
Даже в дни непогоды
Будет жить это счастье

Огоньком сокровенным,
Белой свечечкой вербы...
Жаль, что мне, непременно,
Уходить нужно первой.

Март

Утро. Тихая нега.
Я стою не дыша...
После долгого бега
Запыхалась душа.

Откружили метели,
Вместо чувств – пустота.
Для чего мне капели
И небес высота?

В ожидании марта
Сотни рваных борозд
Пролегли, как стигматы,
На изгибах берёз.

Почерневшие ветви
Восхваляют леса.
К солнцу тянутся вербы.
Воробьёв голоса...

Россыпь жгучих окалин
Снег разбудит от сна.
В стылых ранах проталин
Серебрится весна.

***

– Динь-дон! У ворот –
Спиридон Солнцеворот!

Между туч – птичий гам,
Жгучий луч – по снегам,
Я – за ним, весел шаг,
А в душе – кавардак,
Ни покоя, ни сна,
Где ты скрылась, весна?
Лазурь в стуже дней
Хоть на толику длинней.

Жмёт мороз, лютует,
Яростно бунтует,

Злится – всё напрасно!
Небо стало ясным,
Завтра будет светлым,
Нет пурги и ветра!

Сердце перезвон
Не унять:
– Динь-дон! Динь-дон!

Динь-дон! У ворот –
Спиридон Солнцеворот!

Астральная весна

Сапог кожаный,
Мыс сафьяновый,
Путь нехоженный,
Вся жизнь – заново.

Долой отсрочки,
Спешу пробиться
Лопнувшей почкой,
Горлицей-птицей

К заветной цели...
Там за спиной –
Снега, метели,
Леса – стеною.

Неведом роздых,
Рушатся льдины.
Вода и воздух
Теперь едины.

За ветром шалым
Лететь – так здорово!
Рубаха – ала,
А свет – лазоревый

Да косы до пят.
Душа бушует...
Не зная преград,
К тебе спешу я.

Словно награда,
Благая весть,
Я – уже рядом,
Я – уже здесь:

Астральная новь.
Земля тесна...
Твоя любовь,
Твоя весна –
Я!

***

Восходом жизни увлечённая,
Верна обряду,
Сажая в землю обречённую
Цветов рассаду.

Божественно весны веление,
И чувства яркие.
Вновь неизбежно обновление,
Как сон Петрарки.

Тугая масса чернозёмная
Послушной теста.
Явь, миллиарды раз спасённая,
Опять воскресла.

Ростков упругих фиолетовость
Полна покоя.
Иная эра пишет летопись
Моей рукою.

Симфония весны

Молнией священной расколот небосвод.
Волнами crescendo – мелодии полёт.

Литавры и фагот, небесных струн призыв...
Смятение несёт мелодия грозы.

И плещут родники бездонных облаков...
Стихии вопреки, на сердце так легко!

Дождём пронзая ширь, звенит в ветвях сосны
Симфония души... Симфония весны...

***

Бирюзовые дни да морозные ночи,
Под ногами хрустит ледяная слюда.
Дальних окон огни мне весну напророчат,
Засверкают мечтой, обманув холода.

Ну зачем эта блажь? Я доподлинно знаю:
Эфемерна фантазий причудливых нить.
Птиц, погибших в пути, не собрать снова в стаю,
И засохших деревьев нельзя оживить.

Но любовь расправляет поникшие крылья,
Сердце бьётся тревожной. Душа, встрепенись!..
Рвутся сотни ветвей, через боль и усилья,
Сквозь студёную явь в поднебесную высь.

ПРОЗА

Антон ЛУКИН

Дождливым вечером

Панкратий Егорович лежал на печи и тихонько постанывал. Иногда завывал в голос, когда на него подолгу не обращали внимания. Маленький, щупленький, в свои семьдесят лет выглядел хило, неважно – но силы в нём были. Со старухой ещё держали скотину. Корову, правда, лет как десять назад продали – тяжело уже, но коза имелась. Ещё Панкратий Егорович держал кур и очень любил своего разноцветного красавца-петуха. Стоило тому только расправить крылья, выпятить грудь и важно поквокать, как куры-дурёхи, тут же бежали к нему. Панкратий Егорович поправлял кепку и, прищурив один глаз, улыбался:

– Заставишь мою старуху так же драпать. Щас!

По вечерам у Панкратья Егоровича прихватывало ногу. Ещё в юности настудил. Теперь лёжа на печи, укрывшись полушубком, пытался отогреть. Да разве теперь отогреешь? К постоянным лёгким болям старик уже привык, и по вечерам, забравшись на печь, тихонько начинал постанывать. Но случалось, хотя и не часто, что нога лопила невыносимо, тогда тот бранил её, окаянную, благим матом. Старуха натирала самогоном и мёдом ногу, обматывала полотенцем, плескала немного в кружку и давала старику. Тот выпивал, быстро хмелел и засыпал.

Сегодня, как обычно, Панкратий Егорович лежал на печи, укутав ноги полушубком, и поглядывал в окно. Шёл дождь, на улице было хмуро и сыро, и на душе как-то тоже становилось тоскливо. Старуха его, Августина Серафимовна, сидела на кровати и, склонившись, ловко работая спицами, что-то вязала. Внук-Стёпка сидел рядом за столом и читал книгу. Страсть как любил читать. Приехал погостить к деду с бабкой на лето и прихватил с собою целую гору книг. Мальчишка в двенадцать лет был не по годам умён, и Панкратью Егоровичу иной раз нравилось того слушать.

Антон Евгеньевич Лукин – родился 2 декабря 1985 г. в селе Дивеево Нижегородской области. С 2005 по 2007 гг. проходил воинскую службу в городе Курске. Автор 8 книг прозы. Печатался в периодических изданиях: «Наши современники», «Молодая гвардия», «Север», «Дальний восток», «Южная звезда», «Огни Кузбасса», «Огни над Бией», «Литературная учёба», «Алтай», «Литературная газета», «День литературы», «Московский литератор» и др. В 2012 г. за рассказ «Женить из райцентра» стал лауреатом премии им. Андрея Платонова «Умное сердце», в 2013 г. за книгу «Самый сильный в школе» – дипломантом Всероссийской премии «Золотой Дельвиг». Гран-призёр литературного конкурса «Хрустальный родник», который проходил в 2014 г. в Орле. Лонг-Листер премии «Ясная поляна» 2014 г. С января 2015 г. Член Союза писателей России.

Живёт в Дивеево.

Старик снова закричал, застонал в голос. Хотел, чтобы на него обратили внимание. На него обратили.

– Сильно болит? – спросил Стёпка.

– Ишо как, – старик был рад, что его заметили.

– Давно бы в район съездил с кем-нибудь, в больницу, глядишь, и вылечили бы, ногу-то, – посоветовал внук.

– Как же, вылечат там. Дождётся.

– Отчего же не вылечат? Поди, не глупые люди работают. Может, на процедуры какие прогревательные направили бы или мазь какую-нибудь выписали.

– Мазь... Что мне их мазь. Мне вон старуха самогонкой натрёт ногу-то, вот те и лекарство. Лучше всех ваших мазей, – старик посмотрел на супругу. – А ежели немного и внутрь плеснуть, то вообще никакая зараза не пристанет.

Августина Серафимовна пропустила мимо ушей реплику больного. Панкратий Егорович понял, что самогона ему сегодня не нальют. Не сказать, чтобы он частенько выпивал, но в такую вот дрянную погоду, когда на душе то скливо и одиноко, перед сном грядущим, кружечку бы пригубил.

– Папка мой вон тоже, всю зиму с зубом мучился. И домучился. Весной пошёл в больницу – вырвали. А гляди, сразу обратился бы, поставили пломбу и зубик цел.

– Зюбик, – протянул старик. – Зубов их вон скока. Один вырвешь и не заметишь. А у меня ног всего одна пара. Оттяпают по колено ишо.

– Ну тебя, – Стёпка махнул рукой и взялся снова за книгу. – Глупость какую-то молотишь.

Панкратию Егоровичу стало даже обидно, что от него отмахнулись, как от непутёвого. И чтобы сгладить вину, он решил сменить тему. Разговаривать ему хотелось. За беседой было не так тоскливо.

– Чаво это ты там всё читаешь? – обратился он к внуку.

– Роман.

– Про любовь что ли?

– Ну, можно и так сказать.

– Мал ишо про любовь-то читать. Поди «женилка» ишо не выросла!

– Чего не выросло? – Степан оторвался от книги. Бабушка тоже перестала вязать, посмотрела на деда.

– Ты чаво это языком-то завертел, как собака хвостом? – спросила старуха. – Не слушай его, Стёпочка, дурака старого. Не слушай.

Панкратий Егорович заулыбался, засиял весь. Повернулся на спину, широкой ладонью потёр губы, не переставая улыбаться. Его веселило то, что он смог утереть начитанному внуку нос. Оказывается, не всё ты, парень, знаешь. Про это, пожалуй, в книгах не пишут. Степан, догадавшись, что дед смолот очередную глупость, отвернулся к окну.

Полежав немного на спине, старик снова повернулся на левый бок.

– Ты вот книг стока набрал с собой, неужто все прочтёшь? – Панкратий Егорович глянул на внука, тот и ухом не повёл. – Чаво молчишь?

– Не мешай.

– Было бы чаму мешать, – старик покашлял в ладонь. – Это, конечно, не картошку окучить, да травы накосить.

Степан посмотрел на деда. Работать Стёпка и впрямь не любил. Не за этим приехал в деревню. И постоянно увивал от работы. То с ребяташками на реку убежит, то на сушилах с книгой затаится.

– Что же, по-твоему, и читать вовсе не нужно?

– А чаво их читать-то?

– Чтобы дремучим не быть.

– Батюшки, – захорохорился дед. – Я вот до своих годков дожил не читамши, и ничаво, как видишь, живой.

– А Шекспира знаешь?

– Чаво?

– А Чехова, Пушкина?

– Это который с кудрями был? – старик призадумался. – Знамо, конечно. Что я, по-твоему, совсем, что ли неуч. Он ещё сам себе памятник смастерил.

– Да не смастерил, а воздвиг. И не из бронзы, а нерукотворный.

– Эт как?

– Читать для этого нужно, чтобы знать. Вот как!

Августина Серафимовна улыбнулась. Её радовало, что внук у неё смыслёный малый, идёт в ногу со временем. В отличие от деда, она никогда не препятствовала, чтобы тот читал. Грядки она и сама польёт, чего мальчонку зря тревожить.

Панкратий Егорович призадумался, почесал лысину, перевернулся на спину, тяжело вздохнул.

– Завтра забором будем заниматься.

– С кем? – Стёпка оторвался от книги.

– Ясно дело, с кем. Будем старую рухлядь разбирать, да за баней складывать.

– Не такая уж это и рухлядь.

– Те бы только от работы увильнуть, – старик покосился на внука. Паренёк тоже недовольно посмотрел на деда. – Чаво на рыбалку-то не ходишь?.. Хоть бы окуней наловил, мы бы с бабкой зажарили.

– Комаров кормить.

– Посмотрите, какие мы! Уж не съедят.

Степан на это ничего не ответил. Старик, посмотрев на светлый затылок внука, что-то непонятное пробубнил и перевёл взгляд в дальний угол, где стояли его большие сапоги. Вспомнился младший сын Филипп, Стёпкин отец. Вообще у них со старухой большая семья: шестеро детей. Один утонул. Двух недель не дожил до восемнадцатилетия. После выпускного с ребятами пошли встречать рассвет на реку. Вся компания изрядно пьяная. Кому-то взбрело в голову окунуться. Полезли все. А кровь-то молодая, горячая. Давай соревноваться, кто реку переплывёт. А она в тех местах широка. Трезвый с трудом осилишь расстояние, не то, что хмельной. Вылавливали потом троих. Среди ребят был и сын Панкратия Егоровича, Димка. Вот оказывается, как беда внезапно подкрадывается, а затем со всего размаху бьёт наотмашь. Так намного больней. Когда готовишься, когда её ждёшь, ещё есть силы ей противостоять, а тут... праздник, радость... да ведь молодые какие – ещё жить и жить. У Августины ноги тогда отказали от горя, всё лето пролежала, не вставая, да и у Панкратия в сорок лет виски посеребрились. Что не говори, а всё же материнское сердце за дитё своё переживает куда больнее.

Панкратий Егорович снова повернулся на бок, посмотрел на старуху.

– Дождь идёт ишо? Не слышу.

Августина Серафимовна посмотрела в окно.

– Приутих, но ещё моросит.

– Грибы нынче пойдут, – старик громко кашлянул в ладонь. – Плесни полкружки. Не усну, видно.

– Опять разболелась? – старуха сквозь очки посмотрела на супруга. Чего-чего, а обманывать тот не умел. Смолоду никому не врал.

– Да так. Терпимо.

– Вот и терпи. Нечего.

– Пить вредно, – вставил своё слово Степан.

– Понимал бы чаво, – старику стало обидно.

– А чего тут понимать. Тут и так всё ясно. Алкоголь разрушает клетки мозга, печени и приводит к раковым заболеваниям...

– Пошёл ты.

– А ты не огрызайся, – вступилась Августина Серафимовна за внука. – Умные вещи толкуют, а ты ишо бранишься.

– Умные вещи-и! Чаво бы понимал. От горшка два вершка! – Панкратию Егоровичу и впрямь до боли в животе стало обидно и горько, что за какую-то паршивую кружку о нём говорят как о заядлом алкоголике.

– Многие бытовые ссоры, в том числе и с летальным исходом, как раз и происходят по вине алкоголизма. Кто-то выпил, показалось мало, ему бы ещё, да не дают, он в драку, а рука тяжёлая... Отсюда выводы.

– Я шо, по-твоему, драться с кем собрался? Удумал!

– Драться – не драться, а к инсульту рано или поздно приведёт. Тем более в твоём возрасте.

– Это у вас там в городе мрут как мухи. Потому как дрянь всяку хлыщут. Бодягу. А самогон, если по-домашнему и для себя, полезней родниковой воды будет. Неужто моя бы его гнала, чтобы я ноги скорее протянул?

– Всё же...

– Вот те и всё же! Ясно дело, у вас там пьют ведрами да с пелёнок, потом валяются в подворотнях. А ежели мужик всю жизнь в поле на комбайне да на тракторах отработал, неужто ему под старость лет и выпить нельзя? Кружка в день ему положена.

– Прям уж и положена? Откуда такие выводы?

– А у тебя?

– В журнале «Здоровье» вычитал, да кое-что по биологии проходили, – ответил Стёпка.

– Я твои книги сожгу завтра все, чтобы голову чепухой не забивал.

– Ну, чаво ты ерепенишься, как воробей старый? – вмешалась Августина Серафимовна. Иногда, когда было что-то не по-стариковски, тот вёл себя как большой ребёнок. Бранился и обижался. Старуха это знала и потому особо не сердилась. С пожилыми людьми такое часто бывает, когда их не понимают или не пытаются понять.

– Ну вас, – буркнул Панкратий Егорович и, матюгнувшись себе под нос, перевернулся на другой бок, к стенке.

В избе стало тихо. Старик уткнулся носом в подушку. Вспомнился снова Филипп, младшенький. Панкратий любил о нём вспоминать. Вот уж кто действительно его понимал, так это Филипп. Вообще тот с самого детства рос парнишкой добрым и заботливым, последнюю рубаху готов был отдать. Как-то раз принёс с улицы котёнка подбитого, одноглазого. Ну, куда его? У самих кошка пятерых в подоле принесла. И всё же нет, не выкинули, уговорил. И ведь вымахал какой. И не подумаешь, что когда-то был озябшим комочком шерсти. Пусть и одноглазый, а кот был справный. Оказался крысоловом. Всех

крыс в избе извёл. Долго он прожил у них, как к родному привыкли. Как-то раз захворал сильно и пропал. Не редкость, когда кошки перед смертью издыхать уходят в чужие места. Гордые животные. Припомнилось старику и то, как однажды отправились они с Филиппом в лес по грибы. Полные корзинки набрали. И только собрались обратно, как вдруг из-за диких кустов малиника медведь показался. Посмотрел на двух перепуганных грибников, повёл носом, вынюхивая вокруг себя воздух, и пошагал дальше. Вот уж страху-то натерпелись. Поди, был бы с малышами, всё, крышка. А рыбалку-то как Филипп любил! Уж никогда не откажется с отцом поутру на реку пойти. А бывает, и сам, хоть и на ночь приедет погостить, а возьмёт лопату с вечера, червей приготовит и к отцу, так, мол, и так, не уважите компанию составить. Сроду ни с какими книгами не сидел.

«Книголюбы, мать их. Все они лоботрясы. Взяли моду с книгой валяться сутки напролёт. С каких это пор видано, чтобы летом, в ясну погоду с книгой лежать, словно других дел не найдётся. Лодыри – это их замашки – я, мол, не отдыхаю, я с книгой, и отстаньте от меня. Чехова мы не знаем. Он что мне ваш Чехов, картошку вскопает или травы накосит, чтобы я его знать должен был!» – старик про себя ругнулся.

Августина Серафимовна перестала вязать. Встала с кровати, обула галоши, покинула избу. Старик перевернулся на спину. Посмотрел в окно. Дождь прошёл. Видно, в хлев направилась. Внук по-прежнему, подперев голову одной рукой, сидел за столом с книгой.

– Поди, знаешь, где бутылку прячет? – Степан оторвался от книги. – Сходи кружку набери. Что-то на душе тоскливо.

– Сейчас на душе тоскливо, а завтра голова бобо, – ответил внук.

– Значит, придётся забор до лучших времён отложить, – схитрил Панкратий Егорович. Услышав такую новость, Стёпка быстро вышел в сени. – Лентяй.

Паренёк протянул старику кружку и подал малосольный огурец.

– Может, сала отрезать?

– Не надо.

Панкратий Егорович в несколько глотков выпил налитое, занюхал локтем, затем надкусил огурец.

– Хороша-а, – изрёк он. – Бабке только ничего не говори.

– Ясное дело, мне же и попадёт.

Старик улыбнулся. Степан, убрав кружку, опять уселся за стол и взялся за книгу. Панкратий Егорович, немного покряхтев, отвернулся к стене. А забор всё же разобрать нужно. Завтра с утра пораньше работёнка для него имеется. Внука тревожить не станет. Пусть читает, может и правда, каким учёным станет.

Редакция журнала «Великороссь» поздравляет Юлию Александрову с юбилеем!

Юлия Геннадиевна Александрова – родилась в 1965 г. в Москве в семье служащих. В 1987 г. окончила МГПИ им. В.И. Ленина по специальности «учитель английского и немецкого языков». В 2000 г. ей было присвоено звание учитель высшей категории. С 2001 г. Юлия Александрова работает старшим преподавателем кафедры английского языка на факультете экономистов-международников Всероссийской академии внешней торговли. С 2011 г. имеет звание доцента. Автор пяти сборников лирических стихотворений – «Имя моё...» (2006), «Сретенье» (2007), «Воздушный шар» (2009), «Жизнь-река» (2010) и «Крылатая мечта» (2012), а также двух сборников прозы – «Букет ландышей» (2009) и «Окно в сад» (2011). Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

Юлия
АЛЕКСАНДРОВА

«Время войн нам нельзя поворачивать вспять...»

Я смотрю на Москву

Я смотрю на Москву через лупу заката.
Хорошеет она с каждым прожитым днём.
Защищали её в сорок первом солдаты,
Не позволив врагу ни мечом, ни огнём

Уничтожить всё то, что любя воспевали
Грибоедов и Пушкин, Есенин и Блок.
Хоть текли в нашем городе реки печали,
Вид золотых куполов был как счастья глоток.

К сожалению, время внесло коррективы:
Очертанья другие домов у реки.
Но рождённые здесь град считают красивым –
Настоящее чувство всегда вопреки.

Совесьть

На пригорке картинка из детства:
Мать-и-мачеха жёлтым цветёт.
Никуда мне от мысли не деться:
Что в дальнейшем нас, грешников, ждёт?

Мы разрушили то, что создали,
Не построили счастья взамен.
Нам сулят белокрылые дали
В эту пору лихих перемен.

Обвиняют нас в том, что когда-то
Патриотами были страны.
Мы обязаны жизнью солдатам,
Всем защитникам в годы войны.

От врага защищали Отчизну,
Нашу жизнь защищали они.
Знайте: совесть останется чистой,
Если память о них сохраним.

Москва в марте 1991 года

Москва, словно крепость в осаде...
Тут пушки, а там водомёт.
Повисли на чёрной ограде
Мальчишки. Что нынче их ждёт?

Внизу из ребят чуть постарше
Построены цепи. «Бойцы!
Надели вы каски. Не краше
В войну надевали отцы.

Война была долгой и трудной,
Но ясно: стрелять по врагам.
Сегодня на площади людной
Так много отцов ваших, мам.

Как страшно, что может случиться:
Останется в прошлом покой.
Мгновенье... и кровь заструится
По улицам бурой рекой».

И взгляды отводят ребята,
Ведь стыдно смотреть им в глаза
Народу, тогда, в сорок пятом
Топтавшему каски в слезах.

Идём полями Подмосковья

Идём полями Подмосковья,
В войну обогранными кровью
Защитников родной земли.
Рябины помнят и берёзы,
Как пот ручьями тёк и слёзы
Солдат, что шли здесь и ползли.

Они в полях лежат навечно.
А мы бежим легко, беспечно
Там, где бои когда-то шли.
Над нами жаворонок вьётся,
А память наша, будто солнце,
Её в сердцах мы сберегли.

Здесь нет ни плит, ни обелисков,
А память рядом, очень близко
В природе, что вокруг живёт,
В рассветах нежных и закатах...
Воспоминанье о солдатах
Сердца сжимает нам и жжёт.

Музыкант

В вагон вошёл седой безногий музыкант,
Держа в руках свою гитару, как ребёнка.
Шум электрички заглушал его талант,
Хоть песню пел он по-мальчишески: так звонко.

Свою фигуру в камуфляжный он костюм
Надёжно спрятал, чтоб не видно было раны.
Пел о погибших он друзьях и был угрюм.
Среди живых о смерти мысль казалась странной.

Костюм изъеден был ветрами дальних стран:
Увы, не новенький, не куплен в военторге.
А на коленях юной матери пацан
Смотрел на дяденьку безногого с восторгом.

А мать, прижав к груди кровиночку-дитя,
О лучшей доле сыну Господа молила.
И музыкант увидел, мимо проходя,
Как сто рублей мадонна в сумку положила.

Песни войны

На баяне играл паренёк в переходе,
Душу рвали мелодии огненных лет.
Знают, любят военные песни в народе,
Потому подпевали тихонько в ответ

Проходившие мимо. И песни, как птицы,
Разлетались по улицам милой страны.
Как сияет на празднике наша столица!
Только песни – осколки минувшей войны.

И мне хочется верить: опомнятся люди,
Перестанут славяне себя истреблять.
Повторения ужасов больше не будет.
Время войн нам нельзя поворачивать вспять

70 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Валерий КОРАБЛИН

Валерий Васильевич Кораблин – родился в семье учителей в п. Верея г. Орехово-Зуево Московской области. После школы окончил техникум, два института (систелотехника, программирование, ЭВМ). Стихи начал писать с 15–16 лет. С 16–17 лет печатался в региональных и корпоративных СМИ. Член литературной студии «Владимирские посиделки» Владимирского отделения Союза писателей России. Номинант (дипломы) конкурсов Национальная литературная премия «Поэт года 2011», «Поэт года 2012», «Поэт года 2013». Номинирован на премию «Наследие 2014». Автор шести поэтических сборников, увидевших свет в издательствах г. Владимира и г. Москвы – «Тайны грусти и радости» (г. Владимир, три одноимённых сборника, 2007–2010), «Начало тайны грусти и радости». Светлой памяти С.П. Панюшкина, члена СП России (Москва, 2012), «Осознание бесконечности» (Москва, 2012), «Дороги грусти и радости» (Москва, 2013).

Живёт во Владимире.

«Кто же песни без вас допёт?»

Письмо с фронта без пафоса

Ну, здравствуй мама и сестра,
Писать ведь обещал с армейской службы –
В генштабе на посту двора...
Простите, долго я молчал, так нужно...

Война застала нас врасплох,
Поставив в строй с оружием нашу юность.
В мгновение человек оглох,
Гроза вселила в разум мести лютость.

Врага в июле я познал –
Москву бомбили через месяц ночью.
На фронт просился, отказал
«Штабной» – отправил с НарКомОбор срочно...

Учёба в школах и полках
На снайпера, а позже на сержанта...
Про смерть лишь знал я на словах.
Приказ: «На фронт, в Прибалтику курсанта»...

Атак успешных эйфорий
Глотали воздух, порохом пропахший.
Душа и сердце атрофий
Набрались, ненавидя немцев павших.

Разрывы мин, снарядов вой,
Окоп спасенье, но надежды тонки...
Бросок вперёд в кровавый бой...
Финал атаки – почта, похоронки.

В живых остался сводный взвод –
Стрелки от роты стойкие в разборке...
В лесочке с краю у болот
Могила стала братской на пригорке.

Цена атаки высока –
Но мы в бою высоту эту взяли.
А утром ротный из полка
Сказал: «Тебя представили к медали».

Воюем, мама, третий год,
И нет атакам нашим передышки.
Отец что, пишет? Как завод?
Где бьют фашистов старшие братишки?

В бою погибнуть не боюсь,
Пропасть бесчестно не имею права.
Но жизнь отдать не тороплюсь,
Миную смерть – с ней бесполезна слава.

Последний бой

Подходит полдень, солнце жжёт в зените,
Пушисты клочья редких облаков.
Лучи рисуют тени на граните
Стены героев памяти бойцов.

Прошли в строю сплочённом ветераны
Победным шагом, укротивши боль.
Сердца стучат, разбередив им раны –
В них бросил кто-то грязной горсти соль.

Повержен враг в далёком сорок пятом,
Последний бой, что память теребил
Возник, глумясь в двух тысяча десятом,
Чиновник-враг войну всем объявил.

Он сын «воjak», на фронте не бывавших,
В атаки не ходивших под обстрел,
Разрыв снарядов, свиста пуль не знавших,
Дитя отцов, в тылу кто преуспел.

И этот бой, он вовсе не последний
Пока живёт чиновник-лиходей,
Лишая льгот и жизни повседневной
Солдат забытых и простых людей.

Идут в строю победном ветераны –
Сердца стучат натружено в груди,
Но враг в их душах растревляет раны...
Победа вновь маячит впереди.

Пожелание старшим

Вы свой век доживайте, пожалуйста!
Кто же песни без вас допоёт?
Грустно вам, но на это не жалуйтесь:
Радость встречи согреет, спасёт.

Письма чаще пишите с приветствием
Всем родным и знакомым, друзьям,
Про чины позабыв с соответствием
Странных почестей новым князьям.

Помнить надо лишь годы военные:
Грохот танков и мин дикий вой,
Видя в снах, как убитые, пленные
Из окопов рвались с криком в бой.

Радость встречи – для сердца отдушина,
За столом – боевые сто грамм...
Не жалеете, что в жизни разрушено,
Пусть минует грядущий бедлам.

ПОЭЗИЯ

Лариса НАЗАРЕНКО

Лариса Ивановна Назаренко – родилась в Москве. По образованию экономист. С 2008 г. является членом творческого клуба «Московский Парнас». Издала три сборника стихов: «Осень лет» (1999), «Пока держу связующую нить» (2008) и «Примлю бурю и покой...» (2013). Участвует в проекте «Москва Поэтическая». Печатается в различных поэтических сборниках и журналах: «Московский Вестник», «Московский Парнас», «Поэзия», «Великороссь» и др. Имеет дипломы им. О.Э. Мандельштама, Н.М. Рубцова, М.И. Цветаевой и др. Награждена медалями: «А.П. Чехов», «А.С. Грибоедов», «М.Ю. Лермонтов». Является членом Союза писателей России и членом Академии Российской Литературы.

Живёт в Москве.

«Война любая не забыта...»

Предстоит

Мир в состоянии войны –
Вражды открытой или тайной,
Он с дипломатией сусальной
И ядом брызжущей слюны,
Не в силах зла преодолеть –
Отравлен гидрою наживы...
По Божьей Воле только живы,
Но предстоит переболеть
Приобретённые пороки:
Грядут означенные сроки
Иные ценности прозреть!

Взгляд издалека

От Кремлёвской стены до Китайской
Я проделаю путь неблизкий,
До двух щёлочек сужу глазки –
Не узнают друзья Лариски.
Я, сощурившись, лучше вижу –
От рождения близорука,
И с Китайской стены приближу
Диво Юрия Долгорукого,
Чудо света Семихолмовое,
Золотую свою шкатулочку.
Всю Москву залюблю по-новому,
До Безбожного переулочка!

Война любая не забыта

Бородино, Бородино...
 Давным-давно всё это было,
 Его я в школе проходила
 С «Войной и миром» заодно.
 Там, где Кутузов бил французов,
 Страницы наспех пролистала,
 Уже потом, готовясь к вузу,
 С трудом сраженье наверстала.
 Мне всё б балы, любовь, интриги,
 Куракин – фронт, медведь Безухов...
 Из рук не выпускала книги –
 Жила в сомнениях и муках.
 И упрекала Льва Толстого:
 Не та мне виделась развязка,
 Душою жаждала другого,
 Но жизнь, увы, совсем не сказка.
 Мальчишки, те, войну взахлёб
 Тогда до одури читали,
 Любовь меж делом пропускали,
 Да кто б подумать только мог,
 Что их война не за горами.
 Бородино – Афганистан...
 Кусочек хлеба на стакан.
 Война любая не забыта –
 Там столько мальчиков убито!

***

С наступлением весны
 Окна настежь отворяю,
 Кинохронику войны
 Дней последних представляю...
 Птичий резвый перезвон
 Разбавляется капелью,
 Разойдётся от окон
 Небо синей акварелью.
 Приближается пора
 От унынья пробудиться:
 Из подъездов детвора
 Побежит во двор резвиться.
 Закружится карусель,
 Закачаются качели –
 В сорок пятый год, в апрель,
 В бой ещё на две недели...

Александр Ганин (Александр Васильевич Гниненко) – кандидат экономических наук, доцент по кафедре «Иностранные языки» Московского государственного машиностроительного университета «МАМИ» / Университет машиностроения. Окончил Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина (англо-немецкое отделение факультета иностранных языков) и Московский авиационный институт им. С. Орджоникидзе (экономический факультет). Автор поэтических сборников «Не забывай и не прощайся...» (2005), «Нескончаемое прощанье, нескончаемая любовь...» (2007), «Ожидание» (2010), текстов и музыки, исполнитель авторских песен (компакт-диск «Песни для друзей»). Член Российского Авторского Общества и Союза писателей России. Имеет общественные награды.

Живёт в Москве.

«А мы не забудем их синий платочек...»

***

Из списка вычеркнут живых,
 Пришёл на праздник я Победы.
 И вот друзей всех фронтовых
 Я наблюдаю словно с неба.

В минуте скорби постоял,
 Когда меня назвали в списке,
 И сам себя я поминал
 И поминал родных и близких.

И словно пули в тишине
 Из боя давнего вернулись
 И бьют по мне, как на войне,
 Когда судьба мне улыбнулась.

Сегодня снова я в строю
 И вижу жизнь как будто с неба,
 И через год я вновь приду
 На этот общий День Победы.

Из жизни вычеркнут до срока,
 Но не забыт пока никем,
 Я к вам приду из грозного далёка,
 Чтобы остаться насовсем.

Военное фото, забытые лица...

Военное фото, забытые лица,
Простые строчки на обороте.
В потёртом альбоме оно хранится,
Остались от армий их только роты.

Девятого Мая помолимся Богу
И выпьем за Красное Знамя Победы.
И вспомним мы их фронтовую дорогу
И песни, которые были им спеты.

А мы не забудем их синий платочек
И полные чувств и надежды фокстроты.
И потускневшие несколько строчек
Вдруг оживут, словно скажет их кто-то.

Военное фото, забытые лица,
Наивные строчки на обороте.
Кто помнит, придёт за них помолиться.
Остались от армий последние роты.

За Россию, за Русь, за русскую волю...

Ах, Россия, Россия, вновь ты – дикое поле,
Над тобой разыгрались лихие ветра!
Где ты, русская сила, где ты, русская воля,
Неужели заснула ты вновь на века?

Словно витязь былинный стоишь на распутье,
Выбор твой невелик, но дорогу найдёшь.
Если только сумеешь народ разогнуть ты,
Мудрость предков и силу ты их обретёшь.

За Россию, за Русь, за русскую волю
Вот уж тысячу лет продолжаешь ты бой.
На границах твоих, у русского поля,
Новых псов-крестоносцев слышится вой.

Ах, Россия, Россия, вновь ты – дикое поле,
Над тобой разыгрались лихие ветра!
Только в этом суровом, широком приволье
Хватит места в земле для любого врага.

**Мы – русские, и солнце будет
нам светить всегда...**

Мы – русские и нам пощады не было, и нет
За то, что Русь великую и сильную собрали,
Что всем врагам всегда ломали мы хребет,
Тысячелетие святой Руси мы кровью сберегали.

Мы не нужны менялам хитрым, торгашам.
В них злобу лютую рождают наши лица.
По взгляду доброму, доверчивым глазам
Они в нас видят жертву, чтобы поживиться.

Для них ты русский, ты простак, Иван-дурак,
Который должен всё и всех беспамятно простить,
Но что-то всё у них идёт неладно и не так,
И чуют: скоро по счетам придётся им платить.

Мы – русские, мы вспомним – нам преграды нет.
За нами стяги наших грозных предков вьются,
Былинный звон мечей и рокот ядерных ракет,
Кто к нам с мечом придёт – назад ему уж не вернуться.

Мы – русские, и солнце будет нам светить всегда,
Путь трудный, но великий поколениям озаряя,
Пойдём вперёд мы вместе, как могучая волна,
Со своего пути всех недругов в небытие сметая.

Инна Юрьевна Мухина – по профессии металлург и металлург, кандидат технических наук, ведущий специалист в области авиационного материаловедения. В течение многих лет стихотворения И. Мухиной постоянно появляются на страницах периодической печати, в коллективных сборниках и альманахах. Автор трёх поэтических книг и лауреат многих литературных конкурсов. Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

Инна МУХИНА

«К бессмертию ведёт святая цель...»

Плач матерей

Старик по мостовой
Хромает понемногу,
На мировой Второй
Свою оставил ногу.
Другие не видны
Телесные заплаты,
Но праведность войны
Той оправдала траты.
А рядом паренёк,
Он нашим веком мечен,
Но только невдомёк,
За что он покалечен.
Снаряд, ещё снаряд,
И нет ноги у парня.
За что сгорел солдат?
Кровавой болью память.
Казалось, лишь вчера
Полз БТР упрямо,
С залитых кровью губ
Стекало слово: «Мама».
Мы, захлебнувшись в крик,
Детей своих хороним,
А войн преступных лик
Висит над полигоном.
Верните сыновей!
Довольно с нас, довольно!

У могилы Неизвестного солдата

Памяти павших,
пропавших без вести

Я очень мало знаю об отце,
Хоть для меня он дорогой и близкий.
Каким он был? Высоким или низким?
Жила ль забота на его лице?
Но всё же что я знаю об отце?
Под Курском он погиб на поле боя,
А для меня все павшие герои:
К бессмертию ведёт святая цель...
Я очень много знаю об отце.

***

Сковал мороз
Кронштадтский лёд,
Метель метёт,
В блокадный город
Медсестра по льду идёт.
Несёт бесценный
Вещмешок –
С солдатской кашей
Котелок, да пайку хлеба,
Что она спешит отдать:
В голодном городе
Одна осталась мать.
О, как нежизненно тонка
Была любимая рука!
Как жалость жгла
В тот прошлый раз,
И слёзы радости из глаз:
«Да как же, как же
Ты дошла?»
Как ветер бьёт,
Как путь далёк,
Болит контуженный висок.
С рассветом снова
Возвращаться ей в Кронштадт.
Там под снарядный
Свист и вой
В снегу ползти к передовой.
И скажет ей
Израненный комбат:

«Не плачь, сестричка,
Мы с тобой даём врагу
Смертельный бой.
Назад нельзя,
За нами Ленинград».

День Победы на Невском

Давно не слышно
Грома канонады,
Лишь гром салюта,
Праздника огни.
Медаль «За оборону
Ленинграда»
Напоминает нам
Блокады дни.
Бомбёжки, боль,
Потеря близких, голод,
Всё это невозможно
Пережить.
Ты выдержал осаду,
Славный город,
И право на земле
Собою быть.
Ты выстоял
И стал ещё прекрасней,
Но не забудешь
Правды о войне:
Проспект. Стена.
Написано: «Опасно!
Обстрел идёт
По этой стороне».

Екатерина
НОВИКОВА-СТАНКЕВИЧ

Екатерина Николаевна Новикова-Станкевич – родилась в Москве в 1964 г. Образование высшее, аспирантура, филолог. Член Союза Писателей России с 1997 г. Руководитель Ассоциации Литературных Объединений г. Москвы. Является автором книги «Стилобат» и лауреатом разнообразных литературных конкурсов. Имеет многочисленные награды.

Живёт в Москве.

«Почему Русский Мир не оставлен?»

Русские люди

(По рассказу фронтовика А.А. Мигунова)

Попробуй, хоть слово против скажи.
Я – Русских в стихах воспеваю открыто!
Я с ними стоял на «Брестской меже».
И песни их пел, что давно позабыты.

В победные дни, на страже границ.
В монашеской келье, в тюрьме и на воле.
Я Русских узнаю среди тысячи лиц!
В солдатском строю, на суше, на море.

И если на нас кто восстанет стеной.
Под стягом неясным, в железо закован.
Мы, дети России, вновь выйдем на бой,
На поле, на старое, на Куликово.

И холод по жилам пусть их продерёт!
Мы смерть за Россию безропотно примем.
Такой уж мы славный, великий Народ!
За нашу победу мы флаги подыдем.

***

На Руси не всё еда да песни,
Синь в глазах зеркальная небес.
Может, где-то жить и интересней,
Дома быть мы можем только здесь.

Зажигай огни, заря-зарница,
Божий свет стели под ноги нам.
Мы, как птицы, тонкой вереницей
Прилетим к родимым берегам.

Возродим былое, Боже правый!
Ангелов ликуют голоса.
Долго «почивали мы на лаврах»,
А теперь подтянем пояса.

Дух свободы, совести и правды,
Русь многоголосая, проснись!
Мир истерзан, Западом отравлен.
Отчина, от спячки пробудись!

В церкви, где намоленные своды,
Мой народ, покаявшись, войдёт.
Посмотрите, зёрна дали всходы,
Мы едины, Крестный Ход идёт!

Из цикла «Слеза»

1.

Почему умирают поэты?
Синей ночью туман не кружи.
Под кинжал, пистолет иль наветы
Мы встаём против грязи и лжи.

Русский Дом опалён, слёзы сушим,
На печальной стоим стороне.
Умирают поэты, из лучших,
И случается, что на войне.

Русский крест наш несём не строптиво,
За свои и чужие грехи.
И Величие Оптиной – Диво!
Мы вплетаем, как нити, в стихи.

Почему Русский Мир не оставлен?
Сергий Батюшка молит за нас.
Вечереет, и солнцем оплавлен
Покаянный, молитвенный час.

2.

Этот пепел смешался с моею судьбой,
Эта кровь не чужою, а родственной стала.
Ведь война остаётся всё той же войной!
И царёк-олигарх не уйдёт с пьедестала.

Зажигается страшный, зловещий огонь,
Подползает к границе нездешнее племя.
Но Россия, как факел, стоит, только тронь,
Опалит, пусть Европа посмотрит на время.

Этим Русским открыты бессмертья шаги,
Эти Русские могут ложиться под выстрел.
И всё чётче понятия – друзья и враги!
Как бы ни был Америкой лживый путь выстлан.

Эти Русские знают какой-то секрет.
Если трудно, они, словно камень, едины.
Мы дадим США адекватный ответ,
Вы забыли, что Русские непобедимы.

3.

Над Семёновкой огненный дождь.
Сердце рвётся моё из груди.
Как же мог новоявленный вождь
На такое с народом пойти?

За детей, за своих матерей
Вы идёте на верную смерть.
Нет отважней на свете людей,
Ваша цель отстоять эту твердь.

Ополченцы, солдаты, братья!
Отведи вас Господь от беды.
Не дают вам Бандеры житья,
Нет ни газа, ни даже воды.

Над Семёновкой огненный дождь,
В рукоюник упала звезда.
И строчит автоматчик сквозь дрожь,
«За улыбку её и глаза!»

4.

Забыв фашизма былые зверства,
Республиканцы на дрейф ложатся,
Долой такое миссионерство!
Зря замахнулись на эту жатву!

Не по зубам вам враг браконьерства,
Добычей жалкой – для вас не станем!
Тот, кто с мечом к нам, – тот нам ответствуй.
Мы словно феникс, в огне воспрянем!

И все слова отряхнём пустые,
Россия вам не предстанет жертвой.
Здесь Божьи помыслы пресвятые.
Здесь Православию простор отверстый.

5.

Это бес играет, право.
Украину он не спас.
Раскололась – где же слава? –
Словно старенький баркас.

Раскололась, развалилась,
Разломилась пополам.
Здесь жилось вам – не тужилось,
Что же было не по вам?

А теперь, в кровавом пекле,
Стоны замерли в груди.
Артобстрелы душу треплют.
Власть, себе не навреди!

А теперь страдают дети –
Погляди на них, Христос!
Кто за всё это ответит? –
Риторический вопрос.

Нет ни школы, ни больницы,
И куда глаза глядят –
Только птицы, только птицы,
Всё поют и голосят.

6.

Сестра моя, предтеча слёз сухих,
Добром и светом спаяны народы.
Вся скорбь моя, все крики – для глухих.
Украина! Услышь без перевода!

Услышь славянский, дружественный плач,
Как можно убивать детей – надежду?
У власти вновь кровавый встал палач,
Одев страну в фашистскую одежду.

Остановись, безбожника рука,
Пролившей крови хватит, обагрились!
Вы свой народ приносите пока
На жертвенник, как вы приободрились?

Опомнитесь, бессмысленно ведь зло.
Душа народа – песенное чудо!
Горит Одесса, горе в дом пришло.
Добра и зла качнулась амплитуда.

8.

Охристая, ржавая высохла осока.
По стерне колючей мне ходить до срока.
По медовой пажити, васильковой сини,
Где ветра гуляют гулко по России.
Где гнездовье ворона не достать, высоко,
Где признание юности в памяти далёкой.
Где страданье поровну делят всем народом,
Где встречают с радостью дружным хоромом.
Где слова заветные в сердце прорастают,
Где снега до августа в подполе не тают.

9.

На «Священной войне» льётся праведных кровь,
На «Народной войне» не пристало бояться.
И спасительным даром, сквозь беды любовь –
Ей средь взрывов и плача в сердцах оставаться.

И уходят отцы на седую войну,
И мужья автоматы берут не по воле.
Защищать, словно мать, горевую страну,
Что звалась Украиной, сестрой хлебосольной.

И в искрящемся небе, пылая свечой,
Взрывы бомб, как каскады салюта, струятся.
И сгорают больницы под вражьем лучом.
Я не верю кошмарам, они только снятся!

10.

Посвящается патриотам г. Славянска

Полузвери, дикари, вандалы.
Свой народ идёте убивать.
Перекрыты совести каналы,
Украина вам уже не Мать?

Смех не слышен детский – реже, реже.
Поволокой застят глаза.
И в палатке госпитальной режет
Врач-хирург, и катится слеза.

Смерть страшна – подкралась незаметно.
Вновь хоронят матери детей!
И кресты взирают безответно
На предавших Господа людей.

11.

Я не из робкого десятка,
Евромайданов не боюсь.
Фашистских прихвостней облатка –
Пустышка, ветошка, клянусь!

От лжи давно завяли уши,
Одесса – новая Хатынь!
Но Украина совесть глушит,
Народ свой, Правда, не покинь.

На русофобию заточен
Прозападный конгломерат.
Он Русской крови жадно хочет,
Но сам погибнет как Мюрат!

12.

Запомни этот день – войны оскал.
От миномётных бомб разбита улица.
Тут маленький ребёнок старше стал,
Он видел смерть, он не смеётся, хмурится.

Исход народа из своих домов –
Как птицы из гнезда летят в Россию.
От ужаса сожжённых городов,
Когда-то столь зелёных и красивых.

Слеза отцов, что были на войне
Прожжёт любое каменное сердце,
Но Украина-Мать лежит в огне
И власть нема, души закрыта дверца.

13.

На санкции отвечу я стихом.
Россию не сломать вам об колено.
Смердящим Запад дышит пусть грехом,
А нам важней душа, она нетленна.

Кичитесь русофобией своей.
Как вредоносен Запад для России.
Но чем вы больше мучаетесь с ней,
Тем крепче в нас неведомые силы.

Нас пятою колонной не подмять,
Фашистских танков мы не убоялись.
У нас любви к Отчизне не отнять,
Давили нас, но мы не испугались.

ПОЭЗИЯ

Надежда ОХРИМЕНКО

Надежда Николаевна Охрименко – член Союза писателей России и Союза журналистов России, член Международного Союза славянских журналистов, член Академии российской литературы. Окончила МВТУ им. Н.Э. Баумана и народный университет рабочих корреспондентов им. М.И. Ульяновой. Автор пяти поэтических сборников: «Парус сердца», «Радуга надежд», «Живая душа», «Синие сны», «Сполохи рассвета». Награждена диплом 1-ой степени и медалью «России верные сыны», памятным знаком «300 лет российской журналистике», памятными литературными медалями: «А.С. Грибоедов», «А.П. Чехов», «М.Ю. Лермонтов», орденом «В.В. Маяковский «Светить всегда» и др. общественными наградами. Шестикратный дипломант конкурса МПО «Галерея избранного стихотворения».

Живёт в Москве.

«За веру нашу и за наш народ!..»

Фронтальная медсестра

К 70-летию битвы за Москву

Когда нагрянула война
И стал к столице враг стремиться,
На курсы медсестёр она
Пошла с подружками учиться.

А после курсов – сразу в бой,
Туда, где было жарко очень,
Туда, где немцы шли стеной
К Москве на танках – дни и ночи.

Сначала страшно было ей,
Война являлась сущим адом:
Правей! Левей! Левей! Правей! –
Снаряды разрывались рядом,

И шли на лютого врага
Порой безусые мальчишки.
Как это выдержать могла,
Себя считавшая трусишкой,

Их фронтовая медсестра?
Однако быстро повзрослела.
Она с утра и до утра
Бойцов лечила, как умела.

Их выносила из огня.
Откуда только брались силы!?
Она, казалось, и коня
На всём скаку остановила б!

Девчонка, – светлых две косы,
Курносый нос слегка в веснушках, –
Под танки лезла и под пушки,
Любого из бойцов спроси.

А немцы били, не щадя,
Уверенней от боя к бою.
Но с гордым именем вождя,
Путь на Москву закрыв собою,

Бойцы сопротивлялись так,
Что дрогнул немец, немец струсил.
То был войны победный знак –
Что гитлеровцев стянем в узел.

...Прошла та грозная пора,
Четыре года гнали фрицев,
А фронтовая медсестра
Лежать осталась под столицей;

А фронтовая медсестра, –
Косички две и нос курносый, –
Для нас сегодня, как вчера,
Бойцов из-под огня выносит.

В поле Бородинском

К 200-летию Бородинского сражения

1.

Иду бескрайним полем Бородинским,
Вдыхая терпкий запах летних трав,
А памятники доблести российской
Стоят, геройским прошлым душу взяв.

И я уже вдыхаю запах гари,
Повсюду бой – страшнее, чем в аду.
Судьба моей решается Державы
В том... восьмьсот двенадцатом году.

Отсюда вижу, как Кутузов зорко
Глядит на бой в подзорную трубу,
А там – Наполеона треуголка.
С отчаяньем кусает он губу.

Как поражён отвагой он российской,
Как не желает проиграть он бой!
...И грудятся на поле Бородинском
Тела героев страшной битвы той.

Солдаты, офицеры и – безусый
Лежит на поле брани паренёк,
Что знамя нёс... Он прапорщик был русский.
Не каждый с честью умереть бы мог

В свои шестнадцать... Господи, помилуй!
Помилуй их: и мёртвых, и живых!
Дай сыновьям России больше силы,
Во имя всех апостолов святых! –

Шепчу и слёз с лица не утираю.
Здесь смерть ликует, взгляд куда ни кинь.
Мне кажется, я с ними умираю,
Так, не дожив до доблестных седин.

2.

Не победили и не проиграли,
Две армии измотаны вконец.
Потом мы долго, трудно отступали,
Москву сожгли – французы ликовали,
И думали, что нам пришёл конец.

Ну а потом, чуть позже, чудо вышло:
Наполеон бежал! Бежал француз!
Мы всё-таки врагу всадили «дышло»,
Чтоб больше он не шёл на нашу Русь!

...Герои наши, витязи Отчизны
(вас только так и надо называть),
Сражаясь с величайшим героизмом,
Умели побеждать и умирать

За нашу землю горькую, святую;
За веру нашу и за наш народ!
Нет, мне не надо Родину другую,
Коль здесь такое прошлое живёт.

Иду бескрайним полем Бородинским,
Печален мой и вдохновенен взгляд,
А памятники доблести российской,
Как витязи былинные стоят.

Ночь

Ночь поднимается с реки,
Туманом стелется прохлада,
У засыпающей Оки
Вздыхает лес со мною рядом.

И шепчет ласково земля,
Даруя мне цветов дыханье,
Что это – Родина моя,
В ней моё счастье и страданье.

Крутой тропинкой сквозь кусты
Сбегаю вниз я с горной кручи.
Качаясь, шелестят листья,
Что нет на свете края лучше.

А над рекою – тишина,
А под ногой – песок сыпучий,
И шепчет ласково волна,
Что нет земли на свете лучше.

...Погасли в тишине шаги,
Легла на землю ночь густая,
И только звёзды-светляки,
Как счастья искорки, сверкают.

Жеребёнок

Чуть прикрою глаза и вижу
Снова поле созревшей ржи.
Жеребёнок, как солнце рыжий,
Мне навстречу легко бежит.

От земли тянет сладким зноем
Так, что кружится голова.
Вот теперь-то уж мы знакомы,
Старорусская сторона!

Брошусь навзничь, раскинув руки,
В золотые колосья ржи!
За какие заслуги и муки
Это счастье во мне, скажи!?

Чуть прикрою глаза и вижу
Снова поле созревшей ржи,
И сквозь раннюю зорьку – рыжий
Жеребёнок ко мне бежит.

Анатолий УВАРОВ

Анатолий Васильевич Уваров – родился 3 апреля 1928 г. в селе Кезьмино Сурского района Ульяновской области. Полковник в отставке. Ветеран Великой Отечественной войны, Вооружённых сил СССР, Атомной энергетики и промышленности Российской Федерации. Член Союза писателей России. Награждён орденом «Знак Почёта», медалями «За воинскую доблесть», «За трудовое отличие», Золотой Есенинской медалью, Большой серебряной медалью Гумилёва, медалями Ивана Бунина, «А.П. Чехов» и многими другими правительственными и ведомственными наградами. Лауреат первой степени международного литературного конкурса «Любви все возрасты покорны – 2014», Академик русской народной поэзии XXI в. Автор книг стихов и прозы «Кезьминское поле» (2003), «С Отчизной сердце моё слилось» (2008), «Годы-веки» (2011), «Село Кезьмино. Книга памяти» (2011), «Шифровальщик» (2013, 2014).

Живёт в Москве.

«Поклонимся Великой той войне...»

В День Памяти и скорби (22 июня)

Сегодня мы скорбим.
Скорбим о тех, кто был любим,
Кто пал безвременно в бою
За нашу жизнь и Родину свою.
Мы помним всех!
(Не помнить их – позор и грех),
Мы помним их тепло и свято:
Отца и мать, сестру и брата,
Мужей и жён, и наших дедов,
Отдавших жизни за Победу.
Поклонимся Великой той войне,
Её героям и Стране,
Сумевшим выстоять в огне,
И спасшим жизнь – тебе, ему и мне.
Пусть наша скорбь и память эта
Божественным сияют светом
И, как исторический итог,
Как поучительный урок,
Хранятся бережно в сердцах
У всех людей, в в е к а х!

Такая должность у него

Отцу моему – солдату Великой Отечественной войны, погибшему в 1941 году под Москвой – Уварову Василию Михайловичу посвящается

Какой бы вихрь ни закружил солдата,
Какая б даль ни увела его,
К России верность сохранит он свято –
Такая должность у него.

В какой бы ни бывал он круговерти,
Какой бы враг ни целился в него,
Россию он спасёт от смерти –
Такая должность у него.

А потому, за преданность сыновью,
За мужество, за героизм его,
Россия воздаёт ему любовью –
Такая должность у него.

Вдовья забота

Матери моей – колхознице военных лет – Уваровой Анне Ивановне посвящается

Над крышей – свинцовое небо,
Под нею – тревожная течь.
Во рту – ни кусочка хлеба,
Не греет холодная печь.

Под старым, худым одеялом,
Латавшемся тысячу раз,
Сверкают голодным накалом
Две пары детских глаз.

Скрестив на коленях руки,
Сидит погрустневшая мать –
Отцовские старые брюки
Решила на хлеб поменять.

С мучительной, тайной тревогой,
Стараясь себя превозмочь,
Исчезла за мокрым порогом,
Ушла в непроглядную ночь.

Прижавшись друг к другу теснее,
Детишки родимую ждут
И лезут, от стужи синея,
Под рваный, дырявый лоскут.

Не скоро, в промокшей одежде,
Домой возвратилась их мать –
Ведёрко желанной картошки
За брюки сумела достать.

И ей накормила детишек,
Легла отдохнуть на часок,
Потом за вязанкой дровишек
Пошла в отдалённый лесок.

По мокрой и скользкой дороге,
Вёрст десять туда и назад,
Усталые двигала ноги,
Но, всё же, согрела ребят.

А завтра – всё та же работа,
Мученьям не видно конца,
И трудная вдовья забота –
Детишек растить без отца.

Пора суровая

В тот год закончилась война:
Замолкли пулемёты, пушки,
Блестели всюду ордена,
И ликовала вся страна –
И города, и деревушки.

Встречали женщины своих
Мужей и сыновей, и братьев,
Светилась радость в лицах их,
При виде близких и родных,
И были крепкими объятья.

Мы тоже с матерью не раз
На край села встречать ходили,
Но радость обходила нас,
Огонь надежды в сердце гас,
Когда отца не находили.

Я видел, как крепилась мать,
Каких ей стоило усилий
Других, а не его встречать
И, возвращаясь, утверждать,
Что жив, придёт её Василий.

Я слышал, как в тиши ночной,
Когда отчётливы все звуки,
Рыдала мать, как ей одной,
От одиночества больной,
Переживались дни разлуки.

Мучительно текли недели,
Безрадостным являлся день.
Как быстро волосы её седели,
Глаза, как прежде, не блестели,
Гасила их страданья тень.

О, мать, ты верною была:
Священных уз любви не разорвала,
Ты всю войну его ждала,
Как все солдаткою жила,
Но быть вдовой – протестовала...

Память

Память – великая, мудрая сила,
Она всё бывшее ДЛЯ НАС сохранила,
Она – человеческий общий Гений –
Жила и живёт ради всех поколений.

От древних времён до грядущих веков
Ей не было, нет и не будет оков,
Она – исторический наш урожай,
Храни её, чти, береги, умножай!

В День Победы 9 мая (о павших и живых)

1.

Сегодня День Победы.
Ушли страдания и беды
Войны жестокой, мировой,
Именуемой Второй.

С тех пор прошло немало лет,
А успокоения всё нет:
С годами память у людей
Не стала меньше и слабей.

И остаётся скорбь в сердцах
О близких, о родных, друзьях,
Сгоревших в пламени войны
За независимость Страны.

Судьба у них была такая:
Родную Землю защищая
В кровавых, яростных боях,
Остаться навсегда в полях...

Но слёзы тех тяжёлых лет
Не сгладили их ратный след,
Наоборот: из года в год
Их чтит торжественно народ:

За верную к Стране любовь,
Невинно пролитую кровь,
Во имя жизни и свободы,
В военные, лихие годы.

Помянем их, друзья, вставаньем,
Минутой скорбною молчанья,
Чтоб память вечною была
За их бессмертные дела!

2.

Однако есть ещё у нас
(Российский золотой запас!)
Войны живые ветераны,
Несущие и боль, и раны...

Осталось мало их сейчас,
Но факел жизни не угас,
Они – душа своей Страны
И ей по-прежнему верны.

Их патриотический настрой
Скрепляет молодёжный строй,
Чтобы Россия на века
Была могуча и крепка.

Давайте ж пожелаем им –
Всем ветеранам боевым,
Здоровья, счастья, долгих лет
И новых жизненных побед!

3.

Хорошо, что пока ещё многие живы –
Те ветераны, кто от фашизма Родину спас,
Кто и сегодня, не ради лжи и наживы,
Идёт в первых рядах патриотических масс,

У кого и сегодня в руках Красное Знамя,
С которым они в войну бок о бок шли –
Через болота, бомбёжки, огненное пламя
И, с боями, до Берлина дошли!

Трудно сейчас России, неурядиц – лавина,
Повсюду голоса и нападки предателей:
Предала Грузия, в нацистском угаре Украина
И прибалты чествуют гитлеровских карателей...

Как же нам Армию и Флот не крепить,
Не строить корабли и ракеты грозные?!
Как офицеров и солдат в полставки ценить
И не поддерживать силы народные?!

Иваны и Николаи, Екатерины и Маши,
Все ветераны труда и войны!
Вы – неподдельная гордость наша,
Вы – настоящие патриоты Страны,

С праздником вас, боевые друзья!
И ваши слова – справедливые, правые –
Нам не сказать сегодня нельзя:
«Армии не будет, не будет и Державы!»

Анатолий ПЯТОВ

Анатолий Иванович Пятов – член Союза писателей России. Член-корреспондент Академии поэзии. Кавалер ордена «В.В. Маяковский» и литературно-общественной премии «Светить всегда», Золотой Есенинской медали. Лауреат премии «Золотое перо Московии», премии имени А.П. Чехова, ордена «М.Ю. Лермонтов» и литературно-общественной премии «Герой нашего времени». Автор семи сборников стихотворений.

Живёт в Москве.

Метроном памяти

Метроном памяти. Семьдесят лет мы слушаем его с замиранием сердца. Семьдесят лет мы вспоминаем имена тех, кто погиб в боях за нашу любимую Родину – Советский Союз. Но всего семьдесят лет, и мы Европе стали снова неудобны. История их ничему не учит. Они ввели санкции против моих детей и внуков. Они хотят поставить нас на колени. Мы доставим им это удовольствие. В день, когда скорбный метроном будет отсчитывать свои секунды, мы все, от мала до велика, преклонимся перед великим подвигом советского солдата и отдадим ему все воинские почести, но перед извергом – никогда!

Метроном памяти

Стучит над всей страной метроном,
Срывая слёзы дорогому деду,
Лишь слышится его смиренный стон:
Мы празднуем Великую Победу!

На возглас не хватило больше сил,
Ведь даже седина с главы упала.
Он столько гимнастёрки износил
За тех, кого Победа не застала.

И он молчит, а надо бы сказать,
Что злая память о войне проклятой,
Ему сегодня не давала спать.
Он вспомнил всех, кому обязан датой.

А метроном внезапно замолчал,
Предвосхитив дальнейшие моменты
И вся Россия, как единый зал,
Дарила деду все аплодисменты.

Ветеран

В суматохе праздничной, столичной
В орденах, похожий на музей,
Ветеран с опущенной табличкой
Не находит боевых друзей.

Дрожь в руках и горестные слёзы,
А к ногам его летят цветы,
Только шепчут русские берёзы:
Не было б его – не жил бы ты.

Не было б его, не все то знают,
Не было б и их, увы, вполне.
Ветераны наши умирают –
Берегите память о войне!

Внуку

Победы чистая слеза
Омыла влагою глаза –
Спасибо вам за всё, советские солдаты!
Но если мы, мой друг, с тобой
Забудем тот победный бой,
То память вновь поставит нас под автоматы.

И нам придётся воевать,
За эту память умирать,
И кто сказал, что нам сейчас – какое дело?
Уже идёт во всю война
В стране, что памятью больна,
И дай-то Бог, что бы до нас не долетела.

Я низко кланяюсь бойцу,
Родному деду и отцу
За то, что я живу на этом белом свете.
И ты пойми, мой дорогой,
Как важен тот победный бой,
Что мы за эту тишину с тобой в ответе!

Деревенская потеря

Одна собака на деревню,
Да истрёпанный петух.
В поле выросли деревья,
И не нужен стал пастух.

Вот и всё! Моя Россия
Вновь меняет облик свой.
Всех врагов она простила
И пустила на постой.

Видно, так угодно Богу,
Чтобы люди на земле
Снова выбрали дорогу
К мирным звёздам на Кремле.

Мир, не ради рабства мира
И булатного клинка,
Сотворит себе кумира
Из России на века.

Сотворит! Я в это верю!
Верю в Родину свою!
Деревенская потеря
Станет вотчиной в раю!

Кукушка

Не кукуй, кукушка, в тихий вечер,
Не пугай судьбу мою годами.
Мне платить тебе за это нечем –
Я шепчу озябшими губами.

Но летит раскатистое эхо
Над рекой в черёмуховый холод
На мою на радость, на утеху.
Жаль, что я уже не буду молод.

Не кукуй, кукушка, мне, не надо.
Что считать непрожитые вёсны?
Твоему обману жизнь не рада,
Все мы смертны – рано или поздно.

Смолкла песня, в сердце стало пусто.
Дальний лес окутала тревога.
Кто грехи земные мне отпустит?
Я ведь, иногда, не верю в Бога.

Только вдруг опять метнулось эхо
Над рекой в черёмуховый холод
На мою на радость, на утеху,
Ну а я, как будто, снова молод!

Закаты в соловьиных гнёздах

Тишина вечерняя зависла.
Я как околдованный стою.
Соловей в черёмухе затискал
Душу окаянную мою...

Я, как он, с ума сводил округу,
Путая закаты и рассветы.
Как бы это всё вернуть по кругу,
Хоть на годик, друг мой, посоветуй!

На траву роса давно упала,
И на небе высыпали звёзды.
В ней мою печаль любовь купала
На закате в соловьиных гнёздах.

70 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Надежда ТЕРЕНИНА

Надежда Владимировна Теренина – родилась в Москве. Первые стихи написала ещё в школе. Член литературно-музыкальной студии «Златоуст».

Живёт в Москве.

«Всё возвращается только во сне...»

***

А страх, какого он цвета?
Он чёрный или он синий?
Военное первое лето
И куст калины в вершине...

Горит, полыхает калина –
Зачем нам эта война?
И страшно маме за сына –
Она ведь теперь одна...

Истово бьёт поклоны –
Пусть вернётся живым...
А, может быть, страх зелёный
Или сизый, как дым?

***

Вечер памяти для молодёжи –
В зале гул, суета, движенье –
Видно, это тоже тревожит
Подрастающее поколение.

На ребячьих лицах тревога,
Интерес на ребячьих лицах –
В жизни верно выбрать дорогу
И с пути никогда не сбиться!

Вечер в память людей погибших,
Вечер в память ушедших солдат,
Нашу Родину защитивших,
А сердца до сих пор болят.

Деды доблестно воевали
И победу добыли честно,
А за что они погибали,
Это всем и давно известно.

Разнотравье закроет доты,
Чтобы внукам даже не снилось,
Как под пулями гибли роты –
Никогда чтоб не повторилось!

Ветеранам

Не заросли травой воронки
За 70 прошедших лет.
Лежат в шкатулках похоронки
Родных, которых рядом нет...

Незаживающая рана
В сердцах потомков пролегла –
Уходят в вечность ветераны,
Но остаются их дела.

Ностальгия

Хлеба кусочек, посыпанный сахаром, –
Главное лакомство по вечерам –
Как же соседские кумушки ахали,
Будто бы есть было нечего нам...

Просто так здорово было на улице –
Нас не дозваться и не отыскать...
Знали мы – если вдруг мама нахмурится,
Некуда будет нам с братом бежать!

Как в казаков мы играли разбойников,
Как шампиньоны искали в саду,
Как доходили пешком до Сокольников,
Рыбу ловили в Кадетском пруду!

Помнится всё – школа имени Пушкина,
Дом пионеров, каток во дворе...
Бегали на «Анжелику» с подружками,
Ставили ёлку на снежном ковре...

Нам не вернуть наше детство далёкое –
Время летит не по нашей вине –
Кажется, будто всё близко да около,
Всё возвращается только во сне...

Рубен Семёнович Саркисов – родился 24 декабря 1960 г. Отец – инженер по авиационным двигателям, мать – закройщица. С 1978 по 1984 гг. обучался в Московском Авиационном Институте на факультете «Двигательные установки летательных аппаратов». По окончании института работал на предприятиях авиационной промышленности. С 1986 по 1988 гг. проходил службу в рядах вооружённых сил СССР. Живёт в Москве.

«В огне кровавой жёсткой брани ...»

Лидия Литвяк

Трефовый туз у «мессера» на чреве
Арийский гонор в сердце у пилота
Но уступил он в битве русской деве
Которой было двадцать лет всего-то

Неравный бой дракона и пичуги
Смертельный напряжённый огневой
Бессильны здесь рептилии потуги
Мотив ведь разный на суровый бой

Сражался он за гонор свой никчёмный
За право быть хозяином Земли
Чтоб Миром правил фюрер зачумлённый
Враги огонь и смерть сюда несли

А девушка сражалась за страну
За детский смех, за светлый добрый мир
За то, чтоб выгнать в шею сатану
Затеявшего здесь кровавый пир

Эпитафия солдату

По огненно-стальным дорогам
Прошёл солдат победный путь
Не сдавшись ранам и ожогам
Прочь отгоняя страх и жуть

Отчизне он добыл свободу
Теперь бы взять и отдохнуть
Но взялся воин за работу
Чтоб к жизни Родину вернуть

В труде был стоек и упорен
Он не умел жалеть себя
И здесь сражался храбрый воин
Вновь шёл он в бой, людей любя

Судьба вдогонку посылала
Военных ран осинный рой
И в теле боль опять пылала
Но он держался как герой

И отступали все болезни
О дух стальной кльки разбив
Хотел он людям быть полезным
Себе лениться запретив

В огне кровавой жёсткой брани
Не очерствел солдат душой
Не замутились её грани
Осталась доброй и большой

Но старость тихо подобралась
Кто может время победить
В какой-то миг душа сломалась
Сей враг любого мог сгубить

Сломили старость и недуги
Стальную душу сообща
Но он терпел и боль, и муки
Как воин стойко, не ропща

Так пусть же в памяти народной
Запечатлится образ сей
Он сын России благородной
Великой Родины своей

Солдат

Ждут его не дождутся
В райских кущах благих
Где поют и смеются
Где грустят о живых

Дух его задержался
В обожжённой земле
Он с костями остался
В разорённом селе

В том селе, что горело
В сорок первом году
Что с трудом уцелело
В рукотворном аду

Всё кругом омертвело
В девяностых годах
И село опустело
Что стоит на костях

И не смог он взирать
С благодатных небес
И покой сохранять
В мире дивных чудес

Не стенать, не метаться
От бессилья не выть
Но собой оставаться
Страстно Бога молить

Но бессильна молитва
Если люди грешны
И проиграна битва
Против слуг сатаны

Ничего нет святого
И на всё есть цена
От лукавства такого
Ослабела страна

Та страна, дорогая
Жизнь которой отдал
За неё погибая
Он награды не ждал

Потому он остался
Под священной землёй
На которой сражался
И погиб как герой

Там, где кости убитых
Средь древесных корней
Где о битвах забытых
Не злословит злодей

Он лежит и не видит
 Мерзость нынешних дней
 Ту, что видеть обидно
 Не пришедшим с полей

Он свой долг пред страной
 Оплатил до конца
 Встав могучей скалою
 Под лавиной свинца

Он убит, он не сможет
 Снова мир защитить
 Он уже не поможет
 Нам опять победить

Он не может вмешаться
 Чтоб разгул прекратить
 Чтоб как раньше сражаться
 Чтобы яростно жить

Мы должны встать стеною
 Если живы пока
 Чтоб лазурь над землею
 Сохранить на века

Чтоб с небес благодатных
 Мог солдат посмотреть
 На сынов благодарных
 И душой просветлеть

**Натasha Ковшова
 и Маша Поливанова**

В музее школьном девичий портрет
 Мне в душу смотрит добрыми глазами
 Её давным-давно на свете нет
 Но не мертвеет этот взгляд с годами

Осколками пронзённая краса
 Из огненной эпохи человек
 Над ней промчалась страшная гроза
 Оставив её юною навек

Она могла детишек нарожать
 Хорошими людьми их воспитать
 Но ей досталось во поле лежать
 В прах разметав коричневую рать

Они с подругой снайперами были
 Сражались с мужиками наравне
 И множество захватчиков сразили
 Нагрянувших на Родину извне

Последний бой, последняя граната
 С врагами вместе смерть они нашли
 Не сдались в плен на милость супостата
 Поправшего покой родной земли

В той битве люди с добрыми глазами
 Не дали суперменам победить
 Тем, что чеканили шаг грозный сапогами
 Тем, что умели грозно и рычать и выть

Ушли из Мира Маша и Наташа
 Исполнив долг, уснули навсегда
 Как проживёт без них отчизна наша
 Лукавой смуты бурные года?

Хрупкое счастье

В студенческое время жили мы в большой семье, объединявшей в своём составе четыре сестры-близнецы, а через некоторое время женился и старший брат. Жили дружно, даже весело. Дом был гостеприимным и хлебосольным. Гости приходили и к старшим, и к младшим. Разделения не было. В обеденное время все собирались за одним столом и непринуждённо общались. Старшие и их гости знали так много и так щедро делились своим опытом! С другой стороны, молодые оказывались такими внимательными слушателями, что многим старшим просто не терпелось рассказать всё самое интересное.

На нашей лестничной площадке одну из квартир занимал генерал с женой. Детей в этой семье не было, поэтому хозяин и хозяйка души не чаяли в своём преданном друге – роскошной собаке-колли. Генерал был обрусевшим поляком из Западной Белоруссии, которая после освободительного похода Красной Армии вошла в состав одноимённой республики, а, стало быть, и Советского Союза. На военную службу крестьянский парень шагнул прямо из села и вот дослужился до высокого генеральского чина.

После войны министром обороны Польши назначили маршала Рокоссовского – прославленного героя войны, командовавшего парадом победы на Красной площади и сдававшего рапорт самому маршалу Жукову. Так вот, наш сосед был в Польше заместителем Рокоссовского и носил на погонах четыре звезды, что соответствовало званию генерала брони. Внешне это был очень обаятельный человек – тихий, скромный, галантный, говоривший по-русски с характерным польским акцентом. Без генеральского мундира принять его за военного было трудно. Приезжал он в Москву только в отпуск, но без общества скучал. Да и то правда – читать газеты, смотреть телевизор и общаться круглые сутки только с женой и собакой – занятие довольно однообразное и скучное.

Василий Евгеньевич Поляков – коренной москвич, родился 4 июля 1938 г., окончил 330-ю среднюю мужскую школу, затем 2-й Московский медицинский институт, клиническую ординатуру и клиническую аспирантуру в НИИ педиатрии АМН СССР. Врач-педиатр, гематолог, лимфолог, онколог и детский онколог, организатор здравоохранения. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Профессор, академик Международной Академии Информатизации ООН и Международной Славянской Академии наук, образования, искусств и культуры. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Генерал любил приходить в гости в нашу семью, выпить рюмочку-другую коньячку и насладиться обществом молодых людей, особенно женского пола. В то время в наших газетах печатали строго дозированную информацию. В Польше традиция была другая, поэтому наш сосед был полон событиями и историями и охотно делился ими. Разумеется, к его непосредственной работе и государственным секретам никакого отношения это не имело.

В один из вечеров из его уст мы услышали историю, рассказ о которой в те времена поместили практически все польские газеты. Попробую пересказать её по памяти.

...До начала Второй мировой войны в одном провинциальном городишке Польши жил простой рабочий человек. Поляк был женат и жил счастливо со своей семьёй – женой и двумя дочерьми. Началась война. Поляка призвали в армию. Он воевал, попал в плен, потом в концентрационный лагерь. Просто чудом он не угодил в печь крематория и не умер от непосильной работы и издевательств. Его освободила Красная Армия. Когда поляка подкормили и вывели, он с большими приключениями, наконец, добрался до родных мест. Его городок оказался почти полностью разрушенным. На месте его дома зияла воронка. От стариков, живших на окраинах в лачугах, он узнал, что бомбёжки во время войны практически сравняли город с землёй, а во время одного очень крупного налёта погибли почти все жители. Единицы, оставшиеся в живых, разбрелись по белу свету.

Что пережил поляк, не передать словами. И всё-таки его не покидала надежда: а вдруг его семья спаслась? В течение пяти лет поляк наводил справки, писал письма в соответствующие комитеты, но ничего определённого узнать не удалось. Ни жены, ни дочерей не было ни в списках погибших, ни в списках угнанных в Германию.

Человек стал работать – сначала на стройке, а потом пристроился кузнецом в селе. Прошло несколько лет. Приглянулась ему молодая женщина, и он женился. С разницей в полтора года родились в семье мальчишки. Семья жила дружно, хорошо. Но временами наваливалась тоска. Жена замечала это, о чём-то догадывалась своим бабьим чутьём, но мужа расспросами не принимала, берегла.

В один из дней муж поехал на ярмарку – и вдруг встретил свою бывшую жену. Оказалось, что она и его дочери чудом уцелели, так как ушли из городишка ещё до той страшной бомбёжки. Но поляки народ очень религиозный. Первая жена со слезами попрощалась с мужем и сказала ему, что всё, что с ними случилось, – это судьба, так Богу было угодно. Надо терпеть, сохранять семью, растить мальчиков и не травмировать уже подросших девочек, которые уверены, что их отец погиб.

С тяжёлым сердцем возвратился поляк во вторую семью, замкнулся, начал пить. Наконец вторая жена не выдержала, приласкала мужа и попросила рассказать ей, что же такое случилось. От добра, ласки и искренности жены муж разрыдался и всё ей рассказал.

Прошла неделя. В выходной жена сказала мужу, что теперь ей нужно съездить в город на ярмарку, чтобы купить обновы сыновьям и себе. Муж отпустил её.

Так получилось, что вторая жена встретилась с первой, разыскав её на ярмарке. Обе женщины сначала рыдали, потом обнимались и плакали святыми чистыми слезами, раскрывая друг другу душу без утайки и признаваясь, что обе любят честного, доброго и порядочного мужчину,

которого двоежёнцем сделала война. А вот как жить дальше, они не представляли. Сейчас из-за войны сиротами стали девочки, а если муж бросит вторую семью и уйдёт в первую, невольно по вине мужа осиротеют мальчики.

И тогда неожиданно для самой себя вторая жена предложила первой вместе с её девочками перебраться в село и зажить общей семьёй под одной крышей. Дом большой, места всем хватает, а уж любовь мужа они поделают без ссор и драки.

Приехав с ярмарки, вторая жена с нетерпением дождалась ночи и после страстной близости с мужем взяла с него слово поступить так, как подсказало сердце обоим женщинам.

Воссоединение семей состоялось, слезам и радости не было предела. И зажили обе жены с девочками и мальчиками под одной крышей с одним мужем. Как уж женщины делили своего благоверного, это их тайна. Во всяком случае, все были счастливы.

Но каким-то образом соседи прознали, что обе женщины являются жёнами. И это в семье поляка, который должен быть образцовым католиком! Конечно, всё донесли местному ксёндзу. Тот пытался образумить и мужчину, и обеих женщин – всё тщетно. И тогда ксёндз пожаловался на семью высшему духовенству.

И состоялся в Варшаве суд. Все перипетии судебного разбирательства пресса освещала на всю Польшу. И замерла страна в ожидании – чем же всё закончится, что присудят иерархи?

А надо сказать, что поляк изложил на суде свою судьбу и сложившуюся ситуацию подробно и честно, признался, что любит обеих женщин, а они его, что и девочки, и мальчики подружились, любят обеих мам, боготворят отца и считают его самым лучшим на свете. Каждый из детей подтвердил это. А когда стали расспрашивать жён, обе в один голос признались, что любят мужа, не ревнуют его, что он не виноват в том, что так горько в его жизнь вмешалась война. И если те страшные годы уже однажды сделали девочек сиротами, так зачем же делать их сиротами второй раз, уже в мирное время. Мальчишкам же тем более нужен отец, они без папки пропадут, сначала из-за людей станут сиротами, если их разлучат с отцом, а потом могут и по кривой дорожке пойти.

– Мы живём дружно и хорошо, сохраняем семью, растим детей, ведём общее хозяйство, счастливы. Сделайте милость, не трогайте нас, дайте нам быть счастливыми. А уж в том, как сложилась наша судьба, на то воля Божья. – Так, или примерно так излагали свою позицию взволнованные, исстрадавшиеся женщины.

Около недели Польша жила, затаив дыхание.

И всё-таки высшие церковные руководители проявили мудрость. Приняв во внимание абсолютную честность показаний ответчиков, исключительность ситуации, корни которой заложила памятная всем кровавая война, добровольное желание женщин сохранить единую семью и вырастить детей достойными людьми, было принято решение в порядке исключения разрешить ответчикам жить всем вместе одной семьёй. Ибо на всё воля Божья.

...Выслушав рассказ боевого генерала, мы примолкли. Представляли ли мы тогда, какие замысловатые коленца способна выделять жизнь, и как непросто быть счастливым?

Татьяна Леонидовна Чеглова – поэтесса, член СПР. Родилась в Москве. Образование высшее (ВЗПИ – 1981), Университет Рабкоров имени М.И. Ульяновой (Московская Организация Союза журналистов – 1985), среднее художественное (СПТУ №186 – 1986). За доблестный труд награждена медалью «Ветеран труда». Принимала участие в выставках Центрального дома художников, за что отмечена благодарностью Правления Советского Фонда культуры и Международного Сергиевского конгресса. Награждена МГО СПР дипломом и медалью М.Ю. Лермонтова, а так же дипломом, нагрудным знаком и медалью «60 лет МГО СПР». Автор книг «Подари мне любовь» (2003), «Дарите свет любви» (2013). Трёхкратный дипломант конкурса МГО СПР «Галерея избранного стихотворения».

Живёт в Москве.

Название цикла

В церкви

Плыл летний вечер. Перезвон
На фоне алого заката.
Молился мальчик у икон,
За не вернувшегося брата.

Молилась девочка в тиши,
Отца в молитве поминая.
Молилась женщина, к груди
Свой медный крестик прижимая.

А свечи таяли в руках,
Печали будто бы внимая,
И воздух ладаном пропах,
Мольбу в объятья принимая.

Плыл летний вечер. Перезвон
На фоне алого заката,
А мне казалось – это стон,
Всех тех, кто не пришёл когда-то!

Победитель

Мой дед, Иван войны хлебнул,
А память, у виска осколок.
Он смерть в санбате обманул,
Ведь был тогда ещё он молод.

Его отметила война,
И больше никакой награды.
Забыла про него страна,
Со скорбью он смотрел парады.

Одно – бесплатный проездной
Ему страна определила.
Садился дед в трамвай порой,
По рельсам жизнь его кружила.

А он, прикрыв глаза рукой,
За каждым новым поворотом,
Встречал тот страшный, смертный бой,
И на себе тащил кого-то.

Бежал вперёд он на прорыв,
С наивностью святой мальчишки.
Пришёл с войны он, победив!
Войну узнал он не из книжки.

Давно его среди нас уж нет,
Но только подхожу к трамваю,
Сажусь в вагон, беру билет,
И тут же деда вспоминаю.

Где в отражении окна
Рекламы яркие мелькают,
Я вижу дедовы глаза,
С тоской за жизнью наблюдают...

У обелиска

Блестит звезда на обелиске,
А ниже чуть – погибших списки,
Тех, кто хранил пустой патрон,
С запиской, где родился он.

А неизвестных сколько здесь,
О ком не долетела весть,

Парят над обелиском птицы,
И у пришедших мрачны лица,

И с непокрытой головой,
Стоит старик, совсем седой.
В медалях, орденах вся грудь,
Прошёл он до Берлина путь.

Скользнула горькая слеза,
Прикрыл герой платком глаза,
И слышал лишь зелёный дол:
«Я здесь, ребята... Я пришёл...»

Притихли шумные дубравы,
Склонились низко даже травы,
Ромашки зажелтели в поле.
Вот, если б не было той боли...

Всем отдаём сегодня честь,
Погибших нам не перечесть,
Но помнить обо всех нам надо,
Им память – высшая награда!

Виктор Григорьевич Шестов – родился в Москве. Более полувека отработал на Московском прожекторном заводе. Имеет высшее образование. Награждён медалью «За доблестный труд», ветеран труда СССР. Печатался в различных альманахах и антологиях, автор трёх поэтических сборников, член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

Виктор ШЕСТОВ

«Поклонимся низко мы славе твоей...»

Эхо войны

Народы Европы
Спасла от фашизма
Советская армия –
Гордость страны.

Земля ещё помнит
Окопы и ДОТы,
Все грозные годы
Великой войны.

Сегодня в любую
Семью постучитесь,
Ответят вам с болью,
Молитву творя.

Что дед или прадед
Лежат где-то в поле,
Их праведной кровью
Полита земля.

Они защищали
Родимую землю,
Свой дом и семью,
И седых матерей.

Война забрала их,
В пучину повергла
Любимых и лучших
Из лучших людей.

Народы Европы!
Взывает к вам память
Погибших в войне
Миллионов людей.

Пусть мирное небо
Над вами сияет,
И эхо войны
Не вернётся назад!

Поклонимся низко

Война уравнила
И слабых и сильных,
И взрослых и юных,
Но храбрых ребят.

Земля под ногами
Гудела, горела
Для всех без разбора
Советских солдат.

Атаки и марши,
Паденья и взлёты,
И гром канонады,
Пылающий ад.

Ты вынесла всё,
Золотая пехота
От Волги к Берлину,
Не зная преград.

Ты храбро сражалась,
Не ведая страха,
За правое дело
Стояла стеной.

И ты на Рейхстаге
Штыком расписалась
Царица – пехота,
Народ боевой.

И гордое Знамя
Победы в той сече
Взметнула, вещая,
Что Мир на земле.

Царица полей,
Мать-пехота родная,
Поклонимся низко
Мы славе твоей.

Рядовому войны

Ветеран войны Великой,
Ты не раз в аду бывал,
Устоял в жестокой битве,
Честь свою не запятнал.

Был контужен не однажды,
И ранений – как наград!
Возвращался в строй отважно,
Гнал взашей врага назад.

Рядовой пехоты, мальчик,
Балагур и весельчак,
Незатейливый рассказчик,
Пусть нет сажени в плечах.

Как ходил в разведку тихо,
Брал бесшумно «языка»
И тащил по полю лихо,
Хоть и ноша нелегка.

Жарко бился в рукопашной,
Ловкий, смелый, словно рысь.
На привале – щи да каша,
И... пехота веселись!

Где солдатская частушка,
Прибаутка под гармонь
Да шинель, тебе подружка,
Незатейливый покрой.

Так и топал до Берлина:
Где пешком, где на броне,
Повзрослел и стал мужчиной
В этой яростной войне.

И теперь, с высокой кручи,
Высоты минувших лет
Глаз твоих весёлый лучик,
Отблеск горя и побед,

Светит нам, напоминая,
Как вы бились, как дрались,
Землю, Родину спасая,
Подарили внукам жизнь.

Старость пусть тебя обходит,
Раны ночью помолчат.
О тебе поют в народе,
Рядовой войны, солдат!

Вечной памяти подводников

Твой образ в доме,
Как икону,
Чтут все племянники
В родне.

Ты самый младшенький
Ребёнок
И самый ласковый
В семье.

Тебя так искренне
Любили,
Ты сёстрам был,
Что маков цвет.
Тебя Николенькой
Крестили,
И краше имени
Нам нет.

Но почему, любуясь
Полям,
Ты сильно море
Полюбил,
Увлёкся яростной
Волною,
Подводный флот
Боготворил.

А служба флотская
Мгновенна.
На погруженье
Дан приказ,
И поглотили волны
С пеной
Весь ваш Гвардейский
Экипаж.

Считали без вести
Пропавшими
Вас много лет
Страна, родня.
Судьбе угодно,
И однажды
Нашлись и ваши
Якоря.

Вас бомбы с воздуха
Накрыли,
Не дав вам всплыть,
Увидеть свет.
Подлодка –
Братская могила
Хранит покой ваш
Много лет.

Весь экипаж –
Семья большая.
Вас помнят жёны,
Сыновья.
От слёз горька
Волна морская,
Скорбит притихшая
Земля.

Курсом к цели (отрывок из поэмы)

*Памяти моего дяди, подводника –
Николая Борисовича Климова*

Война велась по всем фронтам:
На суше, в воздухе и море.
Всем эскадрильям и флотам
Давать отпор фашисткой своре.

...И, вот, настал для них черёд.
Команда «Щуке» выйти в море.
Сказали: «Варна помощь ждёт,
К ней подойти, со штормом споря».

Весь экипаж – одна семья,
Сплотили мирные недели.
Убрать флагштоки, якоря
И курсом, выверенным, к цели!

Боекомплект сполна на борт
Успели взять по штату точно.
Команда с берега идёт:
«На погруженье, к цели, срочно!»

В открытом море – тишина,
Нейтральных вод волна качает.
А, всё ж вокруг идёт война.
Что впереди – никто не знает!

А вот рассвет, и цель близка,
До всплытья – эхолоты чутки,
Фашистский асс сквозь облака
Увидел силуэты «Щуки».

И сбросил свой на лодку «Ад»!
Глубинных бомб комплектом полным.
...Близ Варны до сих пор лежат:
Та «Щука» с экипажем в волнах.

Уж сколько лет, как нет войны.
Но буй сигнальный сообщает:
Со «Щукой»¹ здесь погребены
Сыны Отчизны. Чтим их память!

¹ «Щука» – подлодка Щ-274, погибшая в 1941 г. близ берегов Варны. Факт гибели установлен только в 1986 г. До этого времени считалась без вести пропавшей, как и весь экипаж.

Марина Борисовна Чичерина – родилась в Москве 16 февраля 1957 г. По профессии химик. Есть музыкальное образование по классу фортепиано. Автор-исполнитель, активный участник литературно-музыкальной студии «Златоуст» в Москве.

Живёт в Москве.

«Как память болит о проклятой войне...»

***

Герои, герои! Да мало ли, мало ли?
 Меняется жизнь, облик, нравы, видение...
 Обычные с виду люди, вы помните,
 Кем стал впоследствии Муромский сидень?

И дело не в мощи и не в дородности,
 А в силе духовной, великой и славной,
 И бескорыстной любви, в благородстве
 И в личной ответственности за слабых.

Не каждый такой удостоился доли –
 Платить за Отчизну души озареньем
 Второе, вчетверо – чего б ни стоило –
 Жизненной силой без сожаленья!

Здесь жертвенность сердца, согласие разума
 И твёрдость воли невероятные,
 Но Бог даёт им, миром помазанным,
 Благословение в подвигах ратных.

А память людская так избирательна –
 Годы, века ли – далёкое где-то...
 В Русской семье герой обязательно
 В каждой найдётся! Мы помним об этом!

***

*Цедякову Ивану Алексеевичу,
 деду моему посвящается, простому солдату
 Великой Отечественной*

1.

Я поздно родилась, войны не знала,
 Но мама мне успела рассказать,
 Как с бабушкой и братом провожала
 Отца на фронт – Отчизну защищать...

Что демобилизован в сорок третьем,
 Пройдя палаты фронтовых госпиталей,
 На костылях, седой – войны отметины,
 Пришёл домой с войны в голодном феврале.

И как село героя воина встречало –
 Совхоз на бабах – дети, пара стариков,
 А тут кормилец, с ремеслом, да разве ж мало,
 Ведь всех на фронт забрали мужиков!

И слёзы горечи и радости бежали
 До подбородка аж, да кто же их держал,
 А бабушка мужа с колен обнимала,
 Каждым движением его дорожа...

2.

В шестьдесят третьем, шестигодовой,
 Открылась цена мне побед и войн –
 И помню я ту гимнастерку в медалях,
 И дедовы сны – полукрик, полустон...

И в памяти – кисть гармониста беспалая,
 Костыль да штанина подшитая правая
 С ноги, что осталась лежать под Орлом
 В земле после битвы в сорок втором...

Всё помню – как дед, на гармонии играя,
 Был рад, что не сильно изранены руки,
 Летали по кнопочкам в радостной муке,
 И над рекой разливались «Страдания».

Я помню, как вверх он меня подбрасывал,
 Замирало сердечко – ввысь улетало,
 Как в добрых глазах небо синь расплескало,
 Ловил и к колючей щеке прижимал!

И как же любила я деда Ивана!
Но снова гармони меха на ремне.
А новый протез – умер дед очень рано –
Как память болит о проклятой войне...

Правителям Украины

Воля неволить – не Божья воля!
Полярные точки – противоположные!
Всякое действие – символ боли
Невероятного, но возможного...

Воля неволить – господство и рабство,
Где твёрдо отмечена грань превосходства –
Непостижимая скудость богатства,
Неизлечимая степень уродства!

Послание народу Украины

Договоритесь, люди, меж собой!
Недаром первым созданное слово
Служить умам посредником готово!
Договоритесь, люди, меж собой!

Не рвите землю раскалённой сталью!
Ей чужды обожжённые воронки,
Ей тяжело от войны, и нити тонки...
Не рвите землю раскалённой сталью!

Земля – обитель для всего живого!
Ей семена взрастить – прямое дело,
Нужны лишь руки тёплые, умелые!
Земля – обитель для всего живого!

Договоритесь меж собою, люди!
Довольно пыжиться в величии амбиций!
Ведь безнаказанным ничто не будет,
Пока не поздно, люди добрые, очнитесь!!!

ПОЭЗИЯ

Татьяна ШУВАЛОВА

Татьяна Григорьевна Шувалова (Петровская) – родилась 7 декабря 1961 г. на Украине в с. Миляноичи Турийского района Волынской области. До 7 класса обучалась в украинской национальной средней школе. Мать – русская, отец – украинец. Замужем, имеет двоих взрослых сыновей. Автор трёх поэтических сборников. Есть публикации в поэтических альманахах «Звезда полей» и «Золотая строфа» (Москва). Лауреат и неоднократный победитель областных и международных поэтических конкурсов. Живёт во Владимире.

«Пока молитва горяча...»

Храни и помни...

Промчалось лет уже немало
С тех пор, как минула война,
Своим лихим смертельным жалом
Коснулась каждого она.

Прошедших лет откинут полог,
Забить войну, как можно сметь?
К Победе путь был труден, долог,
Через разруху, боль и смерть.

Сражались храбро наши деды
С святою верою в сердцах:
Что он наступит – День Победный!
И ад войны развеет в прах.

И до сих пор звучит набатом
Воспоминанье о былом,
Невосполнима боль утраты,
Жизнь миллионов – в жерле том.

Победы День! В нём духа сила,
Героев слава, пот и кровь,
Войны исчадие в могилу
Повергнул Сорок Пятый год.

И никогда никто не вправе
Его величье умалить,
Героев мужество и славу
Нельзя отнять, иль поделить.

Победа! Долгожданной вестью
Стучало радостью в висках,
Победы День из лихолетья
Пришёл, чтоб жить, сиять в веках!

Пришёл, чтоб вновь войны не ведать,
И чтоб её исчезла тень,
Храни и помни День Победы!
Храни и чти Великий День!

Храни его, во что б ни стало,
И сколько б ни промчалось лет,
Победы свет тот алый-алый
Храни всегда, как сердца свет!

Гори, свеча...

Гори, гори, моя свеча,
Перед святейшим Бога ликом,
Пока молитва горяча,
Душа раскрыта, будто книга.

И даже самый малый грех
Пред Ним сейчас, как на ладони,
Случайный даже, и из тех,
Что виден лишь на светлом лоне.

Молись, трудись моя душа,
Очнись, пока ещё не поздно,
Долг покаяния верша,
Пред милосердным Ликом грозным.

Очисти, Господи, меня,
Одень в прекрасное из платьев,
Из нитей светлых, Твоея
Неизреченной благодати.

Греховный наш и бранный мир
Ты вновь кропишь слезой и кровью,
Прозревши, чтоб узнали мы,
Что мир спасётся лишь Любовью.

Гори, гори, моя свеча,
Да не коснётся духа тленье,
Пока молитва горяча,
Тверда и вера во спасенье.

Песня о материнской любви

Едва на свет родиться мы успели,
А нас Господь уже благословил:
Как будто бы в святой его купели,
Купаться в чистой маминой Любви.
Она в тебе души своей не чая,
Летит всегда и всюду за тобой,
О, сколько же тепла в себя вмещает
Святая материнская Любовь.
Кто может так ещё, скажи, как мама,
Понять тебя и всё тебе простить?
Она ходатай наш пред небесами,
Не устаёт молиться и просить.
Просить для нас у неба лучшей доли,
Защиты нам и помощи молить,
И нет такой печали, и нет боли,
Что мама не смогла бы утолить.
Её Любовь всё-всё претерпевая,
Отдать спешит, не требуя взамен,
И даже если та Любовь слепая,
Всегда ей чужда холодность измен.

Припев:

Материнская Любовь – милосердная,
Будто тихая молитва, усердная.
Бескорыстная она, беспредельная,
Песня, будто нам она – колыбельная.
Сердце матери болит да тревожится,
Как судьба нам улыбнётся, как сложится.
Так, щади ж его, всегда, береги ж его,
Материнская Любовь – от Всевышнего.

Татьянин День

В таком чудесном одеянье:
И в серебре, и в жемчугах,
С небес слетает День Татьянин
Искристым солнышком в снегах!

Он нам светло живописует
О том, как чист и как велик,
Как дивный возглас: «Аллилуйя!»,
Святой Татьяны чудный лик.

И ты святой Татьяны подвиг –
Венец смиренный – не забудь,
Храни и чти, неся сквозь годы,
И знай: в Любви Христова суть.

Такой, как небо необъятной,
Такой глубокой и живой,
Такой, как вера, благодатной,
Дай, Бог, хоть каплю нам такой!

И знают все на Божьем свете,
Влюблѐн в него и стар, и мал,
Великим Пушкиным воспетый
Татьяны милый идеал.

Да будет он во веки славен –
День двадцать пятый января,
Летящий к нам, как дивный ангел,
Студентам свой покров даря.

В таком чудесном одеянье:
И в серебре, и в жемчугах,
Сияй, сияй же День Татьянин
Искристым солнышком в снегах!

Татьянин день, как солнце светел
И свят. Как будто Божество
В сей день являет добродетель,
А значит: Веры торжество!

Здесь русским он пел соловьѐм

*Посвящается советскому поэту-песеннику
Алексею Ивановичу Фатьянову*

На русских родимых просторах
Берѐзки листвой шелестят,
И древние вязы им вторят,
Что рядом веками грустят.

И каждый вернѐтся когда-то,
Кто здесь побывал хоть бы раз,
Здесь Клязьма поѐт на закатах
Алѐшины песни для нас.

В краю, что всегда вспоминает
С глубокой печалью о нём,
И Малое Петрино знает
Того, кто здесь пел соловьѐм.

Здесь жил он открыто и просто,
Судьбы не желая иной,
И путь его был светоносным,
А песня – что цвет полевой.

И сердце, те песни заслышав,
Стремится, теряя покой,
Всѐ выше, и выше, и выше –
Как зори над Клязьмой-рекой.